

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10
1965

УРАЛЬСКИЙ Следит

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

*К 45-летию выступления В. И. Ленина
на III съезде комсомола*

Как-то в одном из совхозов Свердловской области проходило комсомольское собрание. Разгорелся страстный разговор о молодежных бригадах, о соревновании за коммунистический труд. Выступавшие называли цифры, критиковали недостатки. С мест неслись колкие реплики.

К столу подошла девушка, комсомолка с животноводческой фермы, молча, словно собираясь с мыслями, окинула взглядом сидящих, потом высоко подняла голову и... начала читать стихи. Читала она с каким-то особым лирическим вдохновением — о сияющих горных вершинах, которых достигнут те, кто не страшится в жизни никаких трудностей и у кого доброе, чистое сердце.

Когда девушка умолкла, все долго и бурно аплодировали ей.

Горные вершины, манящие и уже близкие!.. На пути к ним советский народ преодолел великие трудности. Наши отцы и деды начали штурм старого мира, сжав зубы, отбивали яростные атаки многочисленных вражеских армий, строили социализм. А ныне мы все выше и выше поднимаемся к сияющим вершинам, имя которым — коммунизм. Это о нем сорок пять лет назад вдохновенно говорил Владимир Ильич Ленин, выступая с речью на Третьем Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи.

Сегодня мы вновь и вновь перечитываем вечно живые ленинские строки,

чтобы по ним еще раз выверить наш путь.

...Стены домов, заборы пестрят лозунгами, призывающими к борьбе с сыпняком и разрухой. С плакатов в упор глядят красные воины, спрашивая: «А ты записался добровольцем в Красную Армию!». На сером, ломком газетном листе выделяются слова: «Все — на борьбу с панской Польшей и бароном Врангелем!» По улицам с песнями изможденные люди идут на субботники.

Такой была Москва осенью тысяча девятьсот двадцатого года. Здесь 2 октября в большом зале Коммунистического университета имени Свердлова на Малой Дмитровке, в доме № 6 (теперь в нем театр имени Ленинского комсомола) открылся III съезд РКСМ. Большой зал был набит до отказа. Делегаты в солдатских шинелях и стеганках, в сапогах и ботинках с обмотками, в зипунах и лаптях съехались со всех концов в столицу молодого Советского государства. Среди них находились и посланцы Урала. Им было что рассказать съезду.

Уральская молодежь отважно сражалась на фронтах гражданской войны, вела смертельную борьбу с Колчаком и белочехами в подполье. Когда враг был изгнан с Урала, комсомольцы двинулись на хозяйственный и культурный фронты.

...Делегаты с нетерпением ждали Ленина. Владимир Ильич должен был приехать на съезд к пяти часам, но потом сообщил, что задерживается и приедет к шести. Многие выбегали из зала в надежде увидеть Ленина, когда он появится у подъезда.

Началось заседание. С трибуны выступал белокурый паренек в поддевке. И вдруг раздался шквал аплодисментов. Делегаты увидели Ленина. Он шел по залу в распахнутом осеннем пальто и известной всему миру кепке. Поднявшись в президиум, Владимир Ильич разделся, присел к столу, поговорил о чем-то с соседом. Кто-то из делегатов запел «Интернационал», его подхватил весь зал. Ленин вынул часы, показал делегатам и направился на середину сцены, к рампе.

— Товарищи,— просто сказал Ленин,— мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи, и в связи с этим — каковы должны быть организации в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества...

Владимир Ильич разъяснял, что старшее поколение выполнило задачу свершения старого строя, расчистило почву для строительства нового, коммунистического общества и заложило тот «фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми».

Шаг за шагом перед делегатами развертывалась ясная и стройная программа деятельности комсомола и молодежи на многие годы вперед.

— И вот,— говорил Ленин,— подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

«Учиться, когда еще не добыты Врангель и белополяки, а в стране голод и разруха!» — недоумевали делегаты. А Владимир Ильич, будто не замечая вопросительных взглядов, продолжал:

— Мы можем построить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих средств и сил, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества. Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учиться и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и завершить то, что мы начали.

Ленинская логика постепенно рассеивала всякие сомнения, убеждала, что недостаточно быть только смелым, самоотверженным бойцом. Оказывается, чтобы превратить разоренную, бедную страну в богатую и счастливую, надо стать инженером, агрономом, ученым, надо

учиться коммунизму. Но дело учебы не исчерпывается только получением образования. Неразрывно связывать обучение и образование с практической работой, с участием в борьбе рабочих и крестьян за коммунизм — вот в чем суть. А это означает воспитание у молодежи коммунистической морали.

— Союз коммунистической молодежи, — подчеркнул Владимир Ильич, — должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин... По мере того, как это будет в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Так устами своего вождя Коммунистическая партия определила историческую роль молодого поколения, призванного продолжать дело отцов — строить светлое здание коммунизма.

Провожать Ильича вышли все делегаты. В фойе кто-то хотел помочь ему надеть пальто.

— Не нужно, не нужно, я сам, — проговорил Владимир Ильич.

Он выразил сожаление, что страна сейчас в тяжелом положении и нет возможности порадовать делегатов подарками. «Но, верьте, хорошо народ жить будет!» — сказал на прощание Ленин.

А когда делегаты вернулись в общежитие на Садово-Кудринскую, каждому вручили кусок красного сыра и пакетик с सबой.

...В то трудное, тяжелое время в Россию приехал знаменитый английский писатель-фантаст Герберт Уэллс. Он бродил по сумрачным улицам Петрограда, видел магазины с заколоченными витринами, побывал в школах и на предприятиях.

В Москве Уэллса принял Ленин. В ответ на мрачные выводы писателя Владимир Ильич нарисовал захватывающую картину электрификации страны по плану ГОЭЛРО и в заключение сказал:

— Приезжайте к нам лет через десять и посмотрите, что сделано в России за это время.

Вскоре в Англии вышла книжка Уэллса «Россия во мгле».

В ней он писал:

„История не знает ничего, подобного крушению, переживаемому Россией. Если этот процесс продолжится еще год, крушение станет окончательным. Россия превратится в страну крестьян, города опустеют и обратятся в развалины, железные дороги зарастут травой. С исчезновением железных дорог исчезнут последние остатки центральной власти“.

Ленин был назван в этой книжке «кремлевским мечтателем».

Время развеяло в прах мрачные предсказания англичанина. Он не дожидаясь тех дней, когда многие его фантастические идеи, высказанные в произведениях, воплотились в жизнь в той самой стране, которую он считал обреченной на гибель.

...Сегодня на знамени Ленинского комсомола сияют пять орденов — свидетельство заслуг комсомола в строительстве социализма, свидетельство выполнения ленинских заветов.

После III съезда РКСМ уральские комсомольцы с утроенной энергией принялись за работу. Молодежь шла на производство, училась, вела культурно-просветительную работу.

В эти годы началось шефство уральских комсомольцев над Балтийским флотом, завязались тесные связи с французской молодежью.

Яркую страницу в строительство социализма уральские комсомольцы вписали в годы первых пятилеток. Магнитка и Уралмаш, Тагилстрой и Челябинский тракторный стали ударными стройками.

Это было героическое время. Время великого похода за индустриализацию, трудовых рекордов, ударных бригад, учебы в технических кружках и прямо у рабочих мест, время овладения новой техникой. Это было время коренной перестройки сельского хозяйства на коллективный, социалистический лад.

Так творил свою историю комсомол закаляя волю, мужество и готовясь к новой борьбе.

Когда началась Великая Отечественная война, молодежь Урала вместе со всем советским народом грудью встала на защиту своей страны, на защиту завоеваний социализма.

«Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола и отправить на фронт». Тысячи и тысячи таких заявлений поступали в те суровые годы в райкомы комсомола.

На смертельную борьбу с фашистскими полчищами уходили соединения и части, наполовину состоящие из комсомольцев. Десятки тысяч комсомольцев вступали в ряды народного ополчения.

В ряды бойцов и командиров прославленного Уральского добровольческого танкового корпуса влились лучшие представители уральской молодежи.

В ожесточенных битвах с заклятым врагом сыны и дочери Ленинского комсомола являли собой пример мужества и доблести. Только из числа воспитанников комсомольской организации одной Свердловской области пятьдесят получили высокое звание Героя Советского Союза. Зайковский комсомолец Григорий Речкалов в воздушных боях сбил 58 вражеских самолетов и был удостоен звания дважды Героя Советского Союза.

Молодежь Урала гордится своим земляком Николаем Кузнецовым, действовавшим в тылу врага.

За ратные подвиги тысячи уральских комсомольцев награждены орденами и медалями.

Неувядаемой славой покрыла себя уральская молодежь на трудовом фронте. Самоотверженно, преодолевая трудности, она неустанно ковала оружие, готовила обмундирование, выращивала хлеб. Девушки осваивали мужские профессии — становились сталеварами, горновыми. Фронтные бригады олицетворяли неиссякаемую энергию молодежи и непреклонную волю к полному разгрому фашистских захватчиков.

Так выполнялся комсомолом нашей страны великий ленинский завет — «объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов».

...Отгремела война, и молодежь снова вернулась к мирному труду. Началось социалистическое соревнование за досрочное выполнение первой послевоенной пятилетки. К 30-летию ВЛКСМ более двух с половиной тысяч свердловских комсомольцев закончили свои пятилетние задания.

По зову Коммунистической партии пять тысяч свердловских комсомольцев уехали осваивать целину. А сколько их было со всего Урала!

Претворяя в жизнь бессмертный ленинский наказ — учиться коммунизму, комсомольцы Урала включились в поход за технический прогресс и культурно-технический рост молодежи. В авангарде этой борьбы идут бригады коммунистического труда.

Борясь за досрочное выполнение семилетки, комсомольцы и молодежь построили Белоярскую атомную электростанцию, Нижне-Тагильский конверторный цех, Качканарский горнообогатительный комбинат, новые мартены и домны Магнитки, различные химические предприятия.

Лучшие представители советской молодежи первыми проложили путь в космос.

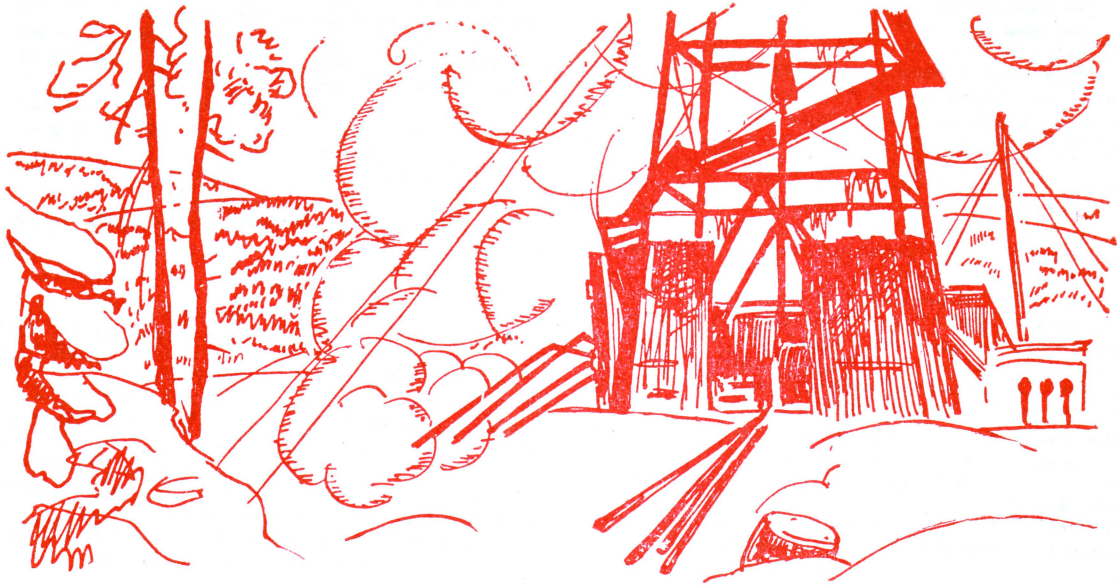
Ленинский комсомол вырос в огромную армию, в его рядах — 22 миллиона человек. Выполняя ленинский завет — учиться коммунизму, советская молодежь идет в первых рядах борцов за мир.

Ныне мы не одиноки в борьбе за коммунизм, в борьбе за мир и счастье людей на земле, против империализма. Юноши и девушки уже многих стран мира идут в ногу с советским народом. Все ярче разгорается национально-освободительное движение колониальных народов.

Великие идеи коммунизма совершают сейчас по всей нашей земной планете свой победный марш.

Ан. МОТЫРЕВ

Адмиральский пирог

Очерк

I.

За окном вьюга. Друзья только что ушли. Что это за книжка на стуле? Лешкин учебник. Забыл. Надо будет завтра захватить с собой. Виталий погасил в медном лапте окурочок. Пора спать... Дочурка раскинула ручонки. Совсем как птенец беспомощный. Под крылом матери ей бояться нечего. К начальнику не вызовут. У нее несложный план: высосать побольше молока. А у него — выкачать больше нефти.

Мечется бурная ночь за окном, швыряет колючим снегом в стекла. Совсем как на Дальнем Севере. Виталий переворачивается на спину и вспоминает.

...Буровая — как огромная птица, опустившая поломанные крылья. Неделию крутит метель. Больше провизии нет. Дороги нет. Людей на смену нет. Те, что вахту несут, не спят третьи сутки. Виталий держит тормоз — не тормоз, а пульс буровой. Кто в детстве не был в ледяном царстве сказочника Андерсена?! Но здесь не сказка. Север суровее сказки. Виталий считает минуты. Минута — как пуля и минута — как вечность. Они идут друг за другом. Виталий видит не спины друзей, а залубневшие глыбы. Глыбы движутся, глыбы трудятся. Под ногами, где-то в глубине, турбобур приближается к нефти.

Идет 24-я минута 10-го часа...

— Виталий! Виталий! — кричит чуть ли не в ухо помбур. — Давление падает. Что делать?

— Как что делать? Зови всех! — В голосе усталость. В глазах слеза — то ли ветром ее вышибло, то ли нервы сдали. Бурильщик знает,

что такое «упало давление». Значит, не греться у печки, значит, опять быть снежной глыбой.

— Где сменщик? — Виталий взял себя в руки. — Поди разбуди! Одним не справиться...

— Ну, что стоишь?!

— Сбежал он. На оленях. — Помбур не сказал, а прошептал это.

— Дурак, не доберется! — вдруг истерично раскричался Виталий. — Подмени ребят теми, кто остался!.. И проверь меня, чтоб не замерз, часа через два...

Виталий проснулся. Нет, Алексей Юртаев не сбежит. Да и Белов теперь, пожалуй, тоже... Не такие ребята!

По радио бодрый голос:

— Сегодня разучим новый комплекс утренней гимнастики. Итак, приготовиться!..

II.

При-го-то-ви-ца! — кричит Виталий, сложив ладони в рупор.

Это было в начале месяца.

Эхо шальной шрапнелью ошпарило лес. С основных веток слетел снег. Стоит Виталий Вовченко на головном тракторе. Стоит небрежно: растегнут ватник, грудь нараспашку, галстук болтается, уши у шапки торчком. В глазах — тревога, на губах — улыбка. И совсем, кажется, он не мастер: мальчишка-мальчишкой. Свистнет залихватским свистом, и ватага ребят закидает снежками проходящих девчонок.

— По-ош-ли!..

— шли-и-и... — подхватывают горы. Эхо тут же захлебывается в моторном рокоте.

Надрывая мышцы, стальные бурлаки загудели свою дубинушку. Хоть грудь стальная, хоть легкие стальные — пробуксовывают гусеницы, тракторы зарываются в землю. Тросы натянuty, как струны у гитары. Рвани немного, и лопнут со звоном. Но машины ни с места.

Ракетой на горе, освещенная солнцем, стоит вышка. 777-я скважина, или просто «три семерки». Самая отдаленная, самая глубокая на Туймазинской площади.

Сюда и летом добираться, как до бога. Но не бросать же отработавшую свое скважину. Закон нефтяников — высосать из пласта все, что можно. И задача их ясна — освоить второй горизонт. А перед этим — капитальный ремонт. Только неясно, как по бездорожью, по этим снегам забросить оборудование на «три семерки».

Уже не в первый раз Виталий клянет эти оперные три семерки. Бригада с планом и так зашивается. А с этой скважиной, считай, труба. Получат ребята копейки. Плюнуть на все, отказать! Руки опускаются. Но ведь сам же мечтал о такой жизни? Помнишь, на Севере бывало хуже?

То Север... Там на равных все бригады бурили. И условия для всех равные были. А здесь он, Виталий, не возьми сегодня «три семерки» — завтра начальство махнет рукой: «Ну какой с тебя толк? Был отстающим и останешься им. С соседней бери пример. Настоящие герои. Нефть выдают!»

Выдают! А почему бы и нет. У дороги на всем готовеньком! Герои? Так лезьте на семерки!.. Попробуйте вот сейчас в гору, да сквозь лес этот треклятый кабель протянуть!

— Ну что, мастер, так и будешь кусать губы? Что делать станем? — окликнул Виталия тракторист.

— Думаю, Леша.

— Долго думаешь. Народ недоволен.

— Сам вижу.

— Переключай, мастер, мозги на третью скорость, а я еще разок попытаюсь.

Хитер ты, Алексей Юртаев! Думаешь, не понял тебя? Время намерен выкроить. Людей отвлечь. Что ж, попробуй, и я попробую.

Снова заревели моторы, снова гусеницы едят землю. Проваливаясь по колено, нефтяники утаптывают снег перед машиной.

Виталий подбегает к Юртаеву.

— Глуши, парней замучаешь!

Юртаев снимает ушанку и с досадой нахлобчивает ее на рычаг.

— Придумал?

— Да. Лебедкой тянуть.

— Нельзя. Трактор опрокинется..

— Попробуем. На Севере однажды так тянули. В разлив. Собственными глазами видел.

— Эх, была не была! Уговорил!

Тягач вздыбился, как заарканенный конь; еще мгновение — и опрокинется. Навзничь. Виталий видит лишь руки Юртаева. От напряжения пальцы побелели — ни кровинки. Но руки спокойно, без лишнего движения, без суеты перебирают рычаги. Трос зазвенел и — вдруг пошел.

Лес огласился радостными криками. Шапки полетели выше берез. Виталий вытер пот,

III.

Снег падает большими хлопьями. Даже неестественными. Совсем как вата в провинциальном театре. В распахнувшуюся дверь культурки вваливаются Борис Белов и Юртаев.

Виталий вскакивает навстречу Леше.

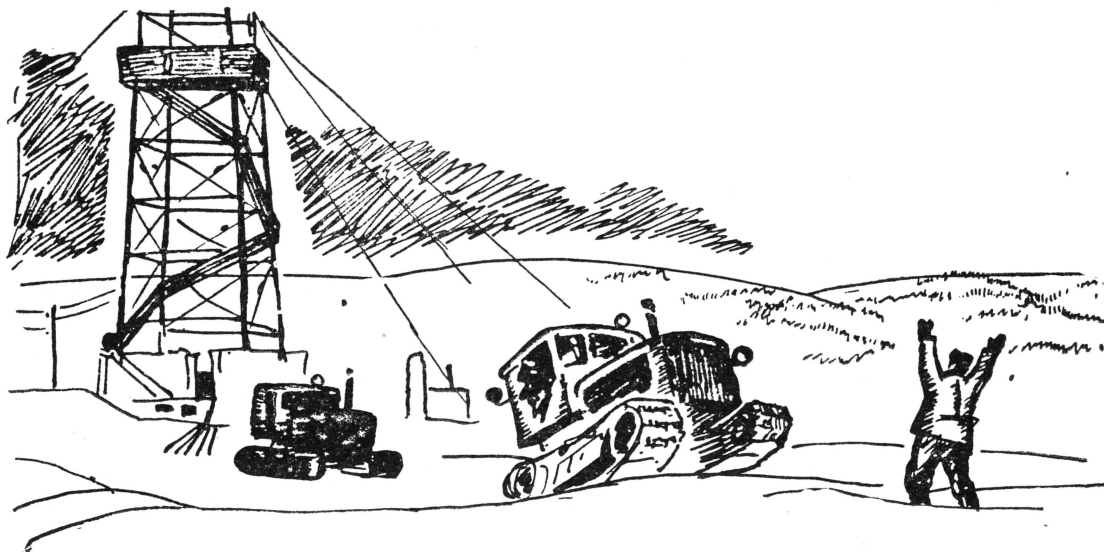
— Вот это да! Да здравствует механик! — Виталий тискает в объятиях тракториста.

— Брось, мастер. Душу вытрясешь! — добродушно отбивается Юртаев.

Виталий не унимается:

— С меня причитается! Сдадим «три семерки», поставлю бутылку хорошего вина. Тоже «три семерки» называется.

Борису Белову не нравится, что у мастера никакой солидности. Чего расшумелся, как маль-

чишка? Ну, молодец Юртаев! Отлично сработал: на подставках протянул по лесу два километра кабеля! Ну, тяжело было, рискованно! Только за-чем этот телячий восторг? За четырнадцать лет он, Борис, на капремонте впервые видит такого баламута. Жизнь для такого — тютельки-мутьелки. На легких хлебах вырос. Наплачешься с ним...

— Ты что, Борь, сегодня колючий, будто дуешься на кого?

— На тебя, Возченко, и дуюсь.

— Чем насолил я тебе?

— Мне ничем. А вот себе можешь.

— Не понял.

— Отмени распоряжение открыть скважину на излив.

— Это еще зачем?

— Как хочешь. Зальет всю территорию: ни подойти будет, ни подъехать.

— Не подъехать — и так не подъедешь. А насчет подойти — согласен. — И Виталий разразительно засмеялся. — Спасибо, профессор, иду исправляться!

Такой оборот не по душе Белову. Вот сундук, ради приличия, что ли, поспорил бы! Все же — начальство... А может, не надо ложных финтов? Может, и лучше, что сразу, в открытую ошибку признал? Может, в этом та сила, что подкупает ребят? А авторитет?..

Борис Белов всячески гнал тот робкий голос, который уже несколько раз пытался доказать ему, что Виталий в принципе толковый парень. Что в нем есть «божья искра», дар, так нужный нефтяникам.

— Ты что хмуришься? — спрашивает Бориса Юртаев. — Все еще мастеру глухомань эту не можешь простить?

— Зато ты уже простил. Стоило ему облобызать тебя...

— Несешь ахинею. И как в твоем умном глобесе уживаются такие мысли?

— Пойми, Лешка, я ничего не имею против Виталия.

— То-то, по тебе и видно.

— Меня его эксперименты пугают. Иногда дорого расплавиваемся за это.

— Ты это о чем?

— Помнишь, на скважине подняли подвеску. Трубы запарафинены были. Решил не пропаривать. Что из этого получилось? Целую вахту потом возились...

— А что ж ты доказать не сумел мастеру? У тебя ж опыт... Отношения портить не хотел?

— Может, свою голову ему приладить?

— У него и своя отлично варит, когда трудно. Скажешь, плохо взобрались на эту верхо-туру?

— Нет.

— Так не мути. Хоть и ругаешь ты мастера почем зря, а как дальние скважины — Возченко, трудные скважины — Возченко. Соображаешь, начальство доверяет, хоть и взыскивает за всякие эксперименты. Возьми хоть с летучкой. Запорол. Но потом доказал свое.

— А на кой леший мне его фокусы. Пусть будет, как есть. Лишь бы гроши платили. Ему что! Выполнил план, не выполнил — хорошо у папы под крылышком. А ты недодал нефти — фигурки-мигушки получай. Папочки-мамочки не кормят. Не верю я этим папенькиным сынкам. Понюхает романтики — и поминай как звали!..

Захватив, гаечный ключ, Борис распахивает дверь и, как десантник из люка самолета, быстро ныряет в снежную метель.

IV.

Ж'арко в культбудке. Чайник парит на печке. На улице бродяга-ветер с морозом лает. Кто кого перешибет. Немыми свидетелями березы глазают. Жмутся друг к дружке. Только ели, распрямив плечи, груди лохматые подставляют ветру. Им плевать на погоду, они подражают нефтяникам. Отчаянному народу.

В культбудку возвращается, поеживаясь, Виталий Вовченко.

— Брр... Совсем как на Севере. Все 35. С ветерком и того больше.

— Хочешь кипятку?

— Сиди, Леша, сам налью... Задачу решил?

— Не получается.

— Получится. Где у тебя сегмент?

— Во!

— Правильно, отсюда пляши. Вспомним теорему...

Двое корпят над задачами. Ушли в мир прямых и кривых. Трещат в печи дрова. Трещит от теоремы Юртаева голова. А Виталий неуступчивый, придирчивый.

— У вас наследственно: сын в отца, потомственные нефтяники... Небось, с детства мечтал? — неожиданно спросил Леша.

— Нет.

Нет! Он не думал быть нефтяником. В мечтах он видел моря, океаны, дальние страны. А себя — неизменно с биноклем на капитанском мостике. Мальчишкой взбирался отцу на колени

и восторженно фантазировал об адмиральской форме. И о том, что мать ему обязательно спечет адмиральский пирог. Откуда-то он взял, что так положено, когда присваивают звание адмирала.

Мать была против моря. Слезы, уговоры. Виталий сдался. К бескрайнему, к безбрежному снова потянуло в дни распределения в техникуме.

— Вот кому повезло в жизни! — Ребята хлопали его по плечу. — Под крылышком папы уготовано местечко в Башкирии.

— Кто хочет, давай со мной! — в тон шутил Виталий.

— Вовченко! — Он шагнул за порог. В комнате — солидная комиссия. — Ну, куда, потомственный нефтяник, к себе? Отец у тебя что надо, управляющий! Смотри, не подведи его. Да и нас...

— Спасибо, но я давно хочу на Север!

Ребята за дверью не поверили:

— Довольно дурачка ломать!

— Без хохмы, на Север. Попробую сам, без папиных крылышек, — подтвердил Виталий.

Он не искал легких путей. И, вернувшись, потом сюда, в Октябрьский, тоже не искал. Работа досталась не из простых, но он все же находил еще время и для занятий в институте. Вот Леша смущается: мол, нянчишься со мною много. А помогая ему, Виталий и сам учится.

...Дверь снова резко хлопнула. Половицы заскрипели. Борис шумно отряхивается.

— Задачи решаем? Есть задача посложнее, с бесконечно многими неизвестными.

— Что случилось? — по привычке хватается рукавица: Виталий.

— Труробур...

Четыре раза бригада спускает труробур для разбуривания цементного стакана. Четыре раза труробур отказывается разботать. Все вроде бы нормально, но не бурит. Поднимаешь — песком забит. Ломает голову мастер, ломает голову Борис Белов, все ломают голову. В чем причина? В скважину не влезешь, не заглянешь в нее.

А месяц бесстрастно идет к отметке пятнадцать. Непоколебим счет у времени. Зато у людей зыбкое положение. Настроение чернее нефти. Теперь уже каждому яснее ясного: план еще, может быть, как-нибудь вытянут. Но обязательства — черта с два!

Сутки проходят в тревожных звонках. Причину находят Белов с Виталием. Решили закрыть задвижки скважин, стоящих выше «трех семерок», и тщательно промыть водовод, трубу, по которой прежде гнали всю грязь на семьсот семьдесят седьмую.

Метр за метром пробуривают стакан. Метр за метром вгрызается труробур в цемент. Счастливый Виталий, счастливый Борис, они сблизились за эти сутки. Пробурено тридцать метров, пробурено сорок... пятьдесят пять... И снова вдруг стоп. А, эти простои! Спать не дают, сердце сжимают! Сколько еще будет их, — кто сможет сказать?

— Что делать, мастер? — На глазах у Бориса чуть ли не слезы.

Виталий сам задыхается от злости. Будь прокляты эти «семерки». И пласт заодно. Люди вымотались, люди измучились. Вот и решай, что делать?

— Пошли!

V.

О пять буран. Опять одолевает холод и усталость. Хотя с час бы отдохнуть. В культбудке тепло. Никого. Виталий садится к столу. Надо попробовать бабки подбить: месяц подходит к концу. Пляшут на бумаге, расплываются многозначные цифры. На свинцовые руки падает свинцовая голова. Слышит Виталий сквозь сон приглушенный говор. «Смена пришла», — мелькнула мысль. И сразу же открыл глаза. В будке Борис с Алексеем устроились у печки и о чем-то беседуют.

Виталий поднимает голову: — Ну и поспал! Давно приехали, ребята?

— Можешь продолжать, все в порядке, — сказал Борис.

— Пойду поздороваться хоть да погляжу. — И Виталий, натянув ушанку, вышел.

— В конторе вчера слышал, план мы выполнили, — сказал Леша.

— В порядке. — И Борис потянулся за листком, который Вовченко оставил на столе. — Ого! За три дня и с обязательством, может быть, теперь рассчитаемся. Чувствуешь?

— Между прочим, Борис, когда к нам приехали Вовченко, я сразу подумал: в передовые выйдем! — весело заметил Юртаев.

— Я тоже. Рассчитывал: отец у него начальник, пусть другого эн-пэ-у. Да еще какого! Самого автоматизированного в Союзе. Ну и решил: сыну создадут все условия.

— Какой быстрый!

— При чем тут быстрый. — Борис смял папиросу. — Просто, Вовченко оказался другим. Хотели создать ему условия, а он, помню, однажды так и рубанул: «На дармовую не хочу».

Только на равных». Ну, начальство, понимать надо, обозлилось: мол, мальчишка и все тут.

— И ты?

— И я. Не ждал, что он от добра добра искать будет...

— А для меня это не было открытием.

— Ты как цыганка. Все заранее знаешь.

— Ничуть. Просто довелось подслушать один спор в «Волге»...

...Возвращался Юртаев раз под дождем домой с огорода. Ехала мимо «Волга». Парень за рулем приоткрыл дверку и скомандовал:

— Лезь скорее!

Это был Вовченко, с которым ему теперь пришлось вместе работать. В машине был еще парень, по-видимому, нефтяник. Алексея потянуло ко сну. И только возобновившийся, по-видимому, прерванный из-за него разговор, насторожил Юртаева.

— Ты говоришь, зря он оставил Октябрьский, а я считаю — нет.

— У тебя, Виталий, категорические суждения. Но уверяю тебя, он из-за шумихи уехал. Ведь о нем во всех газетах кричали: «Ричард Алляров обгоняет время!».

— Перестань. У человека трагедия. Нефтяник он отличный и золотой звездочки достоин.

— С этим не спорю. Но ты забыл, как с ним носились, как ему создавали все условия, обделяя других, чтоб он заработал ее, славу-то...

— Ну, было. Есть еще это. Но дело как раз не в тех, кто раздувает. Дело в нас самих. Молчим. Шуметь надо против липовых передовиков. Тогда не будет и липовых героев.

...Мысли Юртаева перебила песня, которую донес ветер. Борис подхватил ее:

— У незнакомого поселка, на безымянной высоте... — И умолк, неожиданно сказав: — А голос у мастера приятный. Ему бы в филармонию... И чего он грустит эти дни?

— Письмо получил. Друзья из Тюмени зовут. Потянуло назад, на сибирские просторы.

— С ним, вообще-то, и на край света можно. Нынче я понял. И все-таки ума не приложу, Леша, почему передовой бригаде все условия, а нам — что останется. Передовики, мне кажется, должны быть, как гвардейцы, там, где трудно.

— Вовченко тоже так думает. Поэтому мы еще и не передовики.

— Будем!

VI.

Мы беседуем с Виталием в конторке.

— «Три семерки» — романтическое название, — говорю я.

— Слушай, корреспондент, не приставай ко мне. Мы не герои. Вон видишь вышку у дороги? Там — победители, там — герои.

— Вовченко! Вовченко! К телефону.

Я слышу, кричит на всю культбудку:

— Обязательство выполнили. Что-что? Хорошо, передам ребятам, займемся всей бригадой.

Положив трубку, он предложил мне:

— Хочешь отведать адмиральского пирога? Мама испекла.

— А что это за пирог?

— Секрет. Сам увидишь.

Э. НУРИДЖАНОВ

г. Октябрьский, Башкирская АССР.

ДОЗАТОР СОЛНЦА

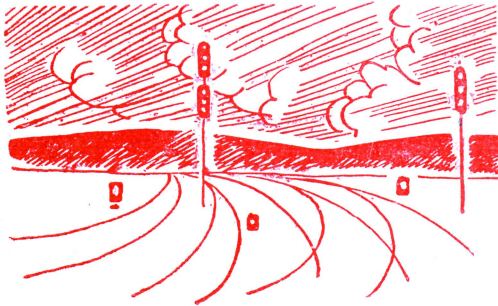
Как регулировать продолжительность светового дня в птичнике? Ведь от этого зависит, сколько яиц будут давать куры-несушки.

Доцент кафедры физики Тюменского педагогического института Анатолий Варнавский сконструировал оригинальный дозатор солнца. В него закладывается программа, рассчитанная на весь период жизни кур. В зависимости от нее дозатор автоматически, без вмешательства человека, ежедневно на одну-три минуты прибавляет или убавляет электрический световой день.

Твердый режим светового дня в птичниках позволит производить дополнительно до трех миллионов яиц в год и получить более 51 тысячи рублей прибыли.

Ю. ПЕТРОВ

НОВЫЕ СТИХИ

Преодоление

Земля летит
 то круто, то полого,
 Врезаясь в синеву
 и в птичий грай.
 Вокзалами
 зовет меня в дорогу.
 Но шепчет тишиной:
 «Не уезжай!»
 И я стою недвижно
 На распутье,
 Весь из сомнений,
 злости и забот.
 Ведь очень тяжело,
 когда мы судьи
 И сразу подсудимые... И вот —
 Рюкзак в руке,
 но он покуда тощий:
 Неведомо, что будет впереди.
 Я мысленно
 Шагаю через рощи,
 Стянув узлом
 Ковбойку
 На груди.
 Ах боже мой,
 как птицы пировали
 В березнячке знакомом
 год назад!
 А эти ярко-синие провалы,
 Что в самой гуще
 облачных засад.
 Как наклонялись
 барбарис и липа,
 Себя стараясь разглядеть в пруду!..
 Пусть надорвется телефон
 от хрипа,
 От звона, —
 Я к нему не подойду!
 Невидимые нити и окозы
 Я рву
 И тороплюсь рюкзак раздуть...

Недоуменно спросит:
 «Что ж такого!»
 Тот, кто, как птица,
 улетает в путь.
 Пред ним рубеж,
 Крутой или пологий,
 Безмерной далью он заморожен.
 Взмахнет крылом
 без всяких психологий,
 Без суеты...
 Но я уже — как он.
 Тугим кресалом
 Я высек искру.
 И расправил грудь.
 Будь вся земля сегодня
 из вокзалов,
 Из белых пятен
 вся планета будь!

* * *

Поднимаются волны
 и тешатся,
 Закипают — и гаснут потом.
 А лодчонки пугливые держатся
 За причал,
 Как за мамкин подол.

Но уже им набили оскомину
 Осторожность и строгий запрет.
 Может, это
 И вправду рискованно...
 Парус поднят —
 И трусости нет!

Ниже солнца сырого и алого
 Только блещет вода да вода.
 Начинается мужество
 С малого, —
 А потом уж берет города.

* * *

Какое небо нынче тусклое,
Все ближе молнии-клинки.
Во всех озерах ходят мускулы
И нервничают поплавки.

Деревья сделались косматыми,
Дрожит дубленая кора.
И удочки, пожалуй, сматывать
Для безопасности пора...

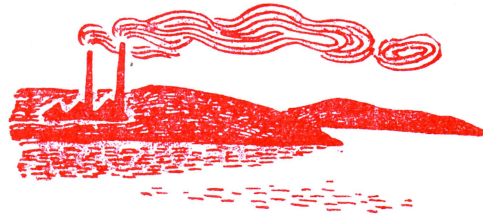
Но тут же чайки нам наполнили
Сердца бесстрашием своим,
Одним крылом коснувшись молнии
И вспененной воды — — другим!

Готовность

Опять обещают грозу
Синоптики — и ошибаются.
А где-нибудь лбами сшибаются
Тучи, роняя слезу.
Они созревают, прессуются
В лиловые кулаки,
в цистерны, длиною с улицу...
Воды в них — почти полпреки!
Она беспрерывно хлынет,
Вселенная пустится
вплывь.

— А ну-ка, давай,
не отлынивай,
Травинку любую подставь!
Недаром — желанный,
прошенный —
Проносится гром легко.
Ладонями, как горошину,
Катают степи его.
И словно бы выше ростом
Стал клен на лесной полосе...
А все-то оно так просто:
Идет подготовка
к грозе!

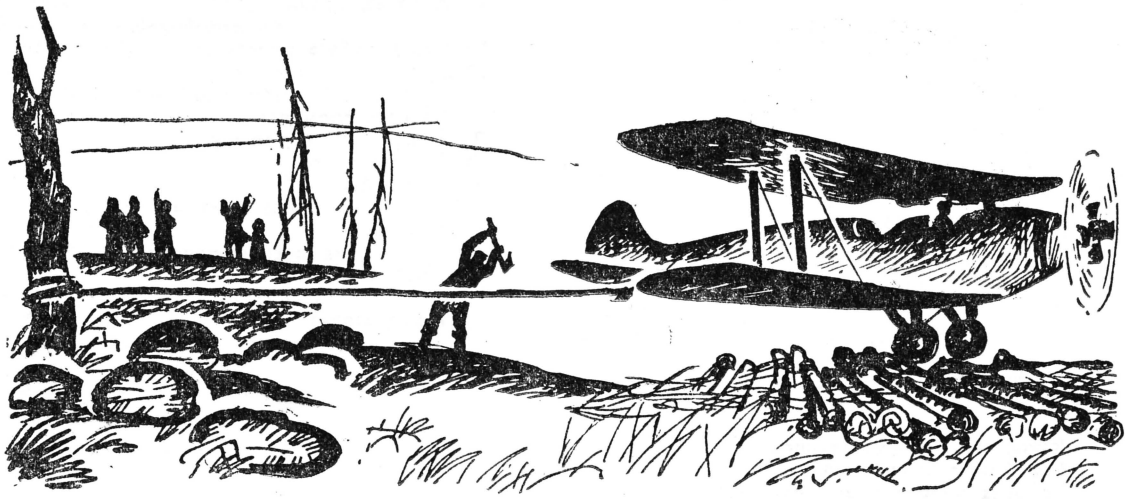
Утречко

Выплавляя тугой металл,
Ценный груз
На себе таская, —
С добрым утром,
Родной Урал! —
Всесоюзная мастерская.

Как спалось!
Ты глаз не сомкнул;
Вот — спецовка...
Шляпа... перчатки...
Твой рабочий
Протяжный гул
Отдается в ушах Камчатки.

И сердца —
Только в лад стучат:
Ценят люди твое уменье,
А потом уж —
Твоих девчат,
А потом уж —
Твои пельмени.

Вровень с солнцем
Подняться смог,
С малолетства приучен
К делу,
Встал Урал... и от пота
Взмок,
И рубаша прилипла
К телу.

НА ВЕРЕВКЕ ЗА САМОЛЕТОМ

И. БАК

Рисунки С. Киприна

Рассказ-быль

Летним погожим днем у нас на аэродроме появился белокрытый парнишка с неспокойными голубыми глазами. Он подошел к моему самолету и шутливо представился:

— Так что прибыл в ваше распоряжение, назначен мотористом на эту замечательную машину, а называюсь Иваном Грачевым, сокращенно Грач.

Не успел я оглянуться, как Грачев облазил самолет и, словно не найдя ничего интересного, перешел обшаривать другие машины. Я присмотрелся к пареньку. Он показался пустым и беззаботным.

Грачев не мог сидеть спокойно и пяти минут. То бегал без надобности по аэродрому, то шлялся от самолета к самолету, всюду совал нос, а дело порой стояло. Один раз мотор плохо прочистил, в другой — масло забыл слить. Техник с ним измучился.

Однажды я сам проверил мотор и увидел соринки на картере.

— Что за безобразия! Почему плохо работаешь? — спросил я.

Грачев приблизил глаза к самому картеру и демонстративно начал разглядывать соринки. Они вообще-то были едва заметны, но это же мотор самолета, а не ось от телеги.

— Безобразия? — серьезно переспросил Грачев. — Если вам хочется, могу убрать...

Он вынул из кармана ветошь, небрежно махнул ею по картеру, давая понять, сколь незначительный повод избрал я для придирки.

— И, зачем ты пришел в авиацию, к моторам? Выбрал бы работу почище!

А он нахально взглянул на меня и напыщенно произнес:

— Во-первых, работа не пыльная. А во-вторых, влечет летняя романтика.

Посмотрел я на него, и очень неприятно стало от этой его рисовки. Выругал про себя отдел кадров: принимают всяких искателей приключений...

Однажды допрыгался Грачев. Бегал с друзьями вокруг самолета, вскочил на плоскость и поскользнулся. Много ли надо фанерному ПО-2? Нервюра треснула и поломалась.

Ремонт решили сделать за счет моториста.

— Надо примерно наказать безобразника, вычесть половину зарплаты, — предложил я. — Все равно на конфеты истратит.

...В начале месяца работники отряда собрались в небольшой комнате. Пожилой кассир быстро отсчитывал зарплату, проверяя на счетах. Все это он делал удивительно энергично, и очередь быстро подвигалась. Грачев стоял впереди меня и, как всегда, паясничал с ребятами. Кассир то и дело призывал их к порядку.

— Мешаете работать, молодые люди. Могу сбиться, вас же обсчитаю.

Ребята замолкали на минуту, но потом постепенно начинали все сначала. В комнате было накурено и шумно. Но когда к столу подошел мой моторист, я прислушался.

— Фамилия? — механически спросил кассир.

— Грачев.

Кассир посмотрел в ведомость, а потом поверх очков на Грачева.

— У вас удержание, молодой человек. Маловато причитается.

Грачев растерялся. Веселья его как не бывало. Он побледнел. Лицо его вытянулось.

«Неужели для этого лоботряса так важна не ахти какая получка?» — подумал я.

А Грачев еле слышно проговорил:

— Можете вычитать, только бы не сразу. У меня мать больная, сестренка... Жить-то как? Казалось, парнишка вот-вот разревется. Видно, и сам он почувствовал это и бросился к выходу.

Я быстро получил свою зарплату и побежал за Грачевым.

На улице моросил мелкий холодный дождь. Догнал я Грачева уже на шоссе, у самой автобусной остановки.

— Слышь, возьми. Когда-нибудь рассчитаешься, — сказал я и подал половину своей получки.

Он отшатнулся, съежился, сверкнул влажными отчужденными глазами.

— Не надо!

— Возьми, стервец! — рявкнул я, вложив в эти слова всю досаду на него и на себя. Водил же за нос всех нас, беззаботным мальцом прикидывался. А на самом деле нелегкая судьба у мальчишки...

Никогда я не был с Грачевым ни вежливым, ни ласковым. А тут, избегая его взгляда, сунул деньги ему в карман и, быстро повернувшись, пошел к аэродрому.

Потом мы стали друзьями. Грачев привязался ко мне, как ребенок, и вскоре я узнал всю его маленькую, но не очень богатую радостями жизнь.

Сначала семья у них жила весело и дружно. Но вдруг отец уехал в командировку и больше не вернулся. Остались они втроем — мать, сын и маленькая сестренка. Оскорбленные, они не захотели требовать помощи у отца. На первых порах в ней и нужды не было. Мать зарабатывала прилично. Но вскоре она тяжело заболела, и заботы о семье легли на парнишку. Он оставил школу и пришел на аэродром. Отсутствие опыта очень мучило парня, и он прикрывался бравадой.

Мы долго работали вместе. Как только представлялась возможность, я брал его в рейс.

В жизни каждого пилота бывают случаи, когда приходится напрягать всю свою волю, действовать быстро и решительно, малейшая заминка может стоить жизни. Но на мою долю волнений выпадало немного побольше, возможно, по-

тому, что часто посылали на трудные и ответственные задания. Однако, как ни странно, самые сложные происшествия у нас с Грачевым случались на тренировке и в обычном полете.

Однажды я вел самолет на север области. Мотор работал ровно. Но вдруг привычный рокот внезапно оборвался. Винт по инерции продолжал бесшумно вращаться. «Очевидно, что-то случилось с карбюратором», — подумал я. Машина планировала над вековой тайгой. Кругом — ни одной сколько-нибудь ровной площадки. Возцарилась непривычная тишина. Чувствую, как сзади заволновался Грачев, но не сделал и малейшей попытки заговорить со мной. Невольно глянул на приборы: высота — пятьсот метров.

Вдали на горизонте появились домики деревни. Мысленно прикинул расстояние. Нет, не дотянуть. В то время внизу сверкнул отраженный луч солнца. Вода! Вернее, болото! Решение пришло моментально. Медлить нельзя, самолет быстро теряет высоту. Нужно садиться на болоте.

Как только сделали посадку, Грачев побежал в деревню.

— За подмогой, командир! — крикнул он мне.

К концу дня с помощью колхозников мы смастерили деревянную слань и подняли самолет.

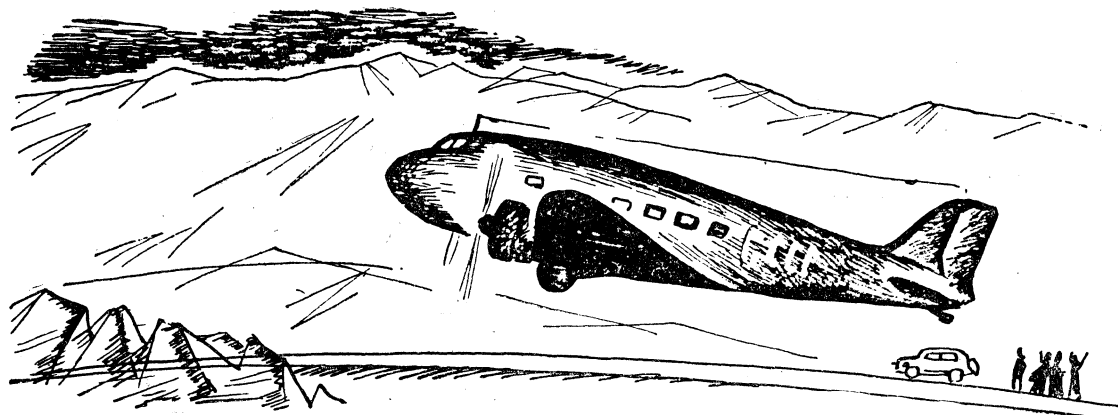
— А если попытаться взлететь, командир? — И Грачев высказал мысль, показавшуюся авантюрной.

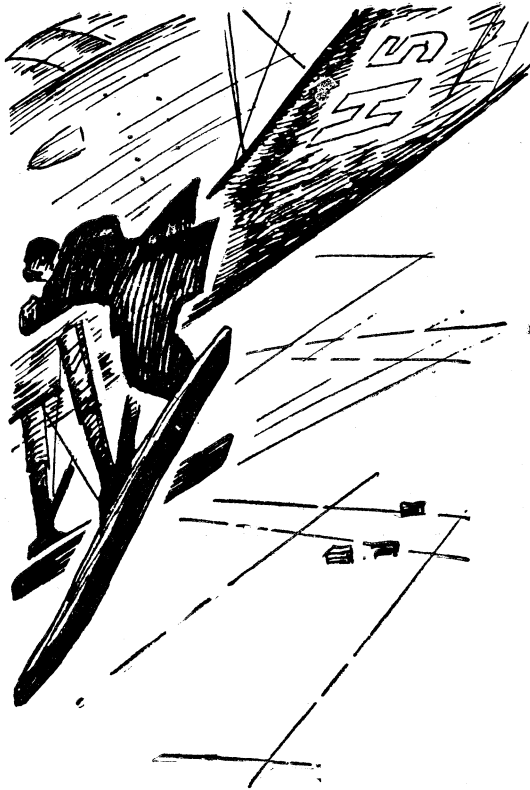
Но где же выход? Если вызвать помощь из города, то и она ничего не даст. Провезти самолет через густой лес невозможно даже в разобранном виде. Надо делать просеку в добрый десяток километров. Это исключается. Я отбросил несколько вариантов. Ни один из них не был реальным.

— Давайте попробуем, — снова сказал Грачев. — Слань надо закидать травой, костыль привязать к сосне. Ты дашь форсированный газ, я обрублю веревку, и, может быть, хватит нашей полосы.

Все это было очень рискованным, даже невероятным. Но ничего другого, право, не оставалось.

Через час все было готово к взлету. Мотор снова работал нормально. Грачев поднял топор над веревкой. Я дал полный газ, и мотор набрал предельные обороты. Казалось, самолет начал подниматься, увлекая за собою дерево. Моторист

что есть силы рубанул по веревке. Освобожденная машина рванулась вперед, пробежала по полюсе и, когда до конца остался один метр, поднялась в воздух.

Грачев позже приехал на поезде, и до самой зимы мы работали без происшествий. А потом случилось такое, что можно десять жизней прожить и не только не встретишь подобного, но и не услышишь.

В начале зимы самолеты были переведены с колес на лыжи. Летал я тогда на «Сталь-3». Теперь это вчерашний день авиации, но по тем временам это была неплохая машина. В кабине было свободное место, и Грачев, как только позволяло время, летал со мною.

Свежий снег, еще не успевший запылиться и почернеть, сверкал на солнце так, что становилось больно глазам. Когда я, может, в десятый раз, поднялся в воздух и набрал высоту, Грачев испуганно схватил меня за руку.

— Посмотри, командир! — указал он на левую лыжу.

Я глянул, и холод прошел по спине.

Передок лыжи сорвался с амортизатора и висел носком книзу. Посадка в этом случае невозможна. Как только лыжа коснется снега, машина разобьется вдребезги.

Я делал круги над аэродромом, обдумывая, как поступить. На летном поле началась паника. Из здания аэродрома высыпали служащие. Подъехали даже две машины скорой помощи.

— Кости наши приготовились собирать, — озабоченно произнес Грачев.

— Да, видно, отлетались, — подтвердил я. Грачев посмотрел на меня удивленно.

— Нет, командир, есть выход! — сказал он и стал отрывать брезентовые ремни сидений. Я догадался: Грачев решил спуститься к лыже и устранить неисправность.

Затяга Грачева мне казалась бессмысленной. Даже летом стоило высунуться из кабины, и стремительный поток воздуха пронизывал до костей. Теперь же, в легкой шинели, вылезать на двадцатиградусный мороз? Окаменеет!

Но Грачев привязался ремнями, открыл окно кабины и пополз. В первый момент я хотел схватить его и втащить обратно. Но потом решил, что другого выхода нет. Пусть попытается.

Грачев пробирался к лыже по скользкому металлическому подкосу. Я видел, как он боролся с ветром, пытаясь спрятать лицо. Вот его рука скользнула по гладкому подкосу. Моторист шатнулся и, потеряв равновесие, подхваченный струей воздуха, полетел вниз.

Мгновение, и толстая бечева рванула его вслед за самолетом. Теперь он болтался, беспомощно размахивая окоченевшими руками, пытаясь ухватиться за ремень. Ужасное зрелище! На большой высоте человек болтался на веревке! Наконец он изловчился и подтянулся. Теперь надо лезть вверх, только вверх!

Немного передохнув, Грачев снова подтянулся, потом еще и еще. Вот уже близко подкос; последнее напряжение, и он — около окна кабины, откуда начал свой короткий, но трудный путь.

Небольшая передышка. Ветер треплет полы его шинели. Я вижу побелевшее лицо парнишки. Сердцем чувствую, как ноют у него руки. Смотрю, Грачев снова полез. Только теперь он двигался осторожнее и медленнее.

Наконец цель достигнута. Грачев встал на задний конец лыжи, — носок ее, как коромысло весов, поднялся вверх. Он схватил амортизатор, потянул к себе. Лыжа встала в горизонтальное положение. Грачев кивнул, и я пошел на посадку.

Так, на виду, наверное, у всего города, я посадил самолет с мотористом на лыже. Грачев походил на ледяшку, руки и лицо были отморожены... Подоспевшие санитары скорой помощи сразу его увезли.

Это было еще до Отечественной войны. Скоро мы расстались. Меня перевели в другой отряд. Не виделись с Грачевым мы много лет. Но недавно вызвал меня командир Дикин, ткнул указкой в северную точку карты и приказал:

— Полетишь в Обскую губу, забережь большого начальника экспедиции, по пути захватишь груз. Обстановка сложная. Посадочную полосу только начали делать. Посадить самолет трудно, еще сложнее взлететь с грузом. В общем, посмотришь на месте.

И вот самолет над просторами тундры. Внизу расстилался ровный белоснежный ковер, кое-где испещренный карликовыми растениями. Чувство беспокойства, охватившее меня после получения задания, за несколько часов полета немного прошло.

— Прилетели! — услышал я, словно издалека, голос второго пилота.

Внизу виднелось несколько домиков экспедиции и аэродром. Короткая лента посадочной полосы, казалось, была брошена на снег и придавила его. Длина ее явно недостаточна. Рассчи-

тывая, дал круг над аэродромом и повел самолет на посадку.

Колеса коснулись полосы около самого «Т». Выпускаю закрылки, сбавляя скорость. Давно сброшен газ, но машина мчится. Конец дорожки стремительно приближается. Теперь тормозить, тормозить. Самолет остановился в нескольких метрах от небольших торосов.

В штурманской тепло встретили зимовщики.

— Посадку Старкова по почерку видно, — восхищался самый молодой из них. — Чисто сделана, каллиграфия!

— Посадка — дело прошлое, — скромничал я. — Поднять самолет с грузом будет посложнее.

Действительно, теперь меня беспокоил только взлет.

Я понимал, что взлететь с такой полосы невозможно. А удлинять ее — значило рисковать жизнью больного, которому требовалась немедленная помощь.

— Ничего, наш что-нибудь придумает, — попытались утешить меня зимовщики.

— Кто это — ваш? — спрашиваю.

— Начальник. Из любой невозможности найдется выход.

В соседней комнате слышался слабый, болезненный говор. Конечно, я где-то слышал этот певучий, удивительно знакомый голос. Заглянул в комнату. На диване лежал человек средних лет. Его немного старила небольшая светлая борода. Он глянул на меня, и мутные, воспаленные глаза посветлели.

— Это ты, командир?

— Грачев, дружище!..

Я наклонился. Он схватил мои пальцы своей пышущей жаром большой рукой, слабо пожал и проговорил:

— Теперь твоя очередь меня спасать...

Вот за кем я прилетел! От волнения задохнулся. Пытаюсь внимательно рассмотреть этого дорогого мне человека. Что осталось от шустрого и белобрысого Грачева? Пожалуй, только голубые глаза, по-прежнему подвижные и неспокойные.

А Грачев немного властным голосом продолжал:

— Может, я забудусь, командир... Запомни: взлетать будешь на форсированном газе. Как только доберешься до конца полосы, еще не оторвавшись от дорожки, убирай шасси. Самолет повиснет в воздухе. Почти так же, как тогда в болоте, помнишь?

«Убрать шасси, когда не кончился разбег самолета? Это, конечно, мысли! Но шансов на успех немного. И, к тому же, прямое нарушение правил».

Словно прочитав мои мысли, Грачев добавил:

— Нам ведь не привыкать, командир... Может быть, и живы остались только поэтому...

И я все сделал по его совету.

Через несколько минут самолет благополучно поднялся и взял курс на Тобольск.

А там врачи помогли моему доброму старому другу, начальнику экспедиции Ивану Николаевичу Грачеву, вскоре снова вернуться в строй.

И мы теперь уже не теряем друг друга из вида.

КЛЮЧ ИГРАЕТ В ПРЯТКИ

На правом берегу реки Сим, в полтора километрах ниже устья речки Берды, из-под известнякового утеса вытекает небольшой, но очень забавный ключ. Местные жители называют его «Пропащим» или «Пропадающим». И он действительно пропадает, но только временно. В течение трех минут он бьет весьма энергично, а в течение последующих трех минут совсем пересыхает.

В Башкирии известно несколько таких интересных источников и притом различного происхождения.

Одни из них называют «сифонными», так как они действуют подобно сифону — возникают в гипсах и известняках, которые относительно легко растворяются подземными водами и образуют различной величины и формы подземные полости-пустоты. Сначала вода, заполнив подземную полость и узкий канал, соединяющий ее с поверхностью земли, начинает энергично вытекать, а потом, когда запас воды скудеет, источник на некоторое время пересыхает. Наполнится пустота — и ключ забьет опять.

По-видимому, к такому же типу сифонных источников относился раньше и ключ Кургазак на левом берегу реки Юрюзань, в 3 км на юг от Янгантауского санатория. Академик П. С. Паллас, посетивший Кургазак 200 лет тому назад, писал, что «...сей ручей вдруг пересыхает и по коротком отдыхе... вновь собирается». Вероятно, за такое странное поведение башкиры и назвали его «Кургазак», то есть «Пересыхающий временно».

Сейчас у Кургазака такой периодичности не наблюдается. По-видимому, за прошедшие 200 лет подземный канал, соединяющий полость с поверхностью земли, изменил свою форму, а от этого сифон перестал действовать. Кургазак превратился в обычный напорный источник.

Другой тип перемежающегося источника мне пришлось наблюдать на левом берегу реки Зилим, близ кордона Куй-

литамак, Стерлитамакского района. Здесь гора Мурун, сложенная известняками, прорезана глубокой долиной речки Карамалы. В этой каньонообразной долине, в 20 м выше устья речки, есть ключ. Весной, когда тает снег, а также летом и осенью во время дождей воды в источнике становится много, и она с большим напором выбивается из-под скалы. После схода снега или в сухое время года ручей пересыхает.

Причина таких резких изменений в жизни источника — в условиях его питания. А питают его атмосферные воды, которые проникают в известняки через трубообразные отверстия в дне провальных воронок, находящихся на плоской вершине Мурун-тау.

Еще более своеобразный источник есть на водоразделе рек Сара и Биеваш, в трех километрах от деревни Камышиды, по дороге в село Уршады (Караидельский район). Его описал профессор Д. Г. Ожиганов.

Здесь в полосе распространения известняков находится сухой лог. На дне нижней части его резко выделяется конусообразная шишка из засохшей грязи. С виду это маленький вулкан — на вершине его есть воронкообразное углубление с каналом, уходящим вниз.

Весной, когда тает снег, и летом во время сильных дождей, происходит «извержение» воды, перемешанной с грязью. В остальное время источник бездействует.

Оказывается, в верховьях сухого лога есть провальные воронки с отверстиями (понорами). Поверхностные воды стекают в воронку, а оттуда через поноры — в подземный канал, который выходит на поверхность в нижней части лога.

А вот еще один загадочный источник. В 1922 году краевед-географ Н. Гурвич писал, что в Стерлитамакском уезде есть небольшое круглое озеро Убыр-куль. По середине его возвышается стогообразный островок со впадиной, в которую периодически уходит вода из озерной котловины, а затем снова наполняет ее.

Но где находится это интересное озеро, точно до сих пор неизвестно, не объяснена и природа этого странного водоема. Может быть, краеведам-сле-

допытам посчастливится отыскать и лучше изучить его?

Однако можно предполагать, что речь идет о карстовом источнике, расположенном в 5 км на юго-восток от станции Карламан, Кармаскалинского района. Здесь находится большая провальная воронка в гипсах. Со дна ее с напором выбивается родник, вода которого ручьем вытекает из воронки. Местные старожилы говорят, что раньше этот источник действовал периодически и с шумом наполнял воронку, превращая ее в бурлящее озеро. Через некоторое время источник вдруг пересыхал и вода уходила обратно через тот же канал, по которому она до этого поступала на поверхность.

Перерождение сифонного источника в обыкновенный в этих условиях вполне возможно, так как подземные каналы в этих породах сравнительно быстро изменяются под действием воды.

На этот водоем похоже другое озеро — «Урал» — в лесу, в 1,5 км к югу от деревни Толбазы, Стерлитамакского района. Длина его 150, ширина 60 и глубина 5 м. Оно образовалось в двух слившихся провальных воронках. Вода в нем периодически, через каждые 5—6 лет, исчезает, уходя в отверстие на дне. Потом снова заполняет воронки. Но откуда приходит вода: снизу — через отверстие на дне или сверху — путем стока поверхностных вод, — вопрос остается пока нерешенным.

Надо полагать, что перемежающихся источников в Башкирии значительно больше. Изучение их имеет большое научное значение.

ТРИ БОГАТЫРЯ.

Фото Н. Сюрнина.

В КРАЮ АЛМА-

ФОТО
И ТЕКСТ
В. КАУШАНОВА

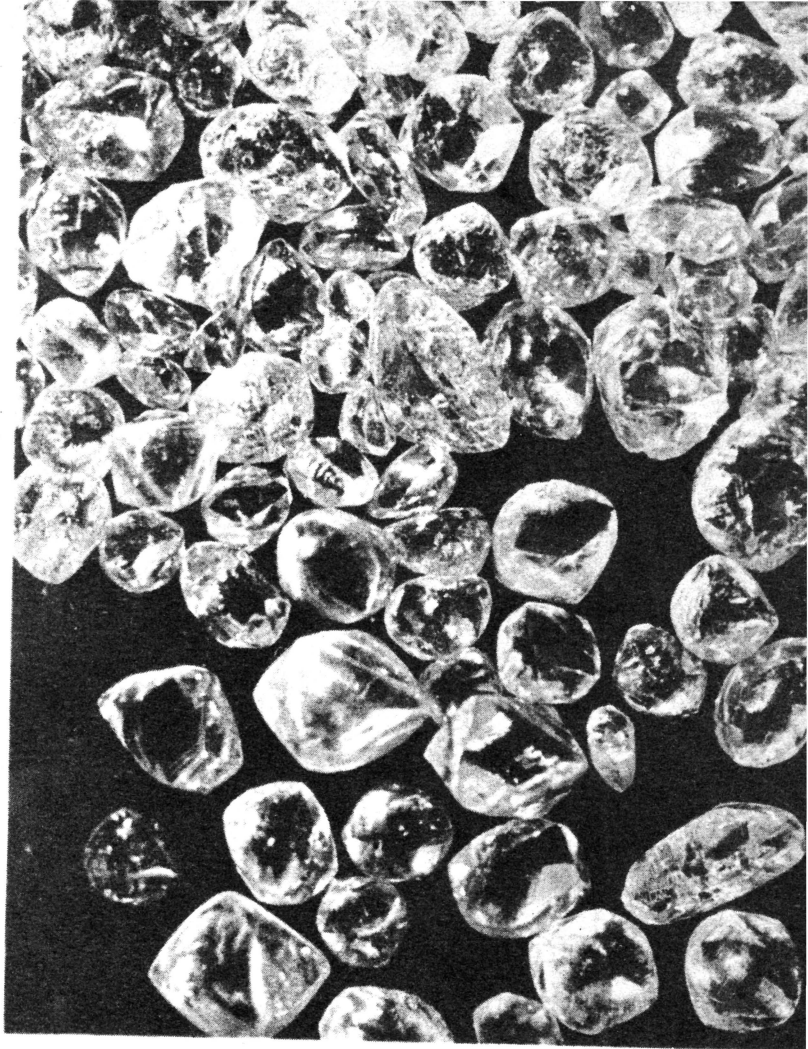

АНДРИАН ИШКОВ.
ОН ОТКРЫЛ ВИШЕРСКИЕ АЛМАЗЫ.

НА НОВЫЕ ПОИСКИ.

РЕКА ВИШЕРА.
ПЛЫВУТ ПО НЕЙ
САМОХОДНЫЕ БАРЖИ
С ГРУЗАМИ
ДЛЯ ГЕОЛОГОВ.

САМОСВАЛЫ ОТВОЗЯТ ПРОБЫ
НА ОБОГАТИТЕЛЬНУЮ ФАБРИКУ.

ГЕОФИЗИКИ ВЕДУТ НА ИШКОВСКОМ УЧАСТКЕ РАЗВЕДКУ
МЕТОДОМ ВЕРТИКАЛЬНОГО ЭЛЕКТРОЗОНДИРОВАНИЯ.

Тайга, тайга, тайга... Безбрежные ее просторы, и лишь неторопливые северные реки петляют по ней из конца в конец. Из иллюминатора самолета они кажутся огромными извивающимися змеями.

Вот и Вишера. Теперь ее имя все чаще упоминается рядом с удивительным камнем — алмазом.

Уже давно маршруты геологоразведчиков пересекают вдоль и поперек лесные массивы и берега рек, стекающих к Вишере. В таежный пейзаж вписались алмазные фабрики-драги. Здесь находится Вишерская геологоразведочная экспедиция. Создаются карты алмазоносного района, ведется детальная разведка уже открытых месторождений и поиски новых.

Труден путь к алмазным кладовым. Затяжная зима с суровыми морозами и глубокими снегами задерживает геологов. Лишь летом они ведут работы развернутым фронтом. И тут немало трудностей: пробираться по буреломам сквозь тайгу, воевать с полчищами мошкар.

На геологической карте Урала недавно появилось новое название — «Ишковский участок», по имени Адриана Ишкова, начальника тематической партии, открывшей этот алмазоносный район.

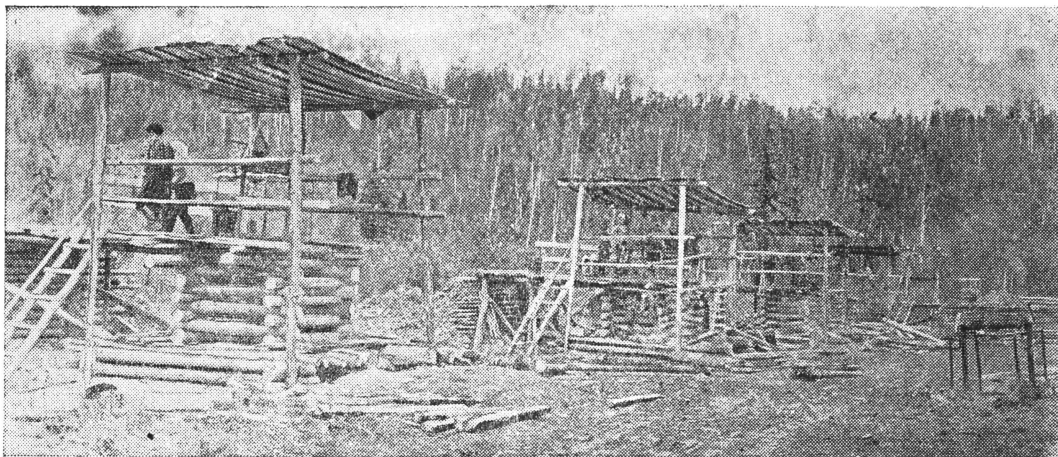
Здесь геологи в рыхлых отложениях обнаружили след коренного источника алмазов. Вдали от современных рек они нашли сразу восемь алмазов, позднее сделали уникальное открытие: в трех пробах — 230 алмазов и 143 — только в одной из них.

Так подтвердилось предположение о месторождении этого волшебного камня на Вишере.

Адриан Ишков уже давно перешагнул пенсионный возраст. Но каждое утро он, как и его молодые коллеги, отправляется в тайгу, в очередной поиск.

Уже сданы некоторые участки под промышленную добычу. Одна из лучших смен — драгера Степана Костючика. О нем говорят так: «Он алмазы видит сквозь землю».

Горячие дни стоят на Вишере. Прибывает оборудование для стационарных обогатительных фабрик и карьеров, новая техника, появились сборные дома для геологов, растут, как грибы, поселки. Чувствуется, что геологи собираются оседлать Вишерский край основательно.

В районе реки Большой Колчим шурфы бурятся через каждые 20—25 метров.

В алмазном краю. Смена драгера Степана Костючика.

Повесть

Алексей МУСАТОВ

Рисунки Н. Мооса

Глава 6

Поезд на полустанке стоял две минуты. По просьбе Варвары Степановны проводница вытащила в тамбур тяжелый чемодан и увесистый рюкзак.

— Ну, и нагрузились вы! — буркнула она.

Варвара Степановна неловко прыгнула с высокой подножки. Принимая от проводницы чемодан, она вдруг оступилась, старенькие разболтанные замки на крышке щелкнули, и чемодан открылся. Из него выпали пакеты, свертки, бумажные фунтики. Один из фунтиков разорвался, и на черные шпалы брызнули какие-то зерна.

— Ох, господи! Крупу из города тянут, — с досадой сказала проводница.

— Да не крупа это, не крупа, — покраснев, как девочка, попыталась объяснить учительница. — Просто семена разные... В зерновом институте раздобыла. Для ребят, для школьных опытов.

Проводница смутилась.

— Так вы учительница? Ну, извините...

А я другое подумала.

Поезд тронулся.

Варвара Степановна торопливо собрала зерна, закрыла чемодан и огляделась: как же теперь добраться до Родников? И тут услышала знакомый голос:

— Здравствуйте, Варвара Степановна!

К ней подошел председатель соседнего с Родниками Рогачевского колхоза «Коммунар» Просеков, высокий, поджарый, в короткой кожаной куртке, весь запорошенный белой пылью удобрений, которые грузили неподалеку.

— Видали такого? — усмехнулся он,

страхивая с куртки пыль и вытирая платком лицо. — Вид, как у заправского мельника.

— Отличный вид, — улыбнулась Варвара Степановна. — Хорошо весну встречаете.

Они были давние знакомые, учительница и председатель. Просеков был когда-то учителем в деревне, потом вторым секретарем райкома партии, затем его избрали председателем колхоза «Коммунар», и вот уже третий год он работал в Рогачеве.

— Поздравляю, Варвара Степановна, — усмехаясь, сказал Просеков.

— С чем это?

— С успехами школьной бригады. Читал я в газете, читал... И ловко ваши ребята рапортовать научились. Все-то у вас в ажуре, все в порядочке...

Варвара Степановна нахмурилась.

— И я, Василий Андреевич, читала. А только рапорт еще ни о чем не говорит. Вот еду домой и думаю: зачем это все? Кому нужно так школу захваливать?

— Известно кому. Директор ваш с председателем стараются. Их хлебом не корми, дай только перед начальством покрасоваться: мы, мол, первые, передовые!

— А вы тоже, коммунаровцы, хороши, — заметила Варвара Степановна. — Ваши дети у нас же в Родниках учатся, а вы никогда в школу не заглянете. Хоть бы посмотрели, чему да как мы ребят учим. И школьной бригаде могли бы помочь.

— Вот как. Мы же и виноваты, — удивился Просеков. — А вообще-то, пожалуй, вы правы. Подумаем, Варвара Степановна. — Он усадил учительницу в кабину грузовика и велел шоферу довезти ее до Родников.

Вскоре машина вырвалась из путаницы пристанционных улочек и, обгоняя медлительные подводы с грузом, споро побежала по заснеженной равнине. Замелькали перелески, деревни, фермы, мастерские...

Начало см. в № 9, 1965 г.

Широколицая, скуластая, с резкой продольной складкой на переносице, с частой паутиной тонких морщинок под глазами, Варвара Степановна озабоченно и напряженно всматривалась в дорогу, словно сама вела машину.

Здесь, в Родниках, в десяти километрах от станции, она родилась и провела детство. В ту пору пристрастилась она с подружками бегать за малиной и, не заходя домой, — на полустанок, к скорому поезду. Шумный горячий паровоз с длинным хвостом вагонов подкатывал, словно взмыленный конь, и стоял тут считанные минуты. Пассажиры не решались спускаться с подножек, и девочки крикливой гурьбой осаждали поезд. Торопясь продать малину, они наперебой совали в руки пассажиров корзиночки и кузовки, отталкивали друг друга от покупателей, и Варька Ведерникова почему-то всегда оказывалась позади всех.

Ее кузовок с лесными дарами пассажиры подхватывали уже на ходу поезда, и девочка обычно не успевала получить ни кузовка, ни денег.

Подружки, подсчитывая выручку, от души смеялись над растяпой Варькой, дома мать горестно разводила руками, а Варька, словно об увлекательной книжке, рассказывала ей о горячем паровозе, резвом перестуке колес, о блестящих, как зеркала, вагонах, уносящих людей в дальние края.

После десятилетки Варя поступила в областную педагогический институт.

И опять полустанок встал на ее пути. Правда, теперь это была уже оживленная большая станция со складами и элеватором, с шумным поселком по обеим сторонам железной дороги.

Варя приезжала домой и на каникулы, и в праздники, и в выходные дни.

Несколько часов езды в поезде, потом от станции до Родников напрямик через лес, через три страшных оврага и заболоченный лужок, по шаткому мостику через Можайку — и она дома.

Зимой пурга заносила узкую тропинку, мороз обжигал щеки, уши, колени, но Варя шла и шла, радуясь, что у нее здесь так много добрых примет, которые не дадут ей сбиться с дороги. Вот расщепленная молнией сосна на косогоре, вот знакомые заросли орешника, вот могучий дуб с ржавыми, еще не опавшими листьями и, наконец, незамерзающий родничок в овраге, который чуть слышно булькал и позванивал, словно хотел сказать: «Так идешь, так... Здесь твоя дорога».

Домой Варя добиралась к полуночи. Мать и радовалась и бранила ее: в такую стужу и собага из конуры не выглянет, а она пешком шагала со станции.

— Надо мне, мама, надо! — оправдывалась Варя.

У нее уже было немало друзей и в школе, и в деревне. Она привозила ребятам и старикам семена редких злаков, овощей, черенки и саженцы ягодников и плодовых деревьев, показывала, как надо начинать опыты и вести наблюдения.

В те годы с ее легкой руки на усадьбах многих колхозников даже привилась крупно-

плодная смородина, которую, к немалому смущению Вари, в Родниках называли «Ведерниковской».

— Да не моя это, не моя, — отказывалась она. — Эту смородину в питомнике выращивали...

— Ты ее привезла, ты посадила — твоим именем и звать будем, — отвечали ей колхозники.

В начале войны Варя Ведерникова — теперь уж Варвара Степановна — вернулась в Родники с дипломом учительницы и стала преподавать в школе биологию и химию.

Но теперь уж было не до опытов. Мужчины ушли на войну, в колхозе работали женщины, старики, ребяташки, и Варвара Степановна вместе с ними выращивала хлеб, картофель, доила коров, косила сено...

Машина, съехав с пригорка, ворвалась в большое село Перегудово. Шофер вел ее, не снижая скорости.

Вот и Перегудово стало частицей жизни учительницы.

Она пришла сюда два года тому назад, после бурного собрания учителей, когда стало известно, что в Перегудовской школе не хватает преподавателей, что там сменился уже четвертый директор, что школа по успеваемости занимает последнее место в районе.

Тогда многие не понимали поступка Варвары Степановны: в Родниках у нее налаженная жизнь, квартира, дочери, родственники, а она почему-то предпочла довольно запущенную Перегудовскую школу. В хорошую погоду учительница ходила в новую школу пешком или ездила на велосипеде — семь километров туда, семь обратно, но в морозы и весеннюю распутицу ей приходилось снимать в Перегудове угол.

Через два года дела в Перегудовской школе наладились, и учительница вернулась в Родники. Снова стала преподавать в старших классах биологию и химию, а потом ей поручили заведовать учебной частью вместо ушедшей на пенсию старой учительницы...

Приехав, Варвара Степановна не задержалась дома, отправилась в школу. Хотелось немедленно повидать Звягинцева, поговорить с ним о Танином рапорте, о школьных делах.

Звягинцева в кабинете не было. Зато по соседству, из-за дверей учительской, доносились возбужденные ребячьи голоса, выкрики, порой стук карандаша по столу.

Варвара Степановна решила заглянуть в учительскую и узнать, что там происходит.

Не успела она взяться за дверную ручку, как дверь распахнулась и оттуда выскочил Федя Стрешнев.

Не заметив учительницы, он пролетел мимо нее и, грохоча сапогами по чугунным ступеням, словно провалился в проем лестницы. Затем из учительской выбежал Улька Бьюрков.

Варвара Степановна загородила ему дорогу.

— Куда это вы? Уж не пожар ли?

— Варвара Степановна! — вскрикнул Улька. — Вы приехали?!

— Как видишь... Что же все-таки происходит?

— Ой, вы ведь еще ничего не знаете, —

спохватился Улька.— Это все из-за нашей бригады...

— Кое-что уже знаю,— кивнула Варвара Степановна.

Поглядывая на проем лестницы, куда исчез Федя, Улька торопливо рассказал. Сегодня срочно собрался комитет комсомола, чтобы обсудить дела школьной бригады. Таня сделала сообщение о слете, Федя выступил против нее, потом зачитал письмо перегудовских школьников и рассказал об отряде юных механизаторов.

— Ну и споры тут разгорелись! И знаете, Фонарева до чего договорилась? — возмущенно пожаловался Улька.— Стрешнев, мол, индивидуалист, мешает нашей бригаде, и надо его исключить... Ну, Федька не выдержал. Сорвался и убежал.

«Да-а, события нарастают», — подумала Варвара Степановна и потянула Улька за руку.— Ну-ка пойдем, послушаем.

Улька вновь покосился на лестницу.

— Нет... Я Федю пошщу.

Варвара Степановна вошла в учительскую и, кивнув ребятам, присела у двери.

За длинным столом, покрытым красной материей и заставленным учебными приборами и пособиями, сидело человек пятнадцать школьников.

В конце стола, держа в руках указку, стояла Таня Фонарева и что-то говорила. Но ее слушали плохо. Ребята ерошили чучела птиц, крутили глобусы, переговаривались между собой, перебивали Таню репликами, отпускали колкие замечания:

— Очень ты сознательная, Фонарева!

— Тебе бы только в протокол записать!

— Слушали да постановили!

— Дайте же ей договорить,— взмолилась, наконец, секретарь комитета комсомола Настя Соломина, ожесточенно стуча карандашом по столу.

Шум немного утих.

— Вот вам еще один пример, как недостойно ведут себя некоторые члены бригады,— заговорила Таня.— Товарищи критикуют поведение Стрешнева, а он, не считаясь с ними, хлопает дверью и убегает.

— Хороша критика — из бригады сорвались выгнать,— заметил Саша.— Это как дубинкой по башке.

Таня строго посмотрела на Шеремета.

— Надо же быть, в конце концов, твердыми и принципиальными.

— А все же, почему такая немилость к Стрешневу? — спросила Варвара Степановна и с грустью покачала головой. И откуда у девочки такой строгий, осуждающий тон, поучающие ноты в голосе, пренебрежение к товарищам?

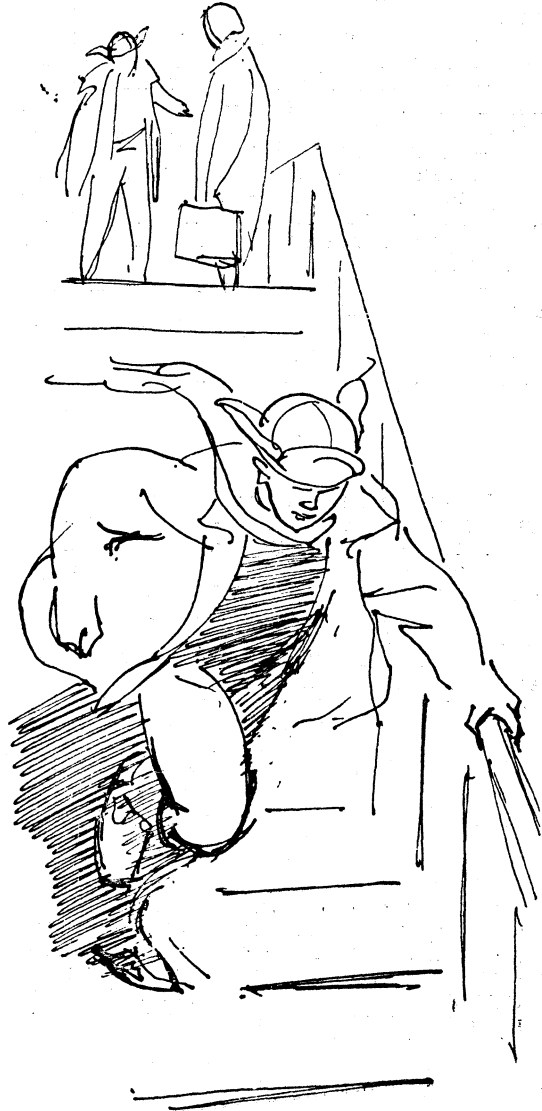
Уж не потому ли, что ее с малых лет считали первой ученицей, лучшей активисткой, гордостью школы, неизменно посылали делегатом на все слеты и совещания, избирали то старостой, то бригадиром. Мало-помалу девочка стала воспринимать эти знаки уважения как должное, привыкла считать себя в школе человеком незаменимым, избранным и была уверена, что всегда действует очень правильно и принципиально.

— Вы же знаете, Варвара Степановна,— продолжала Таня, с недоумением взглянув

на учительницу,— Стрешнев уже давно недоволен нашей бригадой, ни с чем не согласен, не дорожит честью школы. Какое он имел право охаять наш рапорт. И что это за вольные художества — ни с кем не согласовав, организует какой-то свой отряд механизаторов, назначает себя командиром, заставляет пионеров тайно собирать удобрения...

— А что тут зазорного? — удивилась Настя.— Удобрения для всей же бригады пойдут.

— А с техникой что получилось? — не унималась Таня.— Никого не спросив, Стрешнев натаскал на школьный двор целую кучу машин. А на днях со своими дружками откуда-то притащил даже шестирядную картофелесажалку. Потом оказалось, что эта машина принадлежит третьей бригаде. И сегод-

ня бригадир приходил жаловаться, что школьники занимаются самоуправством.

— Так брошенная же машина, забывая! — поднявшись, пояснил Саша. — Мы ее в поле нашли... еле из-под снега выкопали. Да и развалина она, без сошников, шестерни побиты. Ей ремонт да ремонт нужен...

— А все равно самоуправство. Тащите, что вам положено, — наставительно заметила Таня и сообщила, что бригадир распорядился вернуть картофелесажалку обратно.

— Обратно в поле?.. И в снег закопать? — фыркнул Саша. — Пусть машина и дальше ржавеет... Очень здорово придумано!

— Ты не остри, — вспыхнула Таня. — Понимаешь, о чем я говорю...

Распахнув дверь, в учительскую ввалились Улья с Федей, а вслед за ними вошел Григорий Иванович.

— Слово просит дядя Гриша, — объявил от порога Улья. — Послушаем.

Григорий Иванович неловко потоптался у порога и кивком поздоровался с учительницей.

— Вы уж извините, что в таком виде... Ребята меня прямо из мастерской вытащили.

— И очень хорошо, что пришли, — сказала Варвара Степановна. — Тут вот спор разгорелся... о бригаде, о юных механизаторах.

— Знаю, знаю. Ребята меня уж какой день охаживают, — заговорил Григорий Иванович, подходя к столу. — Что ж, я могу сказать: пора ребятам за настоящее дело браться, на простор выходить. А я от шефства не отказываюсь.

— А как насчет машин? — спросила Варвара Степановна.

— Смотрел я ребячий склад во дворе. Вообще-то старье, утиль, но починить кое-что можно. И надо будет еще поискать.

* * *

Зимние каникулы пролетели как один день. В школе начались обычные занятия.

Вновь через каждые сорок пять минут звонок возвещал конец урока. Вновь на переменах гулко гудели отшлифованные сотнями ребячьих ног лестницы, коридоры наполнились криками, смехом.

В первую же перемену комсомольцы вывесили стенгазету. Называлась она «На третьей скорости». Художники на этот раз явно не пожалели ни красок, ни туши, и газета получилась яркой, нарядной.

Каждому, кто подходил к ней, бросался в глаза рисунок глянцево-черного пианино с маленькими ручками — ножками и большой головой с беззубым старческим ртом.

Под рисунком стояла надпись: «Хочу домой», и дальше шел фельетон, в котором от лица старого пианино рассказывалось, как оно из городской квартиры попало в Родниковскую школу и здесь, к своему огорчению, узнало, что никакого подарка ребята еще не заслужили.

Затем следовала немногословная заметка «Каким должен быть рапорт Тани Фонаревой на слете», в которой высказывалось немало критических замечаний о работе школьной бригады.

Но гвоздем газеты было переписанное красной тушью письмо перегудовских школьников о звене юных механизаторов-шереметовцев. Тут же было помещено интервью редактора стенгазеты Насти Ведерниковой с Григорием Ивановичем Шереметом. Все его ответы сводились к тому, что на письмо перегудовских школьников надо ответить практическими делами.

В заключение газета обращалась к читателям с тремя вопросами: когда в Родниковской школе будет настоящая ученическая бригада? Будут ли школьники работать на машинах и примут ли вызов перегудовцев на соревнование?

У стенгазеты сразу же собралась толпа. Ребята читали фельетон, острые заметки и радовались смелому, откровенному разговору. В следующую перемену у газеты открылся чуть ли не митинг.

— Вот это выдали! — переговаривались старшекласники.

— Правильно написано. Давно бы надо.

В конце третьего урока, выглянув из учительской в школьный зал, Варвара Степановна заметила секретаря комсомольского комитета Настю Соломину. Она неловко топталась у стенгазеты и беспокойно оглядывалась по сторонам.

Потом потрогала гвоздики, что удерживали стенгазету, вздохнула, покачала головой и вдруг, махнув рукой, направилась в кабинет директора.

Варвара Степановна прошла следом и услышала сдавленный голос Насти:

— Не могу, Алексей Маркович. Не буду снимать!

— То есть как не можешь? — удивился Звягинцев. — Вы же комсомол, — ответственные за всю школьную печать и вдруг такое допустили. Ты, лично, содержание газеты проверяла?

— Не только проверяла, но и сама написала одну заметку. И вообще это голос ребят...

— Вот как! — ухмыльнулся Звягинцев. — Да ты вчитайся, что в стенгазете написано. Ребята ошелмивали Танин рапорт, высмеивают колхозный подарок... Так что иди и снимай без разговоров. И вызови ко мне членов редколлегии.

Настя вспыхнула и растерянно оглянулась на Варвару Степановну. Та чуть приметно улыбнулась девушке и подошла к Звягинцеву.

— Зачем же Настю неволить... Давайте лучше я сниму эту крамольную газету.

— Вы?.. — Звягинцев недоверчиво покосился на учительницу. — Ну что ж, пожалуйста... Имеете право.

— Только с одним условием, — усмехнулась Варвара Степановна. — Непременно покажем эту газету на ближайшем родительском собрании и прочитаем ее статьи.

Звягинцев поднялся из-за стола.

— Вы что, смеетесь? Шутки шутите?

— Зачем шутки? — Варвара Степановна кивнула Насте, и та вышла из кабинета. Учительница внимательно поглядела на Звягинцева. Многого она не понимала в поведении директора.

Жил он с председателем колхоза друж-

но, рука в руку, охотно выполнял все его приказы и распоряжения. Без конца придумывал всякие мобилизации, авралы, штурмы, выводил колонны школьников на субботники в поле и на фермы. Осенью ребята неделями выкапывали из грязи картошку, перебирали под дождем свеклу, сгребали солому, оставшуюся в поле после обмолота хлеба. И все это выдавалось за трудовое обучение.

Фонарев был доволен и всюду расхваливал расторопного директора. Ценили Звягинцева и в районе. Нередко ставили его в пример директорам школ.

— В газете написана сушая правда, — продолжала учительница. — Вот давайте и выложим все это родителям, посоветуемся с ними.

— Ну, знаете, Варвара Степановна, — не скрывая раздражения, заговорил Звягинцев, маршируя в своих начищенных скрипучих сапогах по кабинету. Он то и дело вытягивал руки из карманов синих просторных галифе и начинал усиленно жестикулировать. — Этого я от вас не ожидал. Только что заняли пост заведующей учебной частью и начинаете все сокращать, перестраивать. К чему это? Наши школьные планы давно одобрены, согласованы во всех инстанциях...

И еще он напомнил учительнице, что она мало дорожит честью родной школы, колхоза. Известно, что Родники прославились тем, что перепахали все травы и больше других посеяли кукурузы, а Варвара Степановна почему-то взяла под защиту бывшего колхозного бригадира, травопольщика Прохора Стрешнева, который отказался перепахивать клевера. Это ли не конфуз для школы?

— А как это понимать? — вспыхнув, перебила Звягинцева Варвара Степановна и достала газету с речью-рапортом Тани Фонаревой. — Хорошая, умная девушка — и вдруг произносит такие слова. Мол, бригада Родниковской школы обработала сто гектаров кукурузы, вырастила высокий урожай... Да разве было такое в самом деле? Кукуруза почти вся вымокла...

— Ну, это с какой стороны подойти. — Звягинцев беспокойно поерошил свой седящий бобр. — Ребята все же немало потрудились... занимались прополкой, окучиванием. Конечно, для рапорта кое-что пришлось округлить. Но это же для пользы дела, для подъема энтузиазма, так сказать. Боевая заданка на будущий год.

Варвара Степановна тяжело вздохнула:

— А по-другому сказать — просто обман... очковирательство.

...После уроков к Варваре Степановне подошла Таня Фонарева. Лицо ее было бледно, губы плотно сжаты, на лбу пролегла резкая черточка. «Эге, а девочке-то нелегко, видно», — подумала учительница.

— Варвара Степановна, — глухо заговорила Таня. — Не могу я больше в бригадах ходить. Ребята не доверяют мне... почти бойкот объявили. Освободите меня...

— Вот те раз, — удивилась учительница. — Какой же это бойкот. Верно, комсомольцы на комитете тебя крепко покритиковали, но из бригадиров никто тебя не отстранял.

— А если ребята не понимают меня. Я же хотела как лучше сделать...

Варвара Степановна грустно покачала головой.

— Послушай, девочка... — заговорила она. — Ты вот у нас все командуешь, руководишь, а до самой работы у тебя руки не доходят. На фермы ты почти не заглядывала, к трактору не подходила. А почему бы тебе не потрудиться в бригаде сейчас? Работы полно. Надо добывать удобрения, машины, получать землю. Вот и покажи, на что ты способна.

Глава 7

В воскресенье Федя и Улька решили съездить в город: надо было купить кое-какие части для мотоцикла.

— На станцию пойдем или попутную машину перехватим? — спросил Улька.

— Лучше голоснем, — сказал Федя.

Они дошли до поворота дороги и стали поджидать машину. Но машины проходили редко, и шоферы не очень-то обращали внимание на поднятые руки школьников.

И тут Улька заметил у колхозного сарая грузовую машину, навьюченную сеном. Около машины стоял шофер Клепиков и о чем-то разговаривал с кладовщиком.

Закончив разговор, кладовщик ушел в сарай, а Семен полез в кабину.

Улька подтолкнул Федю в спину.

Тот подбежал к шоферу и попросил довезти их до города.

Семен поморщился:

— Не по пути, Федька... Не доеду я. Да и место занято. — Он кивнул на сиденье рядом с собой, где уже сидела жена кладовщика.

— А мы и на сене можем, — сказал было Федя, но Семен завел мотор и ничего не услышал. Машина тронулась.

Из-под колес полетели ошметки снега.

Федя поднял голову. Улька уже устроился на сене и махал ему рукой.

Феде ничего не оставалось, как догнать грузовик и, ухватившись за веревку, стягивающую сено, вскарабкаться на воз.

— Видал, — Улька кивнул на сено, — мягкие места... все удобства.

Машина выбралась на шоссе и затряслась по обледеневшим бульжникам, — Семен любил езду с ветерком.

Федя, нахлобучив на уши кепку и подняв воротник тужурки, лег на сено. От ледяного ветра и колючей снежной пыли было холодно.

Потом Улька с Феей принялись закапываться в сено. И тут же переглянулись: в сене лежали окаменевшая от мороза розово-лиловая туша теленка и два пузатых мешка.

— Что это? — недоумевая, спросил Улька. — И куда это сено везут?

Пожав плечами, Федя пощупал мешки: они, видимо, были с мукой.

— Сам видишь, колхозное добро... Наверное, на базар, — без особой уверенности сказал он. В самом деле, если продукты везут на базар, то почему же их так мало? И почему с ними едет один лишь шофер Се-

мен, без колхозного продавца? И зачем решили продавать сено, которого и так не хватает на ферме?

У Феде замелькали всякие недобрые мысли. И что за человек этот Семен Клепиков? В деревне, ведя хозяйство и прочно сохраняя за собой приусадебный участок, постоянно жила его жена Марина, а сам он уже несколько раз ушел из колхоза. То работал весовщиком на станции, то продавцом в городе, то шабашничал по округе с артелью плотников. Потом Семен вновь возвращался в деревню. Последние полгода он работал в артели шофером, а чаще всего выступал в роли колхозного толкача и доставалы.

Он исчезал из дому, уезжал куда-то на грузовике, что-то привозил и увозил, говоря, что действует по особому поручению колхозного начальства.

Домой Семен обычно возвращался навеселе, сорил деньгами, щедро одаривал жену и сына подарками и любил похвалиться перед соседями, что с таким председателем, как Фонарев, жить на свете можно: сыт, пьян и нос в табаке.

«Приблудный он какой-то на нашей земле, непутевый,— говорил про соседа Федин отец.— И за что только в колхозе его держат».

...Примерно через полчаса машина сбавила скорость и остановилась. Федя выглянул из-под сена. Жена кладовщика вышла из кабины, а Семен, не доехав до города, свернул влево, к пристанционному поселку.

Машина с трудом пробралась по заснеженной дороге и остановилась у дома с высоким глухим забором. За калиткой, загремев цепью, сипло залаяла собака.

Семен вылез из кабины, постучал в калитку. Оттуда выглянул пожилой носатый мужчина, без шапки, в наспех накинутах на плечи полушубке. Они бегло поздоровались.

— Ну? — спросил носатый, зыркнув глазами по улице.

— Все в полном ажуре, Маркелыч. Выдаем полной нормой... Вы нам, мы вам — из рук в руки. Баш на баш, как говорится.

«В ажуре... Баш на баш... — повторил про себя Федя.— Ясно, как день, — мухлюет Клепиков, колхозное добро транжирит, наверное, на паях с кладовщиком орудует...»

— На товар можете хоть сейчас глянуть, — продолжал Семен.— Все натуральное, первым сортом.

Федя с Улькой переглянулись и глубже спрятались в сено: этого еще не хватало, чтобы их обнаружили!

«Что же все-таки делать? — подумал Федя.— Может, вылезть из сена, сказать, что они с Улькой все слышали, и потребовать, чтобы Клепиков отогнал машину обратно в колхоз? И пусть его там как следует пропечочат!»

Но Клепиков может и отказаться. Тогда они сами вернутся в колхоз и обо всем расскажут председателю. Или же сразу заявят в милицию.

— Поздновато ты приехал, дружок, — упрекнул Маркелыч шофера — Светло уже, люди глаза пялят, заприметить могут... Хотя вот что. Давай-ка снег от ворот отгребем да машину во двор загоним.

Хлопнув калиткой, они ушли во двор.

Федя с Улькой вылезли из-под сена.

— Ты все понял? — отрывисто спросил Улька.

— Еще бы... — Федя прислушался. За воротами Маркелыч и Клепиков начали разгребать снег. Но это же удача, что они ушли от машины! Теперь Феде с Улькой незачем куда-то бежать и объяснять. Просто, пока не поздно, надо гнать трехтонку в колхоз. Подъехать к правлению и показать всем вещественные доказательства: и сено, и телячью тушу, и мешки с мукой. Тогда Семену не отвертеться.

— А как же ты машину заведешь? У тебя же ключей нет, — спросил Улька.

— Заведу... Я эту трехтонку как облупленную знаю, учился на ней. Могу зажигание монетой включить.

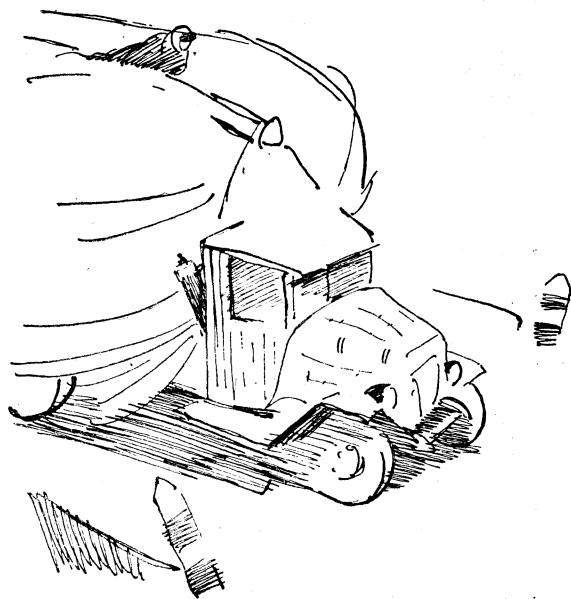
Федя достал из кармана две копейки, спрыгнул с воза и бросился к кабине. И опять удача: в замке зажигания торчал ключ!

«Эх, раззява, даже ключ оставил!» — подумал он о Семене и, включив мотор, рывком тронул машину. Заскрежетало сцепление, в выхлопной трубе гулко стрельнуло. Старушка-трехтонка развернулась и, набирая скорость, помчалась вдоль Вокзальной улицы.

Приподнявшись на возу, Улька увидел, как из калитки выскочил Семен и побежал вслед за грузовиком.

— Не догонит... Не тот мотор! — усмехнулся он.

Федя повернул с Вокзальной улицы в переулок налево, проехал несколько кварталов и выскочил на шоссе. Теперь можно было газануть по-настоящему. Спидометр показал шестьдесят километров, потом семьдесят. Погудев, Федя обогнал несколько саней, потом тяжелый грузовик с прицепом. Что там ни говори, а он, кажется, неплохо научился во-

дить машину! Жалко, что из-за возраста ему до сих пор не дают водительских прав.

Проскочив хлипкий мостик, Федя заметал милиционера. Надув щеки, тот с силой дул в свисток и правой рукой властно показывал на обочину шоссе: требовал остановиться.

«Наверное, за превышение скорости, — мелькнуло у Феде. — А-а... Семь бед — один ответ!» — И он продолжал гнать машину.

Через полчаса трехтонка остановилась у правления Родниковского колхоза — приземистого дома старинной кладки с ядовито-зелеными наличниками.

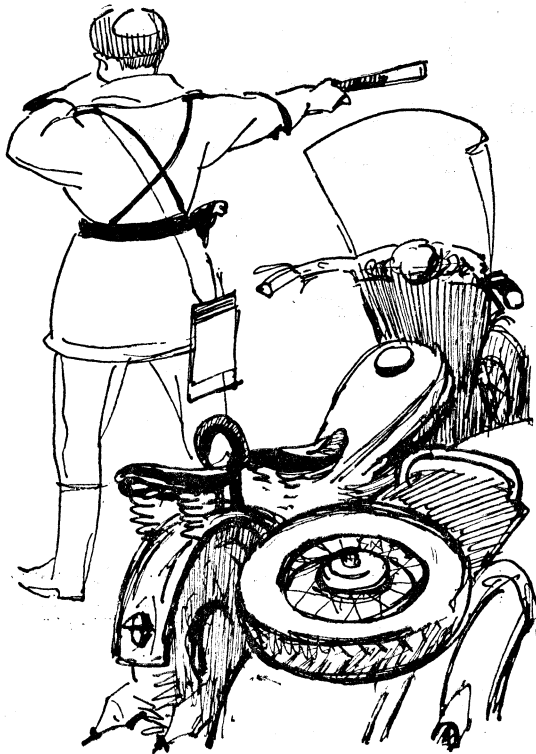
Снег кругом был плотно утрамбован, словно принатан катком. У колхоза стояли подводы, между ног жующих лошадей сновали куры, у фанерного щита, заклеенного разномастными объявлениями, толпились колхозники.

Сжимая в потной руке ключ от машины, Федя ворвался в первую комнату, где у старомодного телефона, похожего на скворешню, сидел колхозный сторож.

Улька не отставал от Феде ни на шаг.

— Кузьма Егорович у себя? — отрывисто спросил Федя.

— А-а, шофер-гонщик, юный похититель машин! — усмехнулся сторож. — Как же, как же, ждет тебя не дождетя... Пожалуйте в баньку попариться. — Он кивнул на дверь соседней комнаты, где находился кабинет председателя колхоза.

«И откуда он про машину знает?» — подумал Федя, входя вместе с Улькой в кабинет председателя.

Здесь было все солидно и прочно. Тяжелый стол, покрытый зеленым сукном, на толстом стекле массивный письменный прибор, которым никогда не пользовались; в углу стальной сейф, у окна в кадучке развальный фикус с сизыми от пыли листьями.

За столом сидели председатель и бухгалтер Иван Лукич.

Федя принялся объяснять, почему он пригнал машину.

— Ладно... и так все знаю, — перебил его Фонарев. — Только что звонил по телефону Семен Клепиков. Картина вполне ясная... Это что же получается, молодой Стрешнев? Школа тебя к технике приохотила, машину научила водить, а ты, значит, самоуправничаешь. Трехтонку угнал без спросу, по шоссе катаешься, вроде вольную практику себе устроил. А колхозному делу урон, полный, так сказать, срыв...

— Какое же это колхозное дело, — удивился Федя. — Вы только посмотрите, что в машине... Сено, мука, мясо... А Семен собрался все это какому-то Маркелычу загнать...

— Да, да, мы и адрес запомнили, — подержал Улька, — Вокзальная, 37. Частный дом.

— Ну и что? — переспросил Фонарев. — Я и без вас знаю, где этот Маркелыч живет.

— Знаете? — Федя подался вперед. — И что Семен к нему с колхозным добром поехал — тоже знаете?

— Ну, Стрешнев, совсем ты меня за дурака посчитал, — развел руками Фонарев. — Да какой же я был бы председатель, если бы не знал, куда колхозное добро расходуется. И не только знал, но сам же направил Семю по этому адресу. Со срочным заданием от колхоза.

— Но он же — частное лицо, Маркелыч! — сбитый с толку, неуверенно заговорил Федя. — Какие же к нему дела от колхоза?

— Ты еще плотва, Федька. Плаваешь мелко и мало что смыслишь. А Маркелыч — нужный нам человек в хозяйстве. Покрышки достает, запасные части, стройматериалы. Мало ли чего нам в колхозе не хватает. А за это, конечно, приходится и отблагодарить.

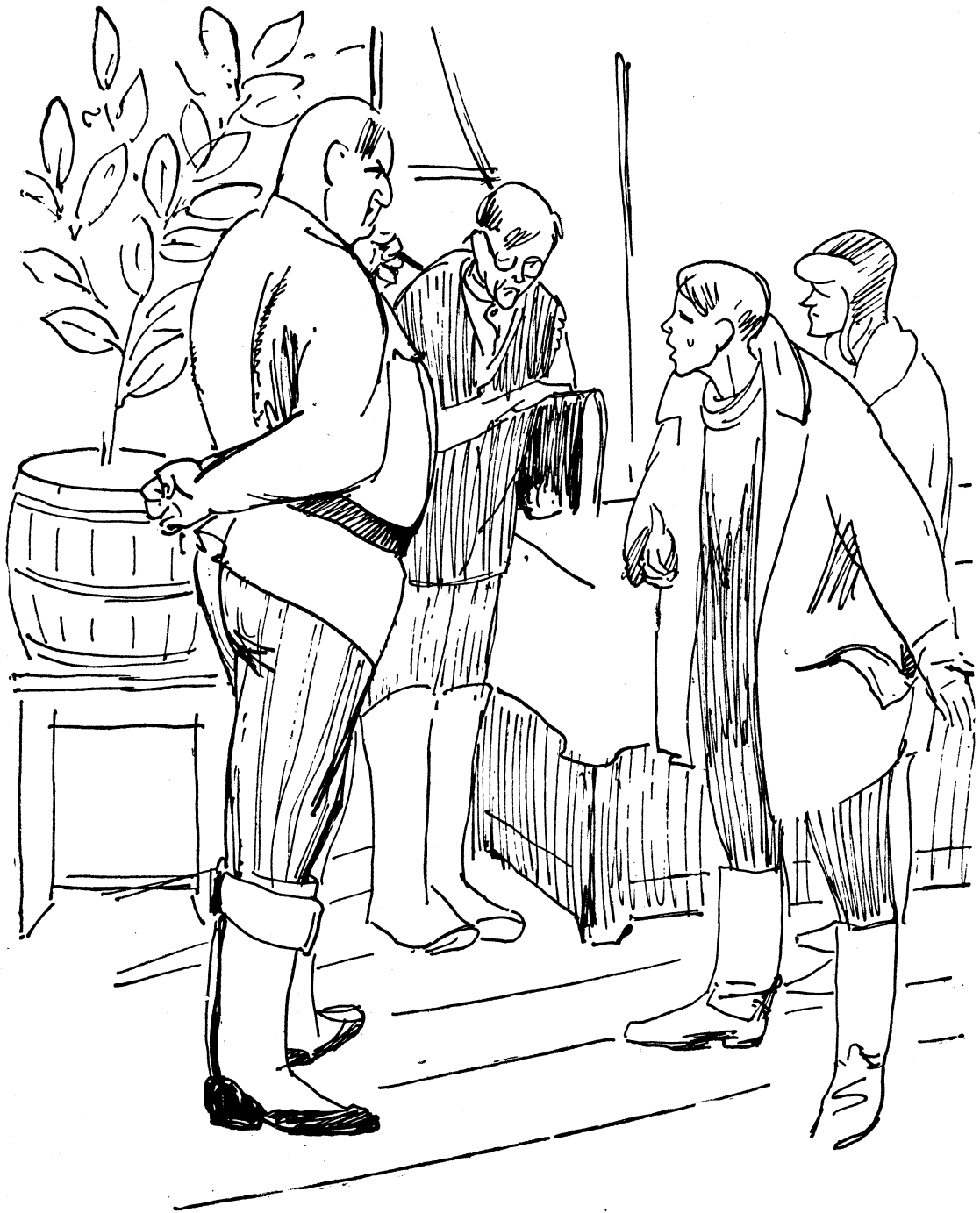
— А разве так правильно?

— Ну, что ты, Лукич, скажешь! — повернувшись к бухгалтеру, воскликнул Фонарев, с досадой притушив недокурную папиросу о землю в кадучке с фикусом. — И мы еще должны школярам все наши дела докладывать: как хозяйствуем да почему? Слово ревизионная комиссия явилась.

— Такой уж народ ныне пошел — все инспектора, все контролеры, — поддакнул бухгалтер, поглаживая выбритую голову, и посмотрел на Федею: — Весь в папашу! Тот тоже всем недоволен. Кричит повсюду, требует...

— Он по закону требует!.. — вспыхнул Федя.

Затрезвонил телефон, и сторож, просунув в кабинет голову, сообщил, что срочно

вызывают председателя колхоза. Фонарев прошел в соседнюю комнату.

Вскоре он вернулся и строго посмотрел на Федю.

— Вот и еще новость. Из милиции звонили... У Клепикова шоферские права отобрали. За ротозейство. Машину оставил без присмотра. А тебя за автохулиганство, за ез-

ду без прав да еще с превышением скорости наказать требуют. Придется в школу сообщить, пусть учителя тебе мозги вправят.— И, помедлив, он добавил: — И чтобы я тебя за рулем больше не видел.

Федя побледнел.

— Кузьма Егорович! Да я... мы тут звено... юные механизаторы!..

— Все, все! — отмахнулся председа-
тель. — Разговорам конец.

Резко дернув плечом, Федя выскочил на
лицу. Улька еле поспевал за ним.

— Ну, чего ты, чего? — попытался он
успокоить Федю. — Будто председателя не
знаешь. Потом отойдет, забудет все.

Федя мрачно шагал по улице.

Улька осторожно заговорил, что, может,
они и в самом деле зря вмешались в колхоз-
ные дела и заподозрили шофера в чем-то не-
хорошем.

— А все равно я Клепикову не верю...
Какой-то он шахер-махер затеял, — буркнул
Федя. — Не верю — и все тут.

Глава 8

История с угнанным грузовиком возбу-
дила в школе немало разговоров.

На другой день Звягинцев и Варвара
Степановна вызвали Федю Стрешнева к себе.

— Ну, герой, докладывай, — сказал ди-
ректор. — Что это за очередные выкрутасы у
тебя? Угон машины, скандал с Фонаревым,
звонок из милиции...

Не успел Федя ничего объяснить, как в
кабинет ворвался Улька и заявил, что раз они
действовали вдвоем, то и отвечать должны
вместе.

— Но ты же машину не угонял? — спро-
сил Алексей Маркович.

— Если б умел, обязательно угнал! —
вырвалось у Ульки.

— Вот как... Единомышленники, зна-
чит, — Звягинцев с досадой посмотрел на
Ульку. — Но ты все же иди пока. Нам с Фе-
дей наедине поговорить надо.

Улька нехотя вышел за дверь.

Звягинцев, заскрипев сапогами, зашагал
по кабинету. Вчера вечером к нему домой за-
ходил Фонарев. Рассказав историю с угнан-
ным грузовиком, он спросил, почему школа
так распустила своих питомцев: ребяташки
лезут не в свои дела, подхватывают и рас-
пространяют всякие нездоровые слухи, распе-
вают на улице озорные частушки, направлен-
ные против него, руководителя колхоза.
И особенно отличается этим молодой Стреш-
нев... Неужели учителя так беспомощны, что
не могут прибрать учеников к рукам, навести
в школе порядок.

— Разберемся, Кузьма Егорович... При-
ем меры, — пообещал Звягинцев.

— Ну что ж, рассказывай, — вздохнув,
обратился он сейчас к Феде.

Тот молчал.

— Видите, Варвара Степановна. Ему да-
же и объяснить нечего.

— А чего объяснять... Вам уже, поди,
доложили, — с трудом выдал Федя. — Ну,
не дал — и не дал свалить сено во двор ка-
кому-то там Маркельчу...

— Но председатель же тебе объяснил,
что Маркельч резину достает, запасные ча-
сти... — пояснил Звягинцев.

— Все равно неправильно... Зачем кол-
хозное сено разбазаривать. Его и так мало...

— Не много ли ты на себя берешь,
Стрешнев? — нахмурился Звягинцев. — Обви-
нить председателя в разбазаривании сена, не

имея на то никаких доказательств, — это уж
слишком. И кто тебе дал право вмешиваться
в чужие дела, подвергать сомнению поступки
взрослых?..

— Почему в чужие? — с недоумением
спросил Федя. — Я ведь тоже в колхозе жи-
ву... И мать моя здесь и отец...

Потерев свой колючий ежик, Звягинцев
вновь прошелся по кабинету. «Да, подросток
не из легких, за словом в карман не лезет,
и его так просто к стенке не припрешь. Видно,
надо дать ему разговориться». Директор уса-
дил Федю рядом с собой на диван, положил
ему на плечо руку.

— Послушай, Федя, что с тобой проис-
ходит? Как понять твое поведение? Ты всех
критикуешь: поссорился с Таней, конфликту-
ешь с ребятами, недоволен порядками в шко-
ле, в колхозе. Что у тебя за настроение? Да-
вай поговорим честно и откровенно...

Федя пытливо заглянул в лицо дирек-
тору: никогда еще тот с ним так не разгова-
ривал. Ну что ж, он готов сказать все, что
думает.

— Честно и откровенно? По душам? —
переспросил Федя, блеснув глазами.

— Да, да, — подтвердил Звягинцев. —
Можешь ничего не утаивать. Мы хотим по-
нять тебя...

И Федя заговорил. Заговорил торопливо,
сбивчиво, перескакивая с одного на другое,
высказывая свои раздумья, тревоги, недо-
умения.

Вот зачем, например, Таню Фонареву за-
ставили сказать на слете неправду о их школь-
ной бригаде? Для благополучного отчета и ра-
порта. Ребятам же теперь просто стыдно ходить
в обманщиках и очковтирателях. А зачем до-
вели Серегу Канавина до того, что он пере-
шел в вечернюю школу? Только затем, чтобы
освободиться от неудобного ученика...

В кабинете стояла тишина. Лицо у Звя-
гинцева окаменело, глаза прищурились.

Но Федя ничего не замечал и продолжал
говорить.

А как ведут себя некоторые учителя?
Видят непорядки в колхозе, а делают вид, что
ничего не замечают. А когда ребята одоле-
вают их вопросами, так они вместо того, что-
бы объяснить, поговорить с ними по душам,
кричат на них, командуют: «Вы еще школь-
ники... Не доросли еще!»... В газетах пишут,
что учитель ученику — первый друг и това-
рищ. А разве к такому придется с каким-либо
вопросом...

— Ну, знаешь, это уже слишком! — вы-
дохнул Звягинцев.

— Вот и вы, Алексей Маркович... — не
унимался Федя. — В школе уже третий год
работаете, а с нами никогда по-хорошему не
побеседуете... Только вот сейчас...

— Довольно, Стрешнев! — оборвал его
Звягинцев, поднимаясь с дивана.

Следом поднялся и Федя.

— Так вы ж сами хотели... чтоб честно
и откровенно, — растерянно забормотал он.

— Да, да... Высказался ты достаточно
ясно. И по всем вопросам. Можешь идти... —
холодно сказал Звягинцев и, дождавшись,
когда за Федей закрылась дверь, обратился к
Варваре Степановне.

Откровенно говоря, он не ожидал такого

разговора. Это уже не озорство, не хулиганство, не заскоки дерзкого, строптивого мальчишки, а целая сложившаяся система взглядов. И взглядов скверных, критиканских, почти циничных. У Стрешнева не осталось ничего святого, он не уважает ни школу, ни учителей, ни руководителей колхоза. И мальчишка с такими взглядами учится у них в школе! Нет, пока не поздно, надо принимать меры. Думаю, что двух мнений быть не может!

— Нет, почему же... — усмехнулась Варвара Степановна. — Есть еще и другое мнение. Я, например, все-таки не вижу, как выражаются в суде, состава преступления у Стрешнева...

— То есть как? — опешил Звягинцев. — А то, что он высказал сейчас перед нами?

— Да, Федя наговорил много резкого и неприятного, — согласилась Варвара Степановна. — Но мы же сами вызвали его на откровенность. И если быть честными, в его словах немало справедливого. И про рапорт на слете, и школьную бригаду, и про беспорядки в колхозе... Разве мы с вами, Алексей Маркович, не спорили об этом? Да и поведение кое-кого из учителей оставляет желать много лучшего. А ведь от ребят этого не скроешь... Вот оно и прорвалось.

— Но позвольте!.. Как вы можете защищать Стрешнева после того, что он натворил? — продолжал наступать Звягинцев. Потом он достал из сейфа учебную тетрадь и протянул ее Варваре Степановне. — А что вы об этом скажете? Прелюбопытнейший документ, между прочим. Узнаете, кто писал?

И Звягинцев пояснил, что на днях он задал девятиклассникам сочинение на свободную тему: наш колхоз. Написали все порознь, но сочинение Федя Стрешнева особенно привлекает внимание.

Варвара Степановна открыла тетрадь и принялась читать. Действительно, это было не совсем обычное сочинение. На четырех страничках крупным размашистым почерком Федя Стрешнев писал о том, как в колхозе мало заботятся о земле, как плохо удобряют ее и что даже минеральные удобрения не сумели использовать как следует, а свалили в Епишкин овраг. И хотя председатель Фонарев отказывается от этих удобрений, но Федя почти уверен, что они принадлежат Родниковскому колхозу. Иначе откуда же им оказаться в овраге. К тому же, есть и живые свидетели: Дима Клепиков и его отец, которые осенью возили суперфосфат со станции.

— Интересно! — Варвара Степановна раздумчиво покачала головой. Ей почему-то сразу поверилось, что Федя Стрешнев пишет подлинную правду: мальчишка был до шепетливости нетерпим ко всякой фальши и обману.

Вспомнилось, как однажды Алексей Маркович давал показательный урок по литературе, на котором присутствовали учителя соседних школ. Объяснив новый и довольно сложный материал, он попросил Таню Фонареву повторить его. Но девочку опередил Федя. Не раздумывая, он довольно бойко пересказал материал и даже пополнил его новыми фактами и примерами.

— Молодец, — похвалил Звягинцев. —

Ты, конечно, уже заранее почитал учебник... Хорошо быть таким любознательным.

— А Таня тоже молодец, — с невинным видом сказал Федя. — Мы с ней вместе учебник читали... Вы же сами нам велели.

В другой раз, когда еще Федя учился в шестом классе, ребята на пришкольном участке посадили кукурузу. Делянкой руководил Димка Клепиков. Кукуруза взошла, выросла по колено, но особенно никого не радовала: в рядах встречалось немало пустующих лунок. Потом стало известно, что в Родниковскую школу «за опытом» приезжают ученики соседней школы. Димка засуетился, забегал, начал готовиться к встрече гостей. К утру делянка с кукурузой выглядела на редкость привлекательно: рядки ровные, чистые, ни одной пустующей лунки. Гости любовались кукурузой, расхваливали ее и старательно записывали в блокноты Димкины советы.

Но все дело испортил Федя Стрешнев. Он вмешался в разговор и попросил гостей записать, что кукуруза у них выращивается по новому способу — без корневой системы. Школьники сначала ничего не поняли, но Федя быстро вытащил из земли несколько зеленых стеблей кукурузы. Они действительно оказались без корней и, судя по всему, совсем недавно были срезаны на другом поле и наспех посажены на школьной делянке.

Эту конфузную историю кое-как удалось тогда замять, но в школе на Федю стали поглядывать с опаской: «Злокритик... доглядчик... Ему бы только сор из избы выносить».

Сейчас Варвара Степановна еще раз прочла Федино сочинение. В конце его красным карандашом были проставлены две крупные двойки — одна за грамотность, другая за содержание.

— Ну, я понимаю, с грамматикой парень еще не в ладах, но почему за содержание двойка? — спросила Варвара Степановна.

— А как же иначе? — удивился Звягинцев. — Сочинение написано не на тему.

— А если Стрешнев располагает фактами? Может, сигнал об удобрениях все же следовало бы проверить.

— Что, между прочим, и было сделано. И все оказалось чистой выдумкой. Клепиков подтверждает, что удобрения были вывезены в поле и внесены под зябь полной нормой.

Варвара Степановна с недоумением посмотрела на Звягинцева:

— А почему вы сочинение в сейф спрятали?

— Скажите спасибо, что оно у меня оказалось, а не пошло гулять по рукам, — объяснил Звягинцев. — Представьте, в каком положении была бы школа, если бы это сочинение стало известно в колхозе: ученик обвиняет колхозного руководителя! Скандал же, конфуз! Надеюсь, теперь-то моральный облик Стрешнева вам ясен?

— Пожалуй, что ясен... но только не в том смысле, как вы понимаете, — помолчав, заговорила Варвара Степановна. — Вот вы сказали Стрешневу, что школьники не имеют права вмешиваться в чужие дела. И Федя вам правильно ответил: колхозные дела ему не чужие... Он живет здесь, все видит, слышит, думает, тревожится. И пытается по-свое-

му бороться против того, что ему кажется несправедливым. Борется подчас еще неумело, озорно, по-мальчишески, но все же борется, а не проходит мимо, не закрывает глаза, не остается равнодушным. А ведь это дорогие ростки, Алексей Маркович! Значит, поднимается будущий гражданин, хозяин. И разве можно за это наказывать, душить эти ростки? Разве из школы должны выходить беспринципные тихони, молчалники, не имеющие своих убеждений?

— Так что ж прикажете? — с досадой воскликнул Звягинцев. — Похвалить Стрешнева за его выкрутасы, благодарность ему объявить?..

— За озорство хвалить незачем, а прислушаться стоит, — заметила Варвара Степановна. — Сигнал Федей подан серьезный: сено в бригаде действительно разбазаривают. И насчет удобрений надо еще раз проверить.

— Не к лицу нам в колхозных дрязгах копать, — отмахнулся Звягинцев. — У школы и своих забот по горло.

— А колхоз, Алексей Маркович, тоже наша забота. Мы вот много говорим о связи школы с жизнью, а не однобоко ли понимаем эту связь? Помогаем взрослым в труде, работаем в поле, на ферме — и все, мол, в порядке. Но это еще только часть дела. Надо учить детей разбираться во всей этой жизни, понимать, что происходит кругом, и главное, учить вмешиваться в эту жизнь, смело бороться за все хорошее, воевать против плохого.

— Думаю, что за таких вояк, как Стрешнев, нам в колхозе спасибо не скажут, — заявил Звягинцев и напомнил, что на днях состоится родительское собрание. И неизвестно еще, как оно пройдет. Не исключено, что вместо делового обсуждения планов школьной бригады все разговоры сведутся к поведению Стрешнева: вот, мол, до чего докатились ученики. И кто знает, не случится ли так, что колхозники, разувшись в ребя-

тах, откажут им в земле и машинах.

Нет, надо заранее принимать меры, спасать положение. И после того, что Стрешнев здесь наговорил, видимо, уже нельзя ограничиться просто выговором. Он, Звягинцев, завтра же собирает педсовет и будет настаивать на исключении Стрешнева из школы на один-два месяца.

— Исключить! На два месяца! — воскликнула Варвара Степановна.

— Да, да. Пусть он одумается, осознает свое поведение.

— Нет, это невозможно. Так ожесточить мальчишку, убить в нем веру в школу, в учителей. Я буду протестовать...

— Это как сказать! — усмехнулся Звягинцев.

— Тогда вот что, — предложила Варвара Степановна. — Соберите педсовет после родительского собрания. Послушаем, что скажут о Стрешневе взрослые, а тогда решим. Подумав, Звягинцев согласился.

Потом учительница попросила у него Федино сочинение, сказав, что она все же попробует разобраться в истории с удобрениями.

Глава 9

Родительское собрание состоялось в воскресенье. Приглашения были разосланы заранее, ученики не раз напоминали отцам и матерям о дне собрания, и те съехались в школу почти из всех окружающих деревень.

Из соседнего колхоза «Коммунар» во главе с председателем Просековым явилась целая делегация колхозников. Они пригнали два колесных трактора, правда, не новых, но еще сильных и на совесть отремонтированных.

Тракторы проложили на школьном дворе широкие рубчатые колеи и остановились около сарая.

— А ну, где здесь юные механизаторы? — обратился к учителям и ребятам Просеков. — Получай технику. Можете опробовать.

Первым к машинам бросились Федя, Саша и Ульяна.

Но Звягинцев, переглянувшись с Фонаревым, предупредительно поднял руку:

— Стрешнев, воздержись!

Резко повернувшись, Федя отошел в сторону. Просеков с недоумением взглянул на директора школы.

— Нехорошо получается... Мы думали, как поторжественнее машины вручить, а у вас что-то заклинило...

Нахмурившись, Звягинцев объяснил, что Стрешнев провинился и лишен права сидеть за рулем. Потом, заметив, что столпившиеся кругом колхозники начинают прислушиваться к разговору, позвал Григория Ивановича и попросил его загнать тракторы в сарай.

Вскоре родители собрались в школьном зале и разместились — кто на скамейках и стульях, а кому не хватило места, втиснулись за ребячью парты.

Председателем собрания избрали Григория Ивановича.

Окинув взглядом зал, он заметил в задних рядах школьников и попросил их разойтись по домам: разговор пойдет только между взрослыми. Ребята неохотно покинули собрание.

Варвара Степановна принялась рассказывать о планах школьной бригады.

— Вы нам про хваленые успехи в прошлом году доложите, — попросил Просеков. — Как ребят показушниками сделали.

Варвара Степановна обернулась к директору школы.

— Может, вы, Алексей Маркович?

Вздрыгнув, Звягинцев только пожал плечами.

— Докладывайте сами.

— Было такое дело... наломали мы хво-

росту, — призналась Варвара Степановна. — Но вовремя поправились... прислушались к голосу ребят и родителей. — И она объяснила, что теперь жизнь школьной бригады должна пойти совсем иначе, чем в прошлые годы. Довольно ученикам быть только мальчишками на побегушках. Они будут изучать землю, проводить научные опыты, отвечать за свои участки от посева до урожая, применять в поле передовую агротехнику и машинную обработку. Но для этого бригаде нужны машины, семена, запасы удобрений и свое поле не менее ста гектаров.

После Варвары Степановны выступил Просеков. Он сказал, что, кроме машин и семян, они передают школе оборудование агрохимической лаборатории. Но с одним условием: пусть ребята не только изучают агрохимию и ставят опыты с удобрениями на своем пришкольном участке, а проведут анализы почв и составят агрохимические карты всех земельных угодий обоих колхозов — как «Родниково», так и «Коммунара».

— По силам ли такое ребятишкам? — выразил сомнение Кузьма Егорович.

— Вы их все еще несмышленишками считаете, а они, как в сказке про горошину, пол пробрили и в потолок упираются, — возразил Просеков. — Вот хотя бы с машинами. Сам посмотрел, как они ремонт провели, и даже позавидовал.

И еще Просеков сказал, что «Коммунар» охотно бы наделил ребят землей, но, к сожалению, в Родники ее не передвинешь, так что они надеются на соседей.

— Будет ребятам земля, будет, — пообещал Фонарев. — Пусть только управляются. Меня тут другое тревожит. Бригада бригадой, а только чтобы школьники не очень самоуправничали да вольничали. За план-то все же нам отвечать, взрослым. — Он поносился на учителей. — Вот вы нам и доложите, кого в бригаду зачислять думаете, кому землю доверите, машины. Туда каждого встречного-поперечного не сунешь, с разбором включать надо, чтобы порядок уважали, дисциплину, команды умели слушать, а то посадите на трактор такого ветрогона, как молодой Стрешнев, он и пойдет всякие колесца выкидывать...

— Это какие же такие колесца? — пристав со скамьи, сдержанно спросил Прохор Стрешнев.

— Будто не знаешь, — ухмыльнулся Фонарев. — А кто машину с сеном угнал? Через кого у Семена Клепикова права отобрали? Все он, сынок твой...

— Вы, Кузьма Егорович, не беспокойтесь, — вполголоса сказал Звягинцев. — Стрешнева мы пока к машине не допустим. И наказание он понесет.

— Обождите, Алексей Маркович, — перебила его Варвара Степановна. — Послушаем прежде...

— Да в чем дело? Что за колесца? — во всеуслышание спросил Просеков. — Может, все-таки объясните?

Пришлось председателю коротко рассказать о том, как Федя Стрешнев самовольно угнал грузовик с сеном, как сорвал важное колхозное дело, как из-за него отобрали шоферские права у Семена Клепикова.

— Ну, и правильно, что угнал! — вырвалось у Прохора. — Хватит вам сено транжирить!

— Это кто транжирит? — переспросил Фонарев и, обернувшись к Григорию Ивановичу, потребовал, чтобы тот не позволял этому критикану Стрешневу увести собрание в сторону, сбивать людей с толку.

Задохнувшись от обиды, Прохор выскал глазами знакомых доярок.

— Что же это, бабы? — взмолился он. — Теперь нам и слова не скажи. Как чуть не в бровь, а в глаз, — так уж и ярлык клеют...

И доярки, забыв, что они не у себя на ферме, а в школе, загалдели о своих делах. Хороших кормов коровам отпускают все меньше и меньше, приходится переходить на солому, скот тощает, а сено, между тем, то и дело гонят куда-то на сторону. А разве это не транжирство?

— Это как же понимать, Кузьма Егорович? — озабоченно спросил Просеков. — А на совещании в районе вы докладывали, что с кормами у вас в колхозе все в порядке.

Фонарев сделал обиженное лицо.

— Кому надо, могут проверить. Пусть хоть завтра ревизию присылают... — И он объяснил, что скот кормится по нормам, как положено, есть даже небольшая экономия сена. Вот эту-то экономию он и решил использовать для приобретения резины и запасных частей через одно частное лицо.

— Ручку, значит, хотел позолотить кому-то за счет наших буренушек, — проговорил Прохор.

И собрание словно прорвало. Теперь уже доярок поддержали многие колхозники, трактористы, звеньевые. И что за порядки в колхозе? Не за горами весна, сев, а в колхозе до сих пор не закончен ремонт тракторов и сеялок, не отсортированы семена. И не известно еще, хватит ли семян, не придется ли, как обычно, просить ссуду у государства. И почему председатель молчит обо всем этом, действует тайно, не соберет людей, ни о чем не расскажет, не посоветуется...

— Ладно, граждане. В своих делах вы потом разберетесь, — сказал Просеков. — Давайте о ребячьей бригаде договорим.

— В самом деле, — поддержал его Григорий Иванович. — Надо же со Стрешневым решить: допускать его к трактору или нет?

— В чем же его вина-то? — Прохор, недоумевая, развел руками. — Что парень глазасть да приметлив?

— Да Федьке спасибо сказать надо, — подала голос Конькова, — что сено отстоял... на сторону угнать не дал.

— А я все же против таких, как молодой Стрешнев, — заявил Фонарев. — Кабы только глазасть... Один ералаш от них в бригаде, сумятица. Лезут, куда им не следует...

— А вы бы кого хотели в школьную бригаду собрать? — спросил его Просеков.

— Известно, кого! — выкрикнул Прохор. — Тихоней да молчунов! — Мол, моя хата с краю, я ничего не знаю...

— Нет уж, давайте ребячьи характеры не обламывать, крылья им не подрезать, — предložил Просеков.

Спор готов был разгореться с новой силой.

— Да вы что, граждане? — развел руками бухгалтер Иван Лукич. — О чем у нас собрание, собственно? О школьных делах или о нас, родителях? Или о Кузьме Егоровиче? Будто мы отчет о его работе обсуждаем...

— Да, да, давайте закругляться! — закричали приятели Фонарева.

— Председатель и без нас отчитается, где положено...

— Собрание, конечно, о школе, — поднимаясь, негромко заговорила Варвара Степановна. — Но и о родителях поговорить не мешает. Ведь это наше общее дело — ребят воспитывать. Вот вы, отцы и матери, чаще всего интересуетесь, как ваши дети учатся, какие у них отметки, успеваемость. А вот о том, какими растут ваши ребята, кто из них смел, честен, трудолюбив, как в жизнь вникает, а кто труслив, ленив, бесхарактерен — об этом вы почти не спрашиваете. Да и на себя редко оглядываетесь: как вы живете, какой след на земле оставляете, чему у вас ребята поучиться могут. А они не за каменной стеной живут, не за семью замками, а среди вас, с вами, и все видят, понимают, все жадно в себя впитывают и, конечно, ответа требуют: где тут доброе, светлое, а где — старое, худое, с гнилью да червоточинкой.

— Вы бы не отвлекались, Варвара Степановна, — заметил Звягинцев. — Поближе к делу.

— Да, да. Я как раз и хочу об одном деле с родителями посоветоваться. — Учительница достала из папки ученическую тетрадь и помахала ею в воздухе. — Один из наших школьников написал вот это сочинение о том, что увидел вокруг себя в колхозе в жизни взрослых. И написал в полной уверенности, что он прав. Так как же поступить нам, учителям? Отмахнуться от такого сочинения, скрыть его или выяснить все до конца?

— Да о чем сочинение-то? — нетерпеливо спросил кто-то из родителей.

— Сочинение небольшое. Если разрешите, я прочту его вслух, — сказала Варвара Степановна.

— Позвольте... к чему это? — шепнул ей Звягинцев, настороженно вытянув шею и узнав знакомую тетрадку.

— А что ж, послушаем, — раздался голос.

— Интересно, чего там ребятишки приметили...

Не обращая внимания на знаки Звягинцева, Варвара Степановна принялась читать сочинение.

С первых же строк оно вызвало живой интерес собрания. Когда речь зашла о низких урожаях, о сорняках в поле, о забытых машинах, раздалась восклицания, что этот глазастый сочинитель как в воду смотрел.

— Горазд писака, горазд!

Но вот Варвара Степановна дошла до того места, где описывалось, как школьники нашли в Епишкином овраге целый клад минеральных удобрений.

Собрание притихло. Все обернулись к Кузьме Егоровичу. Тот сидел, встопорщив густые рыжеватые брови и не сводя глаз с Варвары Степановны.

— Вы с ума сошли... Немедленно прекратите! — ожесточенно шепнул Звягинцев,

наклоняясь к плечу учительницы, и той показало, что он вот-вот выхватит у нее из рук тетрадку.

Барвара Степановна даже отклонилась немного в сторону и торопливо дочитала сочинение до конца.

«...А теперь я догадываюсь, почему это произошло. Председатель колхоза Фонарев в химию не верит, землю не любит и минеральные удобрения для него — одна морока. Вот он и разделался с ними по-своему. Со станции удобрения забрал, а до поля не довез. Дал команду — их быстро и свалили в Епишкин овраг».

— Вот так сочинение! — раздались приглушенные голоса.

— Не в бровь, а в глаз сказано...

— И вроде на правду похоже...

— Да быть того не может!

— Вы что, Варвара Степановна?! — с трудом поднимаясь из-за тесной парты, почти удивленно спросил Фонарев. — Облаву на меня затеяли? Ловушки расставляете? Что это за писанина такая? Кто намаракал?

Немного помедлив, Варвара Степановна сказала, что сочинение написал ученик девятого класса Федя Стрешнев.

— Опять Федька! — ахнул Фонарев. — Тогда оно и понятно. От кого-кого, а от Стрешневых добра не жди. А вы, значит, ребячьи сплетни подхватываете. Опозорить меня задумали. Хороши ж вы, учителя-наставники!..

— Учителя, Кузьма Егорович, здесь ни при чем, — поспешил вмешаться Звягинцев. — За свое сочинение Стрешнев получил двойку, и оно было предано забвению. И Варвара Степановна не имела никакого права его оглашать.

— Право у меня было, пожалуй. — Варвара Степановна вскинула голову. — Школьник хочет установить правду, он ее выстрадал, перетерпел из-за нее немало неприятностей и все-таки убежден, что прав. И я не могу ему не верить.

— Та-ак! — насмешливо процедил Фонарев. — Школьнику, значит, верите, а мне, хозяину колхоза, нет. Интересная петрушка получается. А только у меня, между прочим, живые свидетели есть. — Вытянув шею, он оглядел собрание. — Эй, Клепиков, ты здесь? Скажи-ка людям, как дело-то было...

— Подтверждаю, — отозвался Семен, поднимаясь с задней парты. — Удобрения внесли как положено... полной нормой. Еще и Димка может подтвердить. Он со мной осенью вместе суперфосфат в поле возил.

Семен махнул рукой, и из коридора в зал просунулся Димка, который так и не ушел с собрания.

Воровато озираясь по сторонам, он невнятно буркнул, что все так и было, как говорит отец.

— Заносит этого Федьку куда не следует, — с досадой добавил Семен. — Какое-то

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ ● В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

Взрыв- работяга

Снова раздался грохот, и человек вздрогнул, хотя знал, что взрыв не несет никакой опасности. Это ученые Института гидродинамики Сибирского отделения Академии наук СССР исследовали, каким мирным профессиям можно «обучить» грозного воина-разрушителя. Оказалось, что он отличный сварщик.

Сбылась мечта авиаконструкторов: в умелых руках сталь и алюминий образуют весьма крепкое единство. Довольны нетерпеливые химики. Взрыв молниеносно сваривает обычную и нержавеющей сталь, связывает многие «несоединимые» металлы. Он мгновенно режет самые толстые металлические листы, в четыре-пять раз удлиняет жизнь металла, ведет быструю и точную штамповку.

Но это далеко не все добрые дела, на которые способна разрушительная взрывчатка. Ее помощи ждут бескрайние болота Западной Сибири, куда не пройдет ни экскаватор, ни трактор. Здесь направленный выброс грунта взрывом создаст осушительные каналы, вскроет карьер, перегородит русло реки. А ленточный заряд позволит остановить лесной пожар: он окружит зону огня перекопанной землей.

А вот еще одна неожиданная профессия взрыва. С его помощью в Сибирском научном центре за полгода получено двадцать новых, не

встречающихся в природе веществ. Ученые институтов гидродинамики и неорганической химии ведут совместное исследование различных превращений, процесса образования кристаллов и химического синтеза, происходящих под действием ударных волн.

Человек

и машина

Вмноготиражке Новосибирского научного центра накануне 8 Марта появилось похвальное стихотворение, подписанное загадочными инициалами: Э. В. М. Впрочем, жители Академгородка сразу узнали «автора». Им была... электронно-вычислительная машина.

Естественно, что сочинение стихов, так же как и музицирование (есть у нее и такая способность!), — далеко не основное занятие этой эрудированной «дамы». «Искусством» она увлекается в свободное время. Что же касается серьезных дел, то в Вычислительном центре Сибирского отделения АН СССР разработана оригинальная схема расчета прогноза погоды на трое суток вперед, рассчитывается оптимальная структура машинно-тракторного парка колхозов и совхозов, наиболее рациональное размещение разных отраслей производства...

Но, чтобы найти с машиной «общий язык», специалистам приходится тратить огромные усилия,

бредовое сочинение в школе написал. И поделил ему двойку закатили...

— И я, как бухгалтер, свидетельствую, — сказал Иван Лукич. — У меня во всех документах записано, что сыпучка в дело пошла.

— Ну?.. Что теперь скажете? — спросил Фонарев, обернувшись к Варваре Степановне.

Учительница в растерянности молчала. Узнав от директора школы о сочинении Феди Стрешнева, она на другой же день, прихватив с собой Григория Ивановича, сходила в Епишкин овраг и обнаружила под слоем снега минеральные удобрения. Значит, Федя был прав. Но как и почему они попали в овраг? Варвара Степановна завела разговор с Димой. Но тот упрямо твердил, что ничего об удобрениях не знает. Потом учительница долго беседовала с Семеном Клепиковым, убеждая его признаться, как обстояло дело с «сыпучкой».

Семен отнекивался, просил, чтобы его не впутывали в эту историю, но потом дал понять, что худого против Федьки не скажет. И вдруг такая неожиданность!

— Что ж, Семен, видно, у тебя совесть еще не проснулась. Да и сына вы напрасно душой кривить приучаете, — невесело усмехнулась учительница. Потом посмотрела в глаза председателю и заговорила так, словно была с ним наедине. Она не стала бы зачи-

тывать здесь сочинение Феди Стрешнева, если бы от этого не зависела его судьба. Если сейчас не распутать историю с удобрениями, Федю завтра же могут исключить из школы как клеветника. Но ведь он, Кузьма Егорович, отлично знает, что школьник пишет сущую правду. Не могли же сотни пудов минеральных удобрений ни с того ни с сего оказаться в овраге. Да и она отлично знает председателя. Он действительно не понимает, не признает «сыпучки» и не очень-то болеет за землю. Так почему же Кузьме Егоровичу в этом не соznаться, а не вставать в позу обиженного человека?

Но дело даже не в удобрениях. В конце концов их можно использовать и весной. Дело в другом. Как же школе растить хороших, достойных ребят, если они видят, как взрослый человек, пользуясь авторитетом хозяина колхоза, говорит заведомую неправду, прикрывает свой обман...

— Обман! — Фонарев подался вперед. — И вы смеете меня перед людьми так позорить! Клеветать на меня! — И он обратился к собранию: — Будьте свидетелями, граждане! Я этого так не оставлю...

Собрание вновь зашумело. Кто-то предложил создать в колхозе комиссию и разобраться насчет удобрений.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ • В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

Дело в том, что человек «говорит» с ней на особом языке — языке программ. Составители их образуют во всем мире самый многочисленный отряд специалистов по вычислительной технике.

В течение пяти лет большая группа математиков научного центра работала над созданием системы автоматического программирования. И вот накануне нового, 1965 года она была создана и опробована. Ее назвали Альфа-транслятором. Чтобы проверить способности своего детища, ученые устроили своеобразное соревнование. На старт вышли человек и машина. Математик написал условие задачи и отдал его Альфа-транслятору, а сам стал программировать вручную. Это заняло у него три недели, а у транслятора — два дня.

Впервые в мировой практике качество автоматического программирования приблизилось к ручному. Это определило успех Альфа-транслятора, который сейчас внедряется в вычислительных центрах страны.

Грозы

открывают клады

Поисками новых сокровищ Земли заняты теперь не только геологи с традиционными молотками в руках, но и ученые в лабораториях, электронно-вычислительные машины,

самолеты, вертолеты. Воздушная разведка полезных ископаемых развита сейчас довольно широко. Но обычно при этом на исследуемом участке искусственно возбуждается электромагнитное поле, которое затем измеряется с самолета. Летчику помогают на земле люди. Они устанавливают электродвигатели, протягивают через топи и леса длинные кабели...

А что, если обойтись без них? Ведь в окружающем пространстве и, в частности на поверхности земли, постоянно присутствуют естественные электромагнитные поля. Они создаются различными природными явлениями и, в первую очередь, грозами. Измерение аномалий этих полей позволит выявить наличие рудных тел, определить общую картину геологического строения. Нужна только аппаратура, которая позволила бы быстро преодолеть шумы и различные помехи, обычно значительно превышающие сам полезный сигнал.

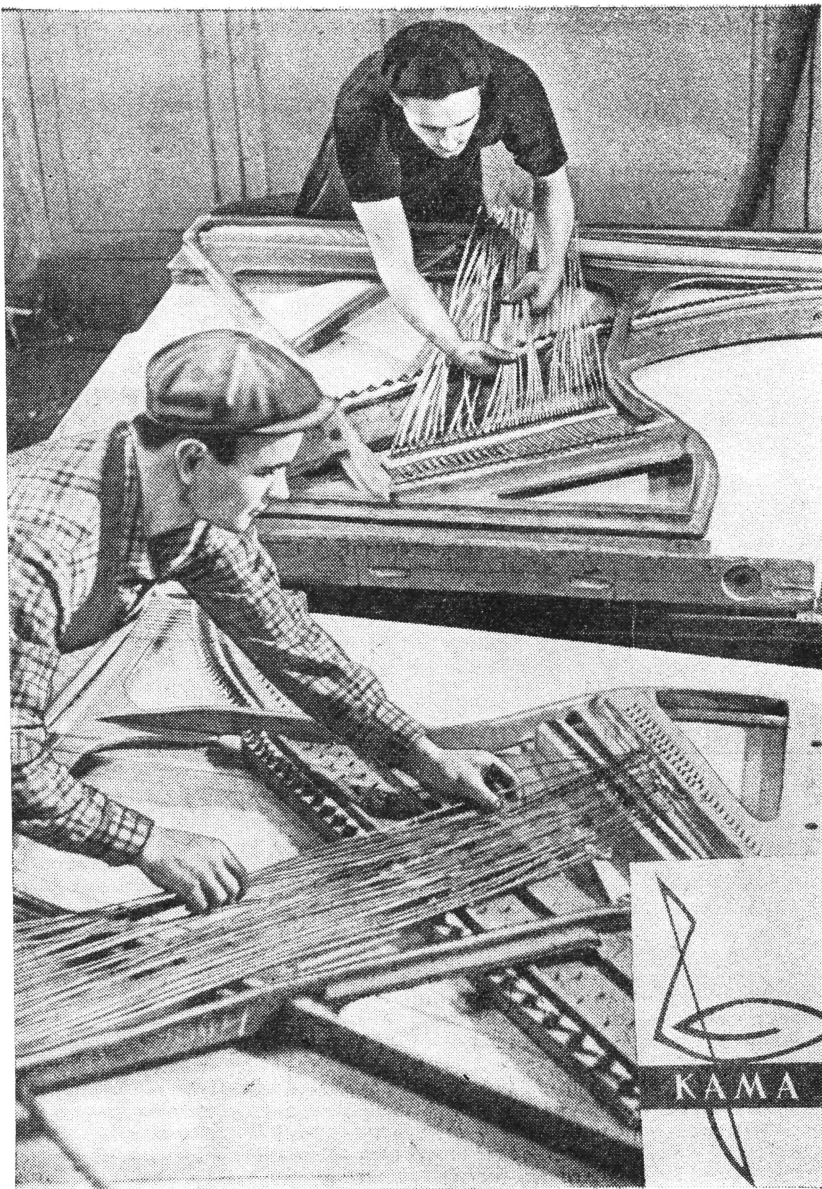
И ученые Института автоматики и электрометрии СОАН СССР разработали принципы построения такой аппаратуры, создали высокочувствительную измерительную систему. Первые полевые испытания ее на самолете АН-2 прошли успешно. Они показали, что использование естественных электромагнитных полей повышает глубину поисков, увеличивает эффективность геофизических работ и, конечно, вдвое дешевле, чем любой метод с искусственным возбуждением поля.

У аппаратуры небольшой вес. Ее смогут поднимать легкие самолеты и вертолеты.

Е. КОМАРСКИХ

Уральская
марка

ПЛЫЛА „КАМА“ ПО АНГАРЕ

Кому не известна песня об Ангаре, о сибирских девчатах, плывущих «навстречу утренней заре». Музыку к ней написала композитор Александра Пахмутова, а слова — поэты С. Гребенников и Н. Добронравов. Во время путешествия по сибирской реке с ними ехали не только новоселы. Был и другой, необычный попутчик — пермское пианино «Кама». О нем и рассказывают поэты в календаре «Мир прекрасного».

...«Кама» плыла по Ангаре. «Кама» плыла на барже. И если взглянуть на нее с самолета, «Кама» выглядела маленькой черной ласточкой, севшей на корму огромной баржи. Она действительно была ласточкой, первой музыкальной ласточкой, пробирающейся на далекий Усть-Илим. Если бы «Кама» понимала не только нот-

ную грамоту, она, наверное, услышала бы, как люди на барже говорили, что в поселке Строителей еще нет клуба, что там даже не знают, где поставить ее на первое время, у нее, наверняка, забилось бы сердце, как у новоселов, которые едут и не знают, что встретит их на новых, неизведанных местах.

В Усть-Илиме, где отбывал когда-то ссылку Александр Радищев, вырастет скоро новое море. Строители гигантского гидроузла на Ангаре свою первую свадьбу праздновали здесь под звуки музыкального инструмента с Урала.

Знают сегодня «Каму» во многих уголках страны — в Сибири и Средней Азии, в Арктике и на Камчатке...

А. НИКИТИН

Книги

сельского учителя

Свое первое стихотворение Миша Лапыгин опубликовал в «Оренбургской коммуне» еще до войны. Потом его стихи для детей печатались в «Пионерской правде» и оренбургской молодежной газете «Комсомольское племя», в журналах «Мурзилка» и «Веселые картинки», «Барвинок» и «Урал».

После института Михаил Лапыгин вернулся в родное село Верхняя Кардаиловка, что раскинулось на самом берегу Урала, вдаль от больших городов, в стороне от железной дороги. В школе, где учился когда-то сам, стал преподавать биологию. Но как бы ни был занят, не забывал рифм.

В 1951 году учителя Верхне-Кардаиловской школы сердечно поздравили своего коллегу с первой книжкой «Радуга» — ее выпустило Оренбургское областное издательство. Полюбили юным читателям стихи сельского учителя. Спустя несколько лет в Оренбурге вышли еще два сборника: «Поэтические загадки «Угадай-ка!» и «Подарок». О стихах тепло отзывались Александр Александрович Фадеев и Агния Львовна Барто. Они же рекомендовали издать его книги в Детгизе.

И вот из Москвы в уральское село почта доставила пакет. В нем авторские экземпляры красочно оформленной книжки «Ручей».

Потом на прилавках появились «Тропинка» и «Богатыри», выпущенные в Оренбурге, и «Кузнецы» — вторая московская книжка.

Стихи М. И. Лапыгина о родной природе, о деревенских ребятишках, о сельском труде очень напевны и поэтичны, легко запоминаются. Умеет Михаил Иванович одним-двумя штрихами нарисовать живую картинку.

Я хочу привести одно стихотворение — «Письмо»:

*Вот и пришла к нам зима,
Синеют далекие дали.
Зайцы на склоне горы
Кому-то письмо написали.*

*Может быть, нашему псу
Они рассказали толком,
Чтобы поймал лису
И злого разбойничка волка.*

На днях Михаил Иванович прислал мне восьмой свой сборник «Жар-птица». Теперь общий тираж детских книжек сельского учителя и поэта перешагнул за полтора миллиона экземпляров.

В. АЛЬТОВ

Майское знамя

Одной из первых легальных организаций, объединявших трудящуюся бедноту Обдорска (ныне Салехард), был Рабочий Союз. Его создали вскоре после победы Октября политические ссыльные. Они тоже стали готовиться к захвату власти. В то время всеми делами в городе еще управляло земство, купцы и рыбопромышленники. Близилось 1 Мая. Как-то вечером председатель Союза Иван Яковлевич Чупров пришел домой обеспокоенный.

— У меня к тебе серьезный разговор, — сказал он жене. — Для майской демонстрации нужно шить знамя.

Поручение было не из легких. Покупать материал у купцов — вызовешь подозрение. Варвара Ефимовна Чупрова решила обратиться к помощи обдорских невест. По старинному обычаю народа коми весь первый год замужества женщина ходит в красном сарафане. Сестра Чупровой Марта была как раз на выданье и в приданном хранила десять аршин бордового сатина. Уговорила Варвара сестру и пообещала после окончательной победы отдать долг шелком.

Перед самым праздником из Березова пришли в Обдоры красногвардейцы под командованием Тихона Даниловича Сенькина. Земство было свергнуто. Народ избрал Совдеп во главе с политическим ссыльным большевиком Максимом Андреевичем Гаврюшиным.

А 1 Мая 1918 года, в солнечный, не по-северному теплый день беднота, красногвардейцы, депутаты Совета собрались у квартиры М. А. Гаврюшина. После короткого митин-

га с пением «Варшавянки» и «Смело, товарищи, в ногу!» двинулись по улицам. Впереди развевалось огромное Красное знамя — символ победы народа.

Н. ПАТРИКЕЕВ

Михайловцы

в Нижнем Тагиле

Это было в 1924 году. Отшумела гражданская война, прошел, как смерч, голодный год. Страна медленно поднималась после разрухи.

В весенние солнечные дни собирались рабочие Михайловского завода (Свердловская область) артелями на плотине, садились на сваи, зарастающие травой, курили крепкий самосад.

— Эх, сколько силы-то зря пропадает, — говорили они, смотря на разбушевавшуюся на спусках воду.

Но вот однажды приехал в Михайловск представитель из Нижнего Тагила: тагильчанам нужна помощь.

Быстро собрались истосковавшиеся по работе старые опытные прокатчики — Михаил и Василий Борисовы, Федор и Григорий Куклиновы, Григорий и Александр Игнатовы. Георгий Слизов, Андрей Игнатов...

Они должны были восстановить прокатный стан на Тагильском заводе. Работали не покладая рук. Через две недели была прокатана первая сутунка. В цех пришли директор завода Бессонов и управляющий Уральским трестом «Гормет» Жариков.

В тот же день в Москву отправили телеграмму: «Тагил дал первый прокат».

...40 лет прошло с тех пор. Гигантом металлургии стал Нижний Тагил. В большое современное предприятие по производству фольги превратился старый Михайловский завод. Но старожилы до сих пор помнят, как впервые при Советской власти они собрали и пустили в ход сутуночный стан, дали стране сталь.

А. ПЕВЦОВ

НЕОПРОВЕРЖИМО..

Мне часто приходилось ходить на работу мимо здания с вывеской «Научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы». И каждый раз я испытывала огромное желание зайти, посмотреть, как работают там люди. В памяти всплывали вычитанные из книг и газет происшествия, когда эксперты точно доказывали вину преступника по незначительным на первый взгляд деталям — клочку бумаги, оставленному окурку, кусочкам грязи или штукатурки, прилипшей к обуви. Эксперты казались волшебниками.

И вот мне довелось побывать в гостях у этих волшебников из Нижне-Тагильского городского управления милиции, поближе познакомиться с их работой. В группе трое: начальник Давид Семенович Аксельрод, старший эксперт Николай Андреевич Клякин и Николай Николаевич Пушкарев. Николай Андреевич Клякин заинтересовал меня больше, видимо, потому, что мы оказались с ним ровесниками. До войны он окончил медицинский техникум, но на фронте был разведчиком. А когда закончилась война, приехал в Нижний Тагил и поступил на

коксохимический завод. Учился на помощника машиниста парового крана, затем стал и машинистом. Однажды его вызвали в райком партии:

— Хотим рекомендовать тебя для работы в милиции.

Николай Андреевич стал было наотрез отказываться.

— Да ты подожди махать руками, пойди хоть узнай, чем люди занимаются.

Целый день просидел Клякин в научно-технической группе, а потом бегом — в райком, боялся, как бы не передумали, даже запыхался:

— Посылайте!

— То-то!..

И вот свыше десяти лет он самозабвенно занимается полюбившимся ему делом.

— Оглянешься,— говорит Николай Андреевич,— и видишь: каждый день сдаешь экзамен. Жизнь требует, интересы дела тоже.

Интересы дела...

Основная забота эксперта в том, чтобы найти и дать следствию неопровержимые доказательства вины или невиновности подозреваемого. Нет преступления, после которого не остается следов. И эксперт их ищет.

Однажды весной

Молоденькая продавщица Маруся возвращалась из поселка, не предвидя ничего дурного. Тепло пригревало солнышко, стояла тишина, лишь постукивали топоры плотников. Это строили еще один корпус для отдыха школьников. Маруся подошла к дверям ларька, который был временно открыт на территории лагеря для рабочих, сняла замок, вошла, взглянула на стол и глазам не поверила: нет денег! Вот тут она их в стопочках оставила... В столе, под столом — нигде нет! Маруся похолодела. Хотелось кричать, но перехватило дыхание. «Что

же я наделала!.. Двухнедельная выручка... Ведь собиралась вызвать инкассатора...» Дрожщими руками закрыла замок и побежала к начальнику строительства.

— Обокрали!

...Оперативная группа милиции прибыла в лагерь к вечеру, когда уже стемнело. Тщательно осмотрели все кругом, но не заметили ничего подозрительного. Николай Андреевич проверил замок и убедился: его не открывали ни чужим ключом, ни отмычкой. На окне решетка, комната в хозяйственном корпусе лагеря, по всей видимости, предназначалась для хранения продуктов. Стекла целы, порядок на полках не нарушен. Только в бочке около стола оказались две трешки, но их могла обронить и сама продавщица.

Маруся плакала и твердила: «Уходила на час пообедать. Это с двух до трех. Пришла, а денег нету». Причины для отчаяния у продавщицы были: незадолго до этого ревизия обнаружила у нее недостачу, которую она погасила. Мысль, что теперь ей могут не поверить, угнетала ее. «Сама виновата, сама виновата», — повторяла она про себя.

Члены оперативной группы собрались, выслушали мнение каждого. Большинство склонялось к выводу: «Симуляция ограбления». Но Клякин попросил товарищей не спешить, проверить все еще раз.

Утром Николай Андреевич обошел корпус, подошел к окну, которое выходило к лесу. Стекло крепилось железными треугольничками. Попробовал отгнуть нижний, стекло легко скользнуло вниз, еле успел подхватить. На стекле виднелся чуть заметный отпечаток большого пальца левой руки.

Решили пойти в лес. Внимательно оглядели все вокруг, каждое дерево, куст. Нашли еще две оброненные трехрублевые бумажки. Стало ясно — ограбление. Но кто это сделал? Рабочие со строительства утверждали, что никто ничего не знает, у ларька в тот день не были. А в магазинчике покупали продукты и жители поселка.

Решение пришло неожиданно. Этим же утром в лагерь приехал врач. Ему нужно было провести медосмотр рабочих. Клякин вспомнил свою фельдшерскую практику и попросил врача разрешить ему присутствовать на приеме. «Мне бы только на руки взглянуть, я его сразу уви-

жу. Лагерь и поселок далеко от города... Кто сюда поедет специально... Ясно, что ограбил ларек кто-то из здешних», — думал Николай Андреевич. Папиллярные узоры пальца, оставленные на стекле, стояли у него перед глазами, он бы узнал их из тысячи других.

Рабочие приходили на прием по одному. Врач занимался своим делом, а Клякин помогал: подавал инструменты, делал отметки в списке. Вот прошел первый, второй, третий... Восемнадцатый, девятнадцатый... Тридцать седьмой, тридцать восьмой... Руки тридцать девятого привлекли внимание. Они не дрожали, но пот на них выступил каплями. Николай Андреевич ощутил в сердце легкий толчок. Когда врач повернул ладони тридцать девятого кверху, сомнения отпали: «Он!»

И все-таки преступник хотел вывернуться, отрицал все. Увертки не помогли. Суд, основываясь на заключении эксперта, вынес преступнику приговор. Немного позже он сознался и сам.

Кто приложил руку?

Поступило заявление из депо станции Нижний Тагил. Там утеряли чек в банке на предъявителя. На чеке имелись все подписи, только не была вписана сумма.

Государственный банк в Нижнем Тагиле находится на одной из центральных улиц. Это небольшое двухэтажное здание, на втором этаже просторный зал с большими окнами. Светло. По бокам, за застекленными барьерами сидят банковские работники, а в середине столы. Здесь бухгалтеры и кассиры предприятий ждут оформления операций.

Николай Андреевич обратился к управляющему, объяснил ему суть дела.

— Надо узнать, был ли предъявлен чек к оплате.

Вызвали банковскую кассиршу. Она чуть задумалась:

— Депо? Да, поступал.

Чек нашли быстро, на нем была вписана крупная сумма. Управляющий быстро определил:

— Чек заполнен человеком, знакомым с банковскими операциями.

— Так... Может быть, можно найти чеки, написанные этим же почерком?

В глазах управляющего на миг про-

мелькнуло не то удивление, не то растерянность:

— Попытаемся...

Легко сказать: найти чек. Несколько человек занимались поисками целый день. И вот перед Клякиным лежат три: один чек из школы, другой из детского сада и третий из депо.

Выяснилось, что бухгалтер школы работает и в детском саду — по совместительству.

Директор школы, когда ему сказали, в чем подозревается бухгалтер, наотрез отказался поверить в ее виновность.

— Не может быть! Это исключительно честная женщина. Что-то вы путаете.

Однако образцы почерка бухгалтера еще раз подтвердили вывод: чек заполняла она. Вызвали в милицию. Пришла молоденькая женщина небольшого роста:

— Это не я писала. Не я...

Пришлось ей объяснить, что скрывать бесполезно, тождественность почерков доказана.

Бухгалтер расплакалась и призналась:

— Я писала. Подошла ко мне в банке незнакомая особа, такая высокая, худощавая. Рука у нее правая была забинтована... И попросила меня заполнить чек. Дескать, рука болит, писать не могу, а рабочие ждут зарплату. Дело-то к Новому году, я и пожалела...

По словесному портрету работники уголовного розыска задержали преступницу. Ею оказалась кассир депо, которая выдавала деньги выездным рабочим. И вроде бы ловко все продумала. Знала, что начальник уезжает, чек приготовил, ведь не будет задерживать выдачу зарплаты рабочим. Видела, как бухгалтер чек по беспечности в стол положила, а не в сейф. Выкрала. Уволилась с работы, сказала, что уезжает к родным. Даже провожали ее на вокзале. Сама доехала до станции Старатель, вылезла из вагона, села на обратный поезд и... в банк. Но замести следы так и не удалось.

* * *

Отпечаток пальца. Известно, что рисунок папиллярных линий на руке человека не меняется в течение всей его жизни, нет двух людей с одинаковыми отпечатками. Есть линии петелькой, спиральной. Несведущий человек, даже если он долго будет смотреть на оттиски, не сможет твердо сказать: «Отпечатки при-

надлежат одному человеку». И эксперт, прежде, чем сказать «да», изучит эти линии до мельчайших подробностей. Конечно, вырабатывается и навык, как например, в случае с ограблением магазина, когда Клякин по одному взгляду на руку определил тождество линий. Но даже и в этом случае, прежде, чем дать твердое заключение для следствия, он потом скрупулезно изучил отпечатки со стекла и пальцев подозреваемого.

Так же и с почерком. Как бы человек ни менял почерк, характерные его признаки остаются. Посмотрите тетради, исписанные вами, ведь не на каждой странице почерк одинаков. Эксперт изучит характерное написание каждой буквы, каждой линии. И на это уйдет не час и не два, а гораздо больше. Заключение должно быть точным.

Если принесли пепел сожженной записки, документ, полуистлевший от времени или со следами подчистки? Тут на помощь приходят приборы, химия. В руках эксперта может заговорить даже чистый лист бумаги, если он побывал в руках преступника. Спектральный анализ может показать, чем был отравлен погибший; микроскопическое исследование грязи с обуви подозреваемого может подтвердить его присутствие на месте преступления. Много всяких «может».

На вооружении эксперта современные достижения науки и техники, и всем он должен владеть в совершенстве. Тогда он поможет следствию выбрать правильную версию, найти и изобличить преступника. Ведь был же случай в Нижнем Тагиле, когда лихача-мотоциклиста, сбившего по дороге человека, нашли по головке спицы, сломанной при ударе. Работники оперативно-технического отделения доказали, что эта головка спицы именно от колес этого мотоцикла.

Невозможно предугадать, чем придется заниматься эксперту завтра. Каждый день что-то новое. Разные люди, разные происшествия.

Не всегда удается проследить всю сложность работы эксперта и не всегда об этом можно рассказать, но в практике сплошь и рядом бывают случаи, когда сутками сотрудники экспертизы бьются над решением задачи.

Порою даже изобретательством приходится заниматься.

— Иногда, — говорит Николай Андреевич, — чтобы обнаружить следы, мы

опыляем стены и вещи порошком. Пыль столбом стоит. Все вместе думаем над тем, как упростить операцию. Заканчиваем один небольшой аппаратик. Он очень нам пригодится.

Творчество для экспертов — своеобразный отдых от текущих дел. А их много, хотя и не всегда они имеют отношение к преступлениям.

Недалеко от здания, где находится оперативно-техническое отделение, стояла небольшая церквушка, старая, ветхая. Решили ее снести. В подземелье обнаружили склеп. Тогда работники Нижне-Тагильского музея обратились к Николаю Андреевичу с просьбой помочь при вскрытии. Он охотно принял участие. В склепе находился гроб, металлический, со следами окисления. В нем — скелет с остатками волос, монашеской одежды, кожаной обуви. Кожа была весьма креп-

кой. Николай Андреевич попробовал растянуть ее руками, не поддалась.

Определили, что захоронение совершено в конце 19 века. В склепе похоронен кто-то из многочисленной родни Демидовых.

Работники музея приносили Клякину выцветшие фотографии и пожелтевшие листовки бурных времен революции 1905 года. Лиц на снимках не видно, а текст совсем не читается. Николай Андреевич взялся восстановить и то и другое. Фотографии получились, а листок с воззванием, относящимся к 1910 году, прочесть не удалось, слишком его попортило время.

Оказывается, и в «мирной работе» полезны и опыт и знания эксперта, когда под любым его заключением можно смело поставить: «неопровержимо...»

Э. ЕРМАКОВА

МИЛИЦЕЙСКИЙ «УНИВЕРСИТЕТ»

Милиция. Все мы — и малыши, и постарше ребята, и взрослые — ежедневно видим людей в темно-синей форме, несущих свою неусыпную службу. Знаем, что они призваны оберегать наш покой, заботиться о том, чтобы не было у нас жадных до чужого, разного рода хулиганов и преступников.

Легко это или трудно? Наверяд ли тут могут быть разные мнения. Ведь для перечисления всех обязанностей работника милиции, всего, что он должен знать и уметь, не хватит этого листа. А чтобы вы хотя бы в общих чертах представили себе, что требуется от милиционера, заглянем в дом номер 118 на улице имени III Интернационала в Челябинске. Здесь учебный пункт управления охраны общественного порядка Челябинской области. Здесь, как сказал один мальчишка, «учат на милиционеров».

Класс как класс. В светлой комнате ряды удобных столов. Доска. Только вот за столиками люди в милицмейской сине-голубой форме. И преподаватель перед ними с офицерскими погонами. Но послушаем, о чем разговор.

— Случилась кража, — говорит преподаватель, — и преступник как будто не оставил никаких следов. Вот только книга... Хозяева квартиры сразу сказали: «Не наша». Как быть?

В классе разногласица. Один предлагает то, другой это. Большинство сходится на необходимости осмотреть книгу тщательно, страницу за страницей.

— Так и сделал оперативный работник, — соглашается преподаватель. — А теперь поглядим, на что он обратил внимание.

Книга новая. В ней нет штампа библиотеки. Вероятно, владелец недавно купил ее. Но вот какая особенность. Там, где книгу листали, остались пятна машинного масла или керосина. Скорее всего, владелец книги имеет дело с техникой, может быть, работает на заводе. Там и читал. У кого на предприятии бывает свободное время для чтения? У тех, кто занят с перерывами, — электромонтеров, наладчиков, работников инструментальных кладовых...

Еще штрих. В тексте ногтем подчеркнуты старые названия улиц Москвы. Значит, человек имеет какое-то отношение к столице. Жил там, или родственники живут... Впрочем, может быть и другое объяснение.

На одной из страниц карандашная запись. Пятизначная цифра. Так записывают обычно номер телефона.

Все перечисленные, на первый взгляд, мелочи позволили сузить круг возможных владель-

цев книги. В дальнейшем удалось найти магазин, где она продавалась. Он оказался около одного из заводов. Цифры указывали на телефон в «подсобке» наладчиков. Словом, нашли вора. И зацепка была невелика, во всяком случае для непосвященного, — заключает преподаватель.

Юристам, а, возможно, и кому-то из вас хорошо известно слово «криминалистика». Это наука об исследовании следов, оставленных на месте преступления, вещественных доказательств вины или невинности человека. Вот на таком уроке мы только что и побывали.

В учебном пункте обучают новичков-милиционеров, участковых уполномоченных. Недавно надевшие форму, они приезжают в Челябинск со всех концов области и постигают самое необходимое для первых практических шагов. И тем не менее учебный пункт с полным правом можно назвать милицейским университетом в миниатюре. Здесь опытные преподаватели знакомят курсантов со всеми сторонами милицейского труда, дают им универсальные знания.

Вот, например, капитан милиции Татьяна Ге-

оргиевна Копырина. Она отличный знаток юриспруденции. Недаром на ее уроках особая, внимательная тишина. Уголовный кодекс курсанты могут прочитать и сами, но Татьяна Георгиевна даст им правильное толкование каждой статьи, объяснит порядок ее применения...

А этот класс, прямо скажем, несколько отличается от школьного.

На одном из столиков макет городского квартала: дома, улицы, повороты, перекрестки. На специальной подставке мигают разноцветными «глазками» маленькие светофоры. А вон большущий картон с обозначениями дорожных знаков.

Догадаться нетрудно. Здесь кабинет, где учат премудростям поддержания порядка движения транспорта и пешеходов. «Властвует» в кабинете лейтенант Владимир Васильевич Багров, недавний работник государственной автомобильной инспекции. И вот снова и снова новички милиции по предложению преподавателя переключают светофоры, находя нужное сочетание для того или иного момента движения по ули-

**Нас встретите повсюду:
В столице и в селе,**

**На быстром мотоцикле,
Пешком или в седле...**

Фото И. Тюфякова

цам. Опытного регулировщика иногда сравнивают с дирижером. Впрочем, регулировщику в определенном смысле даже труднее. Ведь у дирижера перед глазами готовая, не меняющаяся партитура. А на пересечении шумных улиц возникают совершенно непредвиденные ситуации. Их могут быть десятки и сотни. И каждый раз человек у пульта светофоров должен найти лучшее решение. Найти быстро, чтобы не задерживать движение.

...Большой зал. Пол покрыт толстыми спортивными матами. Двое в коротких куртках и трусах стараются повалить друг друга. Прием следует за приемом — захваты, подсечки. Урок самбо — самообороны без оружия.

К борющимся подходит плотный, коротко стриженный человек. Дает советы, показывает, как надо схватить человека, замахнувшегося ножом, палкой. Валентин Васильевич Чикунов — преподаватель самбо. Но у него не только эта обязанность.

Наша милиция оснащена всем необходимым для поддержания порядка. В том числе и разными современными приборами, радиосвязью. Со всей этой техникой практически и теоретически знакомит курсантов Валентин Васильевич. Он не первый год в милиции и сам на деле не раз использовал все эти технические средства.

Заливается звонок. Перерыв. В небольшом кабинете начальника пункта Анатолия Васильевича Гутковского становится тесно. Зашел с ведомостью успеваемости преподаватель, несколько курсантов спрашивают о порядке очередного дежурства.

Анатолий Васильевич озабоченно проводит рукой по седеющим волосам: надо все успеть, всем ответить. Сегодня суббота. Часть курсантов пойдет наблюдать за порядком во время очередного футбольного матча. Другие отправятся в подразделение милиции города. Курсантам практика, а милиции Челябинска — помощь.

Помощь немаленькая. Достаточно заглянуть в журнал, чтобы убедиться: курсанты учебного пункта времени зря не теряют. Вот запись о задержании опасного преступника на вокзале, в другом месте разняли дерущихся, помогли мальчику отыскать родителей, позаботились о больном, попавшем в беду на улице. Да разве все перечислишь!

На улице заурчал мотоцикл. Там идет урок вождения. Каждый курсант по окончании учебы, как правило, получает права на вождение мотоцикла. А фотодело? А спортивная и боевая подготовка?..

С утра до ночи кипит жизнь на учебном пункте. Заканчивает учебу одна группа, на смену ей приходит другая. Приходят люди с заводов, железнодорожного транспорта, из совхозов и колхозов. У новичков разные судьбы и характеры, но объединяет их главное — стремление идти в первых рядах борьбы со всем отживающим.

Недавно оставил стены «милицейского университета» Владимир Шатилов. До этого был он токарем на Кыштымском машиностроительном заводе. Когда решил идти в милицию, посоветовался с начальником цеха Мельциным. Тот отговаривать не стал, хотя и жалко было отпустить умелого рабочего. И товарищи по цеху поддержали. Собрались специально, дали наказ служить самоотверженно, по-рабочему. Получив первые милицейские знания и навыки, Владимир

Шатилов думает учиться дальше в юридическом институте.

Такую же задачу поставил перед собой после окончания занятий на пункте бывший подручный сталевара Челябинского металлургического завода Геннадий Улыбышев. Огневая закладка помогает ему и на новом месте. Геннадий становится хорошим милиционером.

Лучших людей посылают коллективы предприятий и учреждений в милицию, и на учебном пункте стараются помочь им быстрее овладеть новой профессией.

Везде в Челябинской области встретишь бывших питомцев «милицейского университета». Многие уже в деле показали, что не зря слушали лекции, не зря проходили практику. Их мужественные поступки заполняют летопись героических будней милиции. И это самая большая награда для небольшого и дружного преподавательского коллектива учебного пункта.

И. ЦИРЛИН

ЗНАЧОК

АКТИВИСТА

ЖУРНАЛА

Редколлегия журнала наградила значком «Уральского следопыта» **Банцера Александра Степановича**, оперуполномоченного уголовного розыска по делам несовершеннолетних в Дзержинском райотделе милиции города Нижнего Тагила; **Казакова Юрия Васильевича**, проводника служебной собаки; **Матвеева Виталия Николаевича**, майора милиции, старшего оперуполномоченного уголовного розыска; **Павленко Павла Павловича**, старшего лейтенанта милиции, старшего следователя управления охраны общественного порядка по Свердловской области; **Тюртеева Петра Ильича**, оперуполномоченного уголовного розыска Кировского райотдела города Свердловска.

Бирюкова Евгения Михайловича, фотокорреспондента; **Другаля Сергея Александровича**, кандидата технических наук, **Свидлера Константина Наумовича**, инженера.

Шли рядом

1.

1905 год

Как круто развернулись события! Весь день сегодня бурлил и клокотал город. Сколько же народа вышло на улицы! Такого в Екатеринбурге еще не бывало. Рабочий класс показал свою силу — внушительную, уверенную.

Павел появился дома возбужденный, каким, кажется, никогда домашние его не видели. Глаза счастливо смеялись. Мать, Степанида Николаевна, тревожно взглянула на сына.

— Что с тобой?

Отец ни о чем не спросил, только покосился. Михаил Степанович подозревал, где мог быть сегодня сын, где пропал Пашка целыми днями в это тревожное и смутное в городе время, только к ночи являясь домой. Он опять покосился на сына и опять ничего не сказал. Однажды уже был разговор и с Павлом и со старшим Виктором — обо всем, чем они заняты за пределами дома. Тогда Михаилом Степановичем было сказано обоим:

— Вам жить, вам и жизнь свою устраивать.

Павел положил руку на плечо матери и ласково погладил его. — Все хорошо, — сказал он, вздохнув глубоко всей грудью, и улыбнулся так радостно, что у Степаниды Николаевны отлегло на сердце. — Видела, что сегодня было? То ли еще будет...

Павел прошел к себе, повалился на кровать и долго лежал, закрыв глаза, весь во власти того, что видел сегодня. Перед ним опять проплывали толпы народа, выходящие из переулков на главную улицу, с красными знаменами, лозунгами. Кафедральная площадь, вся кишевшая демонстрантами, кумачом полотен, проплывали лица, сотни лиц — мужские и женские, молодые и старые, звучали громкие речи ораторов и грозный гул песни.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

И особенно грозно:

Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Как сильно звучала «Марсельеза» над широким простором площади! А ведь всего два года назад эту песню записала Павлу в тетрадку Серафима Замятина, курсистка, сестра закадычного друга Вальки. Слова песни запали в глубину сердца, чуть слышно Павел часто напевал ее, представляя, как коммунары сражались и гибли на баррикадах Парижа под ее звуки. А сегодня она набатным гулом зазвучала и у них на Урале на всеобщей городской демонстрации.

Виктор Михайлович БЫКОВ.

Павлу пошел восемнадцатый. Это был рослый юноша, порывистый, легко возбудимый, очень непохожий на коренастого, спокойного, серьезного брата Виктора. Павла, недавнего конвода всех мельковских подростков — детей рабочего завода Фомы Ятес, мельницы Макарова, железнодорожников, — все тут хорошо знали. Подростки во главе с Павлом ходили рыбачить на Шарташ, лазили на Каменные Палатки, бегали купаться на городской пруд. Не отказывался Павел сходить летом «на кулачки», а зимой — на лед городского пруда «на шестики» с зареченскими и запрудскими ребятами. Сила у Павла была. Честью мельковской слободы, тогда это была окраина Екатеринбурга, он дожил.

Была у него и другая жизнь — потаенная, невидимая глазам соседей, почти незаметная отцу и матери. В этой потаенной жизни Павла за руку вел Виктор. Он был старше Павла на восемь лет. Виделись они редко, — Виктора мотало по многим далеким местам; где он — горный техник — только не побывал — в Ревде, на строительстве Кругобайкальской железной до-

Братья...

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

Павел Михайлович БЫКОВ.

роги, на разведках в Тургайских степях, в далеком Николаеве на каменоломнях. Каждая встреча для братьев была праздником. Именно Виктор начал «просвещать» Павла, незаметно расширяя его кругозор. Виктор познакомил Павла с нелегальными брошюрами, он втянул Павла в работу просветительного кружка, по его поручению Павел выполнял несложные задачи связного.

Павлу шел семнадцатый, когда ему сказали, что он может посещать партийный кружок. Он получил настоящую «явку», запомнил предупреждение: кружок нелегальный, надо держать язык за зубами.

В партийном кружке их собралось двенадцать человек, среди них Павел был самым младшим. Собирались по воскресеньям у городского пруда. Брали напрокат вместительную лодку и часа два бороздили вдоль берегов от городской плотины до мельницы. На берегу стояли каменные дома крупной и средней знати города. Если бы владельцы этих особняков слышали, о чем говорят в этой лодке... Лектор смолкал, когда замечали, что кто-то прибли-

жается к ним. Один начинал песню, несколько голосов подхватывали ее. С песней уплывали вдаль, пока не оставались одни. Тогда лектор продолжал прерванную беседу. С наступлением холодных осенних дней дело осложнилось. Где могут собраться двенадцать человек? Но вскоре нашелся выход. Сочувствующий революционерам владелец небольших копей предложил кружковцам свою квартиру. Он даже угощал их чаем, порой и сам приходил послушать, о чем разговаривают, как, усмехаясь, называл он их, «нелегальные», вступал с ними в беседы.

Поздней осенью С. А. Черепанов сказал Павлу, что он принят в партию. Просто, буднично. Павел потупил глаза: он понял, что занятия в партийном кружке были проверкой его политической зрелости.

— Ты понимаешь, что это значит для тебя? — спросил Черепанов.

Павел кивнул.

— На трудный путь встал, — сказал мягко Черепанов. — Иди по нему, будь всегда настоящим большевистским партийцем. Теперь ты — коммунист. Мы должны делать историю. Наша задача — добиться власти рабочих и крестьян, построить новое общество.

Павел поднял глаза.

— Для меня есть поручения?

— Тебе скажут, что нужно делать.

Коммунист! Как и его брат Виктор, как его товарищи. Павел знал высокое слово «коммунист» по пламенным строчкам «Коммунистического манифеста» Карла Маркса. За этим словом перед ним как бы раскрывалась вся трудная история России, обильно обрызганная кровью ее лучших людей. Какие светлые люди сложили во имя счастья народа России свои головы, бесстрашно входя на плахи, веря, что кровь, пролитая ими, не напрасна. Декабристы, петрашевцы, Желябов и Перовская, Чернышевский и Радищев! Народные вожаки Пугачев и Разин! Теперь их черед. Сколько сейчас на каторгах и в ссылках большевиков — настоящих революционеров, готовых отдать свою жизнь, как и те, за народ. Теперь и он в многотысячной армии коммунистов, которая готовит штурм ненавистного царизма.

Ах, если бы Виктор был сейчас рядом! Рассказать бы ему обо всем, что происходило в эти майские дни, о всем, что видел и переживал Павел! Брат понял бы все. Но Виктор опять далеко — уехал накануне всех этих событий в Златоуст, и неизвестно, когда им теперь придется увидеться.

Вот во что вылилась вся вроде незаметная работа в подпольных заводских организациях, скромные сходки в затаенных уголках цехов, передача листовок, брошюр, газетных листов. Вот какая поднялась могучая сила!

1 Мая Павел был на Каменных Палатках, таких близких ему с самого раннего детства.

В этот раз он прошел сторожку, сделал порядочный крюк, дабы не увязать за собой «длинный глаз». Он шел по голому еще лесу, где только ярко зеленел бессмертный прошлогодний брусничник, свободно, зная хорошо тут каждый уголок — знакомые ему грибные и ягодные места.

Павел сидел на влажной каменной плите и слушал короткие жаркие речи о празднике 1 Мая, о единстве рабочих всего мира. Он видел знакомые лица своих старших товарищей. Все были возбуждены: состоится или сорвется праздник 1 Мая, как был задуман? Сегодня — день проверки боевых сил пролетариата.

— А теперь, товарищи, в город! — негромко сказал кто-то. — Расходитесь поодиночке. Бойтесь провокаций...

Не сорвался!

Народ вышел на улицы. Остановились станки, затихло пламя в печах, не поднимался дым из заводских и фабричных труб. Улицы в этот день принадлежали людям с мозолистыми руками. Они в эти часы владели городом и шли по булыжным мостовым центра, познав собственную силу, с радостным сознанием своего могущества и всеобщности рабочего класса.

Странно было Павлу на следующий день видеть обычную спокойную жизнь города, сидеть в крохотной комнатке за бумагами конторы страхового общества.

А сегодня, 6 мая, в день всеобщей забастовки... Сегодня, кажется, вновь весь город вышел на улицы, залитые ярким майским солнцем. Тысячи людей... Потом большой двухчасовой митинг на Кафедральной площади и стихийное шествие к Московской заставе на соединение с демонстрантами Верх-Исетского завода.

Власти растерялись. Они не решились вмешаться, остановить это могучее шествие.

Павел поднялся. Он не мог больше лежать. В доме все уже спали. Павел присел к столу, покусал карандаш и начал писать¹.

Первое мая празднуем мы —

Праздник Победы, праздник Весны!

Строчки ложились, как праздничные лозунги, словно обращались к людям, шагавшим плечом к плечу. В ушах Павла словно и сейчас гулел шум улиц и площадей.

Праздник пролетарский пусть будет торжеством, Под знаменем его мы к Победе идем.

К Победе!..

К Победе!..

Тираны, страшитесь!

Пред знаменем красным

Покорно склонитесь...

Про

ле

та

риат

идет!

Никто в доме не знал, когда и куда ушел утром Павел.

А он, так и не заснув, в это время опять был на Каменных Палатках. Перепрыгивая с плиты на плиту, он забрался на самый высокий каменный «столб». Лес, обрызганный росой, молчаливо стоял перед ним. Светлые облака еще дремали в чистом небе, тронутые по краям розовым сиянием встающего солнца.

¹ Стихи П. М. Быкова подлинные.

Звонко, на весь лес, Павел бросал в тишину короткие строки своих стихов.

...Тираны, страшитесь!

Пред знаменем красным

Покорно склонитесь...

Про

ле

та

риат

Идет!

А несколько дней спустя, когда в город, боясь новых демонстраций, власти подтянули войска из Тюмени и Челябинска, Павел сидел у Сыромолотова в его комнатке Уральского общества горных техников.

— Федич, — говорил Павел, — не могу я больше в своей конторе, никак не могу...

— Почему?

— Канцелярия.

— Чего же ты хочешь? — спросил Сыромолотов, аккуратный в своем мундире горного техника. — Это ведь тоже работа, и необходимая. Без канцелярий не обойтись.

— Хочу к рабочим. Я все эти дни об этом думал. Они будут делать революцию. Хочу быть с ними.

«Федич» задумался, потом улыбнулся.

— У рабочих соленый кусок хлеба. Там до седьмого пота работать надо. Деньги зря не платят.

— И что? Не сдюжу? — Павел с надеждой смотрел на друга своего брата. К кому же он мог пойти со своими надеждами, как не к «Федичу»? Он должен его понять.

— Смотри... Решил ты правильно. Надо быть ближе к рабочим, знать их нужды. Да и просто знать их, жить с ними, помогать росту сознательности, готовить к революции. Хочешь ко мне на Медный рудник?

— Пожалуйста!

— Приезжай через три дня. Помнишь, где я живу?

2.

Братья

Весной 1906 года Павел Быков приехал в Златоуст. Братья, наконец, опять встретились. Они очень обрадовались друг другу.

— Рассказывай, — попросил Виктор.

Он разглядывал брата. Ну и вымахал, в рост идет, жердиной тянется. А ведь только-только восемнадцать стукнуло. Точно ли? Конечно, родился в феврале. А выглядит старше, раздался в плечах, посуровел, серьезнее стал, только глаза мальчишеские — с веселыми искорчатymi бесенятами. Улыбка широкая, открытая.

Павел тоже жадно всматривался в брата. Он уже знал, что в прошлом году, когда так его не хватало Павлу, Виктор не случайно, не по своей воле уехал в Златоуст. Он тут был нужен для восстановления организации, налаживания связей, партийной работы. Виктор был организатором знаменитой, отозвавшейся на всем Урале, забастовки златоустовских рабочих. В брате чудилась сила, которая всегда так притягивала Павла.

Павлу было что порассказать Виктору. На-

конец-то он может излить душу, откровенно, в подробностях рассказать, как жил весь этот год, такой необыкновенный в его жизни.

— Ну, — напомнил Виктор. — Чего молчишь, рассказывай.

...Леса стояли по-весеннему молодые, в чистой зеленой одежде, еще не разлохмаченные ветрами, не подпаленные солнцем, когда Павел ехал на полупутной подводе на Медный рудник. Все радовало его, и он много ждал впереди.

Шахта поразила Павла, но не испугала. На глубину тридцать пять саженей с одной липкой ступени бесконечной лестницы на другую спускался он в темную глубину земли. Кажется, что с каждым шагом все плотнее делалась тьма, словно прессовался воздух. Внизу в штреках и ходках слабо светили лампочки. Кругом сочилась вода. Вот, оказывается, какой бывает земля в глубине под травянистым покровом, под лесами, нагретыми за солнечный день камнями.

Павла поставили к буровому станку вертельщиком. Работа не такая уж трудная, но однообразно нудная. Верти и верти, словно лошадь, штангу, вбуривай ее в земную толщу. Обычно к такому делу и определяли таких, как Павел, — «зеленых», самых молодых парней. Заработок вертельщиков так и называли — «ребячий». Угнетал длинный рабочий день. В последние минуты до шабаша все тело кричало: на воздух! К солнцу!

Дни-то стояли самые длинные. В такое время трава и по ночам растет. До чего же хорошо было выходить после долгой смены на поверхность, шагать светлой улицей.

С людьми Павел сходилась легко. На Медном он быстро обзавелся друзьями, да и среди взрослых отношение к нему было самое доброе. Не гулеван Павел, грамотей, о жизни думает серьезно.

Вскоре он собрал небольшую группу, под видом воскресных прогулок горняки уходили к лесному озеру, и там Павел читал им прокламации, брошюры о жизни рабочего класса, необходимости борьбы за политические права и улучшение условий жизни. Добрые слова падали, как эсхожее зерно в хорошо подготовленную почву. В будущем эти семена, посеянные Павлом, дали густые всходы.

Издредка Павел выбирался в город. Обычно он заходил в Уральское общество горных техников — здесь был центр большевиков, заглядывал в книжный магазин Куренщикова — место нелегальных встреч. Там он встречал К. В. Новгородцеву, М. Н. Пинжакову. Они интересовались жизнью Павла среди горняков. Павел знал, что на всех предприятиях идет скрытая большая работа по сплочению рабочих сил, революционному их воспитанию. С запасом свежей литературы, возбужденный, Павел возвращался к себе на Медный.

Он рассказывал Виктору о своей работе после Медного в районе Миасса на Каратано-Баратабинских золотых приисках, где тоже удалось сколотить активную группу. Только бурные осенние события в Екатеринбурге вынудили его вернуться домой. Виктор расспрашивал об этих событиях, об «Андрее».

— Сильный организатор, — заметил Виктор. — Как все с его приездом по всему Уралу зашевелилось.

А Павел думал: «Когда же все для меня началось?»

Ему вспоминалась давняя поездка в гости к брату в Ревду.

Он окончил тогда с отличием начальную трехклассную школу, получив в подарок томик стихов Пушкина за хорошее чтение его «Памятника» на выпускном экзамене, и отец, желая порадовать сына, разрешил поехать в гости на все лето к Виктору в Ревду. Да и другое было. Виктор обещал подготовить брата к сдаче экзаменов, очень серьезных, в городское четырехклассное училище.

Как раз отец, который вел торговлю железным ломом, отправлял подводы на Ревдинский металлургический завод. Поехал Павел с бабушкой Настасьей Андреевной, которой хотелось повидаться с внуком. Ехали медленно, на полпути ночевали в деревне Решеты. Это была первая дальняя поездка Павла, и она запала в память мальчика. Все ему было интересно. Он то сидел на подводе, то прыгивал и шагал обочь дороги. Московский тракт петлял по лесам, то взбегал на кручу, то падал.

Ревда поразила Павла: большой город, большой завод. Брат жил на главной улице, которая называлась Соборная. Однако все жители называли ее по-своему — Красная.

О происхождении народного названия Павлу рассказал старый рабочий Ревдинского завода Семен Евдокимович. Седой, высохший, он с трудом ходил по своему дому.

— Отработался, — говорил он, покашливая. — Огненная работа меня высушила. А Красная называется потому, что на этой улице много пролили рабочей крови. От крови эта улица была красной.

Дважды восставали ревинцы, задавленные непосильным трудом и нуждой: в 1824 году и в 1841 году. В последнем восстании участвовал и Семен Евдокимович.

— Собрались рабочие на площади, а против них войска выставили, — рассказывал он мальчику. — Сначала из ружей сделали залп по рабочим, женам, детям. А потом и картечью стали бить. Кровь рекой лилась. К мертвым подходить не позволяли. Легло тут наших не меньше двух с половиной сотен. Да сколько на каторгу отправили. Не забудет народ этого злодейства. Придет время, и все вспомнит, за все потребует ответа. Может, новый Пугачев придет на Урал. Все за ним поднимутся. Поумнел народ, спасибо — научили его. Слышь, говорят, что будет еще правда на нашей стороне. Люди есть такие, которые готовят к этому весь народ.

Мальчик жадно слушал эти рассказы. Перед ним разворачивалась тяжелая картина жизни, в которой одни владеют всем, другие всего лишены.

А по вечерам у брата, который на металлургическом заводе работал доменным техником, собирались его молодые и такие, как и он сам, головы. Павел забивался в уголок и, притаившись, прислушивался с жадным любопытством к страстным разговорам о народной доле. Произносили слово «революция», спорили о путях, которыми можно к ней прийти.

Позже Павел Быков об этих днях напишет: «Эти разговоры с дедом и на собраниях у брата тогда заро-

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

нили в моем ребячем сознании первую искру революционного направления. И она не потухла». А брат Виктор, уже после победы Октябрьской революции, напишет документальную книгу о восстании ревдинских рабочих — «Возмутители», документальную, точную, раскрывающую одно из страшных преступлений царствующего строя. Эта книга и до сих пор остается лучшей по исследованию истории рабочего движения на Урале. А тогда Павел думал: «Вот как началось, вот с чего началось...»

Да, в тот памятный год он многое узнал от брата и соседей-рабочих. И в то лето Виктор помог ему подготовиться к сдаче экзаменов, и в то лето братья очень сдружились. Потом Павел всегда, когда надо было принимать важное решение, думал: а как бы на его месте поступил Виктор? Брат был для него высшим авторитетом. И в том, что он вступил на путь революционной борьбы, он был обязан брату.

Утром, едва Павел открыл глаза, Виктор сказал:

— Вот что... Пока я тут тебе место подыщу, съезди в Уфу. Очень важно послать надежного человека: нужно доставить оружие и шрифты.

3.

Тюрьма и ссылка

Ночью раздался стук, настойчивый, требовательный. Павел, накинув пальто, пошел открыть дверь.

Кому он понадобился ночью? Поздний стук не удивил, — случалось, что у него ночевали товарищи по партии. Но они так никогда не стучали.

Председатель Екатеринбургского Совета Павел Михайлович Быков (второй слева в среднем ряду) среди депутатов Совета, весна 1917 года.

Едва Павел открыл дверь, как плечами его оттеснили жандармы и вошли в комнату.

— Встать! — заорал один из них на Павла Субботина, сокавартиранта Быкова, служащего медеплавильного завода.

Начался обыск. За окнами нетерпеливо пофыркивали лошади, звякали сбруей. Обшаривали комнату двое. Одному, усатому, было лет под сорок, может, несколько больше. Брезгливо и равнодушно он перебирал вещи в комод. Видно, не впервые ему приходилось вот так ночью врваться в спящие квартиры и надоело это ему до чертиков. Молодой старательно ползал под кроватью, заглядывая во все уголки и все осматривался, словно выискивая, куда бы еще ему заглянуть. Он даже пообдирал обои.

Павел стоял с равнодушным лицом, боясь только одного: не заглянули бы в подполье — там хранился гектограф, на котором они недавно с Павлом Субботиным напечатали сборник революционных песен.

— В помойном ведре посмотрите, — язвительно посоветовал молодому жандарму, который в это время ковырял землю в цветочном горшке, Павел Субботин.

— А ты помолчи, — крутанул в его сторону жандарм.

— Не тыкай, тыкач! — повысил голос Павел Субботин.

Жандарм ничего не ответил, только жирная шея, стянутая воротничком, побагровела.

Закончив обыск, они сели писать протокол. Оба Павла подписали его.

— Собирайтесь, — сказал усатый.

— Куда? — дурашливо спросил Павел Субботин.

— К теще на пироги, — не удержался от соблазна молодой и презрительно фыркнул.

— Можно и прокатиться, — охотно согласился Субботин.

Стояла ночь, когда они вышли на улицу, где их ожидали две тройки.

— Смотри-ка, — удивился Субботин, — тройки-то моего дядюшки. Он же у меня извоз держит. И не знает, что сейчас племянничек на его лошадях покатит. Вот лихо будет!..

Их посадили в первую тройку, два жандарма сели по бокам.

По Верхотурскому тракту они подъезжали к городу. Веселое настроение охватило обоих. Кажется, выскочили благополучно. Никаких улик жандармы не нашли.

— По пыльной дороге телега несется, — затаил Быков, и Субботин подхватил песню.

— В ней по краям два жандарма сидят. — И оба покосились на своих спутников.

— Сбейте оковы, дайте мне волю, Я научу вас свободу любить...

— Научат, научат, — пробормотал сонно жандарм, сидевший справа. Они не мешали петь.

Въехали в черту города. Вот и Мельковки. Вот она, Третья Мельковская. Павел даже увидел свой дом. Мать и отец и не подозревают, что в этот ранний час их сына везут в тюрьму.

Что будет? Павел ждал, что это может случиться. Надо только решить, как себя вести на допросах, как отвечать. Что могут ему предъявить? В 1907 году он опять очутился на Медном, только в этот раз не на шахте, а на самом заводе, где ему дали должность весовщика шихты. Его обрадовало, что кружок, сколоченный

им два года назад, не распался, даже расширился. Они опять стали ходить на островок среди болот. Туда вели редкие тропки, мало кому известные. Собирались каждый раз в другом месте. Чаще всего в старых разрезах золотых приисков на реке Пышма. Неужели кто-нибудь выдал? Тогда будет худо. Могут всех забрать. Распадется сильная организация.

По пустынным еще улицам миновали центр города. Только редкие прохожие с опаской смотрели на тройки, где вооруженные жандармы везли «государственных преступников». На городском пруду старатели уже возились с золотыми песками. На окраине за большим пустырем появилось высокое белое здание с зарешеченными окнами. Тюрьма! Павел знал, что в ней сидит «Андрей», схваченный в Перми. Вот бы встретить его. Он даст совет, как подobaет держаться на допросах, на какие вопросы можно отвечать, что — замалчивать.

Распахнулись тяжелые черные ворота. Павел оглянулся. Ворота медленно закрывались. Прощай, свобода! Надолго ли? Что-то стеснило грудь...

Через внутренний дворик, сквозь узкую калитку, их провели во второй, более обширный двор. Состоялась под расписку в конторе сдача и прием арестованных и доставленных «преступников». Короткий опрос, и Быкова и Субботина повели в тюрьму. В узком коридоре, где общие камеры чередовались с одиночными, навстречу им высыпали заключенные. Многих Павел знал. Приветствовали их шумно. Надзиратель ввел новичков в камеру № 8. Несколько человек поднялись им навстречу с общих нар. У стены под окном Павел увидел «Андрея». Он был в черной студенческой косоворотке, поблескивало пенсне. «Андрей» улыбнулся и протянул руку.

— Добро пожаловать, молодые люди!

Вечером «Андрей» в уголке разговаривал с Быковым и Субботиным.

— Что взяли при обыске? — спросил «Андрей».

— Ничего, — сказал Павел.

— Хорошо, это очень хорошо. Тогда все отрицайте, ни в чем не признавайтесь. Поняли? Ни в какой организации не состоите, никаких связей у вас нет, никого не знаете. Может, у них нет никаких доказательств. Будут брать «на пушку» — смотрите, не поддавайтесь.

Свердлов остро глянул в лицо молодым коммунистам.

— Не трусите? Держитесь твердо.

Он положил руки на плечи ребятам с Медного.

— Придется потерпеть... Но ведь вы знали, что может вас ждать. — Он помолчал, потом сказал строго: — Еще... Будут с вами разговаривать ласково, многое обещать: «Назовите хотя бы имена пропагандистов, какие кто ведет разговоры». Пообещают всякие льготы, поманят, что могут сразу выпустить из тюрьмы. Бывает, что предлагают и деньги... Не идите на это. Бойтесь пути провокаторов и предателей. Нет более подлого, нет более страшного. Это будет измена нашему общему делу. У вас же вся жизнь впереди. Ее надо отдать делу революции. А теперь на зарядку, — весело заключил Свердлов.

«В первый же вечер, — писал в своих записках много лет спустя П. М. Быков, — нам при-

шло принять участие в примитивной физкультурной зарядке на ночь — игре в «чехарду» или попросту в «кобылу». В игре принимали участие почти все заключенные камеры, разделившиеся на две партии и с увлечением прыгавшие с короткого разбега на «кобылу» — на спины людей другой партии, склонившихся «гуськом» один за другим и крепко державшихся друг за друга. «Кобыла» должна была провезти по камере всех вспрыгнувших на ее спину противников, что требовало силы и ловкости, так как в случае падения «кобыла» строилась снова, и на смену ей приходила другая партия — в том случае, если первая партия благополучно вывезла, выполнила нагрузку.

Играли в чехарду с увлечением, но без особого шума, так как время было уже вечернее и должна быть «поверка» — переключка старшим тюремным надзирателем всех заключенных.

Одним из главных «заводил» игры в чехарду был Я. М. Свердлов.

На следующий день Быкова и Субботина вызвали в контору тюрьмы. Заключенные шутя пожелали им «ни пуха ни пера».

— Держитесь! — шепнул им Свердлов. — Все зависит от первой допроса. Никаких показаний...

«Преступники» молчали.

Первым на допрос увели Павла Быкова.

У жандармского ротмистра было длинное, усталое, с мешками под глазами лицо, глаза с беловатым налетом, тонкие холеные пальцы, ласково гладившие чистые допросные листы.

Внимательным взглядом он окинул Павла, сочувственно покачал головой и предложил сесть.

Сначала последовали обычные формальные вопросы: фамилия, имя, отчество, год рождения, принадлежность к сословию, вероисповеданию, род занятий.

— Рассказывайте, — мягко попросил жандармский ротмистр. — Возможно подробней.

— О чем? — спросил Павел. — Не знаю, в чем обвиняюсь. Приехали ночью, забрали прямо в постели, а в чем виноват — не объяснили.

— Не надо разыгрывать из себя простака, — засмеялся мелко жандарм. — Мы напрасно никого не сажаем. Есть и у вас грешки, небольшие, но есть. Вот и расскажите откровенно о них. Судить за них вас строго не будем. Ваша откровенность только поможет вам же. И так?..

Гладко причесанная голова с залысынами наклонилась к бумаге.

— Не знаю, — сказал Павел. — Какие грешки? Ничего не знаю. У нас на Медном люди тихие, ничего плохого себе не позволяют.

— Будто? — усомнился жандарм. — Вот в мае приезжал к вам агитатор. О чем он говорил с рабочими?

— Не слышал, — быстро ответил Павел. — Не видел агитаторов.

— А листовки кто вам давал читать?

— Мне? — изумился Павел. — Не давали мне листовок, никогда их не видел.

— Так и будем играть: «да» и «нет» — не отвечайте, «правда» —

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

«нет» — не говорите». Как эта игра у детей называется? Кажется, «чепухой».

— Не знаю такой игры, — мрачно сказал Павел.

— Так это же дети играют. А вы — человек уже взрослый. Пора такие игрушки бросать. Кто на Медном готовит забастовку?

— У нас? — Павел широко открыл глаза. — Кто-то на меня вам напраслину наплел.

Жандарм не сердился. Монотонно продолжал задавать вопросы — о том, о другом. Несколько раз возвращался к подготовке забастовки на Медном. Павел понял, что у жандарма нет ни одной улики, ничего, абсолютно ничего. Ему не за что было прицепиться к Павлу. И Павел почувствовал себя легче, держался свободнее.

«А про забастовку пронюхали», — думал Павел, вспоминая свой разговор с управляющим заводом и свою угрозу, что если с расценками перемен не будет, то можно и забастовку устроить. Но ведь этот разговор состоялся один на один. Неужели управляющий что-то сообщил о нем и по этому доносу взяли их с Субботиным?

Уже больше часа продолжался нудный допрос, такой же бесплодный, как и с первой минуты. Жандарм задавал вопросы, Павел односложно отвечал: «нет», «не знаю», «не видел», «не слышал»...

Жандарм, все больше хмурясь, взглянул на Павла.

— А ведь мог бы и награду получить, если бы... — Он пожевал узкими губами, словно что-то мешало ему говорить. — Назвал бы лиц, сеющих разную смуту. Ты таких знаешь, хоть притворяешься незнайкой. Вред от них обществу большой. Да, назвал бы — и завтра могли бы и выпустить. Видно, что человек ты грамотный и все это тебе ни к чему. Нам нужно знать настроения среди рабочих людей. Тебя не обидели бы. А? — Он опять остро глянул на Павла.

Павел чуть побледнел.

— Это в охранку зовете служить? На своих рабочих доносите? Продавать? И так на хлеб зарабатываю.

— Все... Ступай...

Так закончился допрос Павла.

В конторе тюрьмы он дождался Субботина.

— Как? — спросил нетерпеливо Павел.

— Ничего у него нет. — Субботин засмеялся и махнул рукой. — Чистенькие мы с тобой, Павлуша. Ведь, верно, доносчиком предлагал, гад, служить.

В воскресенье Павла вызвали на свидание с родственниками.

Оно происходило в узкой комнате, перегороденной частой решеткой. Люди стояли плечом к плечу. Шумели так, что еле можно было слышать, что говорят. Отец и мать Павла прижались к решетке возле самой стены.

— Братан знает? — был первый вопрос Павла.

— Все знают, — скорбно сказала мать.

Павел облегченно вздохнул: он опасался, что и Виктор тоже схвачен жандармами. На свободе — значит, на него никаких подозрений нет. Продолжает издавать журнал, о котором он так мечтал, — «Уральский техник» — значит, и до Уральского общества горных техников не добралась охранка.

— Принести-то что надо? — спросил отец.

— Ничего, — сказал Павел. — Да и держат

меня тут не будут, — захотелось ему успокоить родителей. — Ничего нет за мной, никаких грехов.

— Ох, Пашка, — только и сказал отец и покачал головой, а мать жалостно смотрела на сына.

— Похудел ты, — сказала она. — Вон глазница как ввалилась.

Больше Павла на допросы не вызывали. О нем и Субботине словно позабыли.

Оба втянулись в тюремный распорядок жизни.

Политическим были предоставлены некоторые «свободы». Днем камеры не запирались, и это давало возможность заключенным собираться вместе. Своеобразным клубом тюрьмы, вернее политического отделения, стала восьмая камера. Всех привлекал Свердлов. Он и в заключении оставался пламенным пропагандистом и организатором партии. Через него шли все связи с «волей» — литература, передавались последние новости. На его лекции сходились из всех камер, тесно усаживались на обчих в два ряда нарах. Свердлов отличался и тем, что от него исходило какое-то обаяние, что невольно притягивало к нему людей. Это испытал на себе и Павел.

Как-то, расспрашивая Павла об уральских заводах, о людях, с которыми он встречался на Медном, на золотых приисках, в Златоусте, Свердлов сказал:

— Заметили, как ваш брат Виктор тянется к печатному слову? Вот технический журнал начал издавать. И это очень важно, — надо готовить хороших инженеров, техников для будущего. Нам нужны будут специалисты во всех областях жизни. Вы сами о журналистике не думали? Кажется, что вы могли бы попробовать себя в газетном деле. Будете полезным партии человеком. Печатное слово — это посильнее динамита. Заметьте, какой блестящий журналист Ленин. Вот у кого вам надо учиться.

Свердлов почти год сидел в заключении. Он рассказывал, какую тяжелую зиму он провел в одиночке «Николаевки» — знаменитых Нижне-Туринских арестантских ротах особого режима, подтверждая все самые мрачные рассказы об этом месте заключения.

— Оказывается, и такое место можно пережить, — оптимистически заключил Свердлов, остро поблескивая узкими стеклами пенсне.

Однажды в восьмой камере — это было на десятый день заключения Павла — отметили «юбилей» «Андрея». Ровно год назад, как его арестовали в Перми. Товарищи произносили шуточные поздравления, торжественные речи. Свердлов не оставался в долгу, на шутку отвечал шутками, громко и заразительно смеялся. Его звучный голос разносился по камере. «Вот каким надо быть революционером», — думал Павел.

А через несколько дней утром надзиратель, после проверки, вызвал Быкова и Субботина.

— С вещами в контору, — бросил он.

Ошалевшие от радости Быков и Субботин быстро собрали небольшие пожитки и стали прощаться с товарищами по заключению. Им начали давать самые разнообразные поручения.

— На волю! — сказал Свердлов, пожимая обоим руки. — Вот и прошли первое испытание. Счастливого вам пути. Еще поборемся, правда? Царизм рухнет, прогнивший трон валится. Мы еще увидим «Кровавого» в тюрьме. Увидим!

Слова эти оказались пророческими. Спустя десять лет Павел Быков увидел Николая Романо-

ва в тюрьме и в числе других решал судьбу последнего российского царя.

В конторе тюрьмы Быкова и Субботина встретил опять Кадомцев. Он коротко сообщил, что поскольку о них нет никаких указаний, они получают освобождение.

— Не советую попадать вторично. Подумайте о своей жизни. Или желательнее по тюрьмам ее мыкать? Хорошего в этом мало.

Таковыми словами проводил их начальник тюрьмы.

Вечером Павел и Виктор встретились.

— Поздравляю,— сказал Виктор, обнимая брата.— Как? Страшно в тюрьме?

— Ничего, жить и там можно.

— Чего же так скоро вышел?

До позднего ночного часа горел свет в окошке комнаты братьев. Они не могли наговориться.

— Андрей тебе верно посоветовал,— говорил Виктор.— Иди-ка в газету. Поговорю я о тебе, начнешь репортером набивать руку. Да и полиции так меньше будешь заметен. А дальше — все от тебя.

Павел пошел в газету репортером.

Однако недолго побыл он на воле.

В сентябре 1907 года он снова встретился с начальником тюрьмы Кадомцевым.

— Не живется дома? — иронически спросил Кадомцев.— У нас лучше? Милости просим!

В этот раз все оказалось серьезнее. Павла Быкова привлекали по делу Уральского областного комитета РСДРП. Подобрались доказательные улики его нелегальной работы, которые трудно было опровергнуть. При обыске изъяли большую библиотеку, газеты. Екатеринбургская тюрьма оказалась только коротким этапом. Познакомился Павел и с одиночкой «Николаевки» в Нижней Туре.

После года заключения он был выслан на три года ссылки в город Кемь, Архангельской губернии.

Двадцатилетним Павел Быков пошел отбывать северное поселение.

4.

Зрелость

В 1911 году Павел вернулся в родной город из ссылки. За эти четыре долгих года он сильно изменился не только внешне, но, главное, внутренне. Ссылка стала для него «университетом». Он основательно познакомился с историей философии, многими работами Маркса и Энгельса, Ленина и Плеханова. Юношеская мятежность ушла, пришла зрелость и сознательность образованного марксиста-революционера. Ему шел 25-й год. Он торопился окунуться в гущу партийной работы. Знал, что сейчас дорог каждый человек на свободе. Сотни большевиков находились в каторге и ссылке. В стране господствовала реакция.

К тому времени, когда он приехал в Екатеринбург, пришло письмо от Виктора. Он писал родным из маленького городка Вологодской губернии, куда, после годичного заключения в Бутырской московской тюрьме, был сослан на трехгодичное административное поселение. От товарищей Павел узнал, что брата схватили в Москве, куда он выехал отбирать кандидатов в партийную школу в Лонжемо.

Обложка книги Павла Михайловича Быкова.

Так Павел надеялся встретиться с братом, столько строил планов совместной работы, и вот как получилось. Нескоро их теперь сведет судьба. Что ж, такова жизнь профессионального революционера. Бывает, что и дольше не встречаются самые близкие люди, порой муж и жена годами не видят друг друга, да вдруг встретятся на каком-нибудь пересыльном этапе. Бывало и такое.

В первые дни Павел бродил по любимым городским и памятным многими событиями местам. Полюбовался городским прудом, где днем старатели мыли золото, а по вечерам горожане раскатывали на лодках, веселились на «поплавке». Заглянул и на такие дорогие его сердцу Каменные Палатки. Приятно все же быть на свободе. Но надо, пора уже включаться в общее дело.

В это лето Павел работал в газетах «Уральская жизнь», «Уральский край». Писал небольшие очерки, зарисовки, делал репортаж. Газетная работа помогала скорее приобщиться к жизни, да и давала много пищи для размышлений. Постепенно восстанавливались все утраченные связи. Побывал на Медном заводе, встретил старых знакомых. В глубоком подполье там продолжалась партийная работа. Его порадовало, что и он приложил какие-то силы в этом деле.

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

В том же году Павел оказался в Чистопольской школе прапорщиков. Занимался он старательно, хотел освоить военное дело. Авось, пригодится в будущем.

Домой Павел вернулся в форме прапорщика. Его назначили служить в 124-й запасной полк.

Держался Павел осторожно, понимал, чем ему грозило раскрытие его дел, не относящихся к военным занятиям. В свою группу он подбирал самых надежных людей. Солдаты, покидавшие полк, где-то в потаенных уголках деревянных сундучков, под подкладками шинелей увозили тонкие листовки и полуслепо напечатанные брошюры. Так сеялись семена революционных брожений в солдатских массах.

Настолько осторожно вел себя Павел в своем запасном полку, что только несколько человек знали об этом. Лишь в феврале, когда совершалась революция и массы вышли на улицу, открылся и Павел. Открылся как самый популярный среди солдатских масс офицер.

К этому времени и Виктор вернулся из ссылки и опять занимался «горными» делами. Снова братья были вместе.

5.

Борьба

О празднике 1 Мая 1917 года Павел Быков в газете «Борьба» напечатал на первой странице статью «В чем наша сила». Он писал о первом свободном праздновании революционным народом майского праздника.

Сколько воды утекло с того памятного дня 1 Мая 1905 года, когда Павел впервые почувствовал всю мощь и силу рабочего класса. Тот день был решающим в его жизни. С того памятного дня он полностью отдался делу революции.

Такие дорогие по воспоминаниям Каменные Палатки! Тогда их в лесу собралась ранним утром горстка. Но все это были люди, которые верили в неизбежность победы делз революции. Они верили силе рабочего класса. Не все из них уцелели в классовых боях. Но кровь их не пропала даром. Павел хорошо помнил и другое раннее утро, когда он пришел на Каменные Палатки юношей, поднялся на самый высокий «столб» и там читал стихи, давая клятву быть верным делу рабочего класса. Он и сейчас помнит эти стихи, пусть неуклюжие, но выражающие всю силу его веры в революцию. Какие там были строки!

Тираны, страшитесь!
Пред знаменем красным
Покорно склонитесь...
Про
ле
та
риат
Идет!

Эти строчки своих стихов и свой первый майский праздник 1905 года вспоминал Павел Быков, когда писал статью.

«Праздник весны, праздник обновления природы, праздник воскрешения пролетариата,— писал Павел Быков,— наш праздник труда, первый всеобщий праздник рабочих всей свободной

России был для нас тем радостнее, что он был ярким символом нашей победы над старым режимом. Как скованная природа, долго находившаяся в холодных оковах льда, сбросила с себя эти оковы, лишь только ярче заблестело солнце, так и русский пролетариат выпрямился во весь свой исполинский рост после того, как под лучами свободы река революции унесла в вечность, в забвение холодные оковы и все те грязные наслонения, которые давили его тяжким гнетом долгие зимы беспощадного самодержавия».

Бурный 1917 год! Свергнуто царское самодержавие. Однако революция не завершена. Временное правительство во главе с Керенским ведет предательскую политику. Оно боится власти рабочих и крестьян. Продолжается война, которая измучила весь народ, не решен вопрос о земле, не изменилось положение рабочего класса.

Гудит весь рабочий Урал. То на одном заводе, то на другом вспыхивают забастовки. Происходят демонстрации. Прапорщика 124-го запасного полка Павла Быкова хорошо знают на заводах и фабриках, в воинских частях. Это свой человек, большевик, ему верят. Он председатель Екатеринбургского Совета солдатских депутатов. Под Советы заняли красивый особняк миллионщика Поклеаского-Козела. Почти ежедневно собрания, митинги, совещания с делегациями от всех слоев населения. Павел мотается по всему городу. Домой он заскакивает на короткие часы, забывается тяжелым, беспокойным сном. Рано утром уже исчезает из дома.

Порой приходится по ночам сидеть за правой стайей и корректурой очередного номера газеты «Борьба». Эта газета — орган Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ней — обширные протоколы заседаний Совета. В них — отражение всего, что волнует массы. Газета следит за ходом революции, зовет массы завершить ее.

На заседании Совета Павла Быкова делегируют на Всероссийское совещание Советов. Надо ехать в революционный Петроград. Накануне отъезда Павел с товарищами сидел в Совете, решая очередные дела. Кто-то распахнул дверь комнаты.

— Солдаты 124-го полка пришли. Хотят видеть делегата совещания.

Павел вышел на крыльцо. Плотная масса солдат заполнила тротуар, мостовую.

Начался митинг. Выступали солдаты — гневно, горячо. Они все требовали:

— Немедленно прекратить империалистическую войну! Пусть только так решает совещание Советов.

Одобрительный гул голосов поддерживал ораторов.

— Большевики разделяют ваше требование,— заверил Павел Быков.— Ваше требование перенесем в Питере.

С этим наказом Павел Быков и поехал в Петроград. На вокзал Павла провожал Виктор.

В ссылке Виктор продолжал партийную работу, держал связь с Екатеринбургом, следил за выходом журнала «Уральский техник». Вместе с ним жили Воровский, Алилуев, Иван Малышев, Богданович. Нелегально Виктор Быков появился в Вологде для установления партийных связей и выяснения возможностей выпуска печатных изданий. Его выследили и выслали в глухой и дальний Никольский уезд. Сейчас Виктор, как и Павел, работал в Совете.

— Завидую... — говорил Виктор. — Увидишь, чем дышит Петроград. Новая революция неизбежна. Ты будешь близко к ней.

...Вот и Петроград. В Таврическом дворце еще пахнет пороховым дымом февральских дней. Большой Екатеринбургский зал. Во всю длину его свалены в кучу винтовки, ящики с патронами, стоят пулеметы, штабелями сложены мешки с продовольствием. Революция не закончена. Солдаты отдыхают и спят с винтовками. Да, солдаты обязательно следят за ходом революции.

По возвращении в Екатеринбург Павел в городском театре отчитывался о поездке в Петроград перед депутатами Совета.

— Мы, делегаты Екатеринбурга, — говорил Павел Быков, — примкнули к группе делегатов совещания, которая наиболее определенно и прямо ставила вопрос о заключении мира между народами, вопрос о прекращении боини, каждый день которой несет для международной демократии новые и новые кровавые жертвы, а для нашей молодой свободы кует новые пути.

Обстановка в Екатеринбурге накалялась. Эсеры и меньшевики яростно боролись с большевиками.

10 мая в городском театре заседал Совет депутатов. Эсеры привели к зданию команду «эвакуированных» солдат и потребовали роспуска Совета и назначения новых выборов.

Так был распущен Совет. Однако большевики скоро создали Окружной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он был большевистским. Павел Быков был избран секретарем его.

Теперь ему приходилось выезжать за пределы Екатеринбурга.

Из Надеждинска сообщили, что эсеры и меньшевики мешают выборам Совета. Туда выехал Павел. Он знал, что обстановка там чрезвычайно накалена. Установлено наблюдение на вокзале за приезжими из Екатеринбурга. Не доезжая до города, Павел спрыгнул с подножки и окраинами пробрался к знакомым.

— Выследят, — сказали ему. — На каждом углу глаза. Лучше тебе где-то спрятаться.

— Что ж, — беспечно сказал Павел. — Могу и в лесу переночевать.

Он ушел из города и ночь провел в лесу возле костра.

Его появление в Народном доме было неожиданным для противников. Ему не хотели давать слово. Павел прорвался к трибуне.

— Я делегат Всероссийского съезда Советов! — крикнул он в зал. — Мне поручено сделать доклад о положении революции и задачах рабочих Урала. Вы будете меня слушать?

Зал ответил грозным ревом.

— Дать слово!..

— Не смейт ему мешать!..

— Говори!..

В Екатеринбург Павел уезжал, провожаемый до вокзала рабочими, победителем в единоборстве с меньшевиками и эсерами. В Совет выбрали большевиков. В Надеждинске из металлургов создали отряд Красной гвардии.

По всему Уралу разрастались волнения. Обстановка накалялась. Владельцы заводов, рудников, приисков шли на самые крайние меры. Задерживалась заработная плата, некоторые предприятия даже закрывались. Торговцы прятали продовольствие, взвинчивали цены. Окружной Совет, готовя вооруженные отряды, занимался и

всеми заводскими делами. Создавали рабочие контрольные комиссии, через которые решались все конфликты. Виктору, хорошо знавшему промышленность, приходилось все время быть в разъездах. В Нижнем Тагиле он провел национализацию Авроринского золотого прииска Демидовых, он же проводил национализацию Нязепетровского завода, в самом Екатеринбурге — завода Злоказова. Эти ответные решительные меры оказались действенными. Владельцы предприятий стали более уступчивыми.

13 октября в Екатеринбурге открылся съезд Советов. На него прибыли делегаты из Перми, Челябинска, Тюмени, Башкирии. Павла Быкова избрали делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов.

6.

Победа!

О б этих днях лучше предоставить слово самому Павлу Быкову.

«...И вот я снова в революционном Петрограде.

Неприветливо встретил нас Питер. Заправили старого ЦИКа — эсеры и меньшевики — не хотели созыва съезда и оттягивали открытие его, — они знали, что делегатами на 2-й съезд Советов из провинции едут большевики.

К нашему приезду не была организована даже регистрация прибывающих на съезд, но наши питерские товарищи быстро наладили запись делегатов и выдачу мандатов.

Постепенно наполнялись коридоры Смольного, где должен был открыться съезд, делегатами с мест, и большинство их тянулось к одной из комнат первого этажа. Здесь, в большой светлой комнате, стоял стол и несколько стульев. Над столом висела бумажка с надписью: «Бюро фракции большевиков».

Здесь мы встретили нашего старого знакомого — «Андрея», — так звали мы во времена подпольной работы, да и после революции Я. М. Свердлов. Я лично был знаком с ним еще с 1905 года, а в 1907 году «сидел» в одной камере в Екатеринбургской тюрьме.

...Я. М. Свердлов привлек меня к работе в Военно-Революционном Комитете, который работал в верхнем этаже Смольного.

Здесь я связался с военным отделом Комитета, где встретил ряд знакомых из «военки» — военной организации ЦК партии большевиков, с которой познакомился еще в апреле, когда приехал с Урала, делал в штабе ВО доклад о положении на Урале.

По заводам и в воинских частях происходили митинги, на которых выносились резолюции о переходе к вооруженному восстанию против буржуазного Временного правительства, о невыполнении призыва Временного правительства...

...24 октября в Смольном получено было сообщение, что во дворе Петропавловской крепости идет митинг, на котором эсеры и меньшевики из ЦИК агитируют за поддержку Временного правительства. Гарнизон крепости был боль-

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

шой, и стоявшие там самокатчики были не особенно надежны. Военно-Революционный Комитет послал туда своих представителей, в том числе и меня. После нашего выступления социал-соглашатели с позором бежали, а гарнизон крепости, бывший на митинге, дал клятву поддержать восстание и свое слово сдержал — на другой день пушки Петропавловской крепости уже стреляли по Зимнему.

...Отгремели залпы вооруженного восстания. Власть перешла в руки народа. Руководство властью — партии большевиков, которая взяла на себя ответственность за строительство социалистического государства. Началась будничная работа по закреплению завоеваний Октября, по освоению государственного аппарата.

Избранный в состав ЦИК, я остался работать в Питере.

...В Военно-Революционном Комитете мне приходилось выполнять ряд ответственных заданий по работе в Следственной Комиссии, где работал тоже наш уралец, Шейнкман, и в военной секции Комитета.

Наиболее серьезным поручением было подавление мятежа юнкеров во Владимирском училище, где 29 октября юнкера пытались, по призыву ЦК эсеров, вместе с другими военными училищами поднять мятеж против Советской власти. Получив из Смольного задание подавить мятеж, я с отрядами солдат, матросов, красно-

БЫКОВ
 ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ
 1880-1925
 БОЛЬШЕВИК-ПОДПОЛБИЦИК
 С 1904 г. и до последнего
 ДНЯ ЖИЗНИ-АКТИВНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
 УРАЛЬСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

г. Свердловск. Улица имени Виктора Быкова.

гвардейцев с помощью артиллерии и броневиков очень быстро разгромил училище и принудил юнкеров к сдаче. Все оставшиеся в живых и находившиеся в здании училища военные и штатские были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость.

Прошло несколько недель. Были разгромлены приведенные Керенским и выступившие против Советов части генерала Краснова. После ожесточенных боев подавлено было сопротивление врагов Советской власти в Москве. Жизнь налаживалась, и я, получив письмо с Урала, решил ехать в Екатеринбург...

...Виктор сидел в Совете, когда с телеграфа принесли такую телеграмму:

«Петроград, 26 октября. Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть принадлежит Советам. Комиссары правительства отстранены, председатели Советов сносятся непосредственно с Революционным правительством. Согласно поста-

новлению Всероссийского съезда Советов, все арестованные члены земельных комитетов должны быть немедленно освобождены, арестовавшие их комиссары подлежат аресту. Всероссийский съезд постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. Все солдаты и офицеры, находящиеся под арестом за так называемые политические преступления, освобождаются немедленно. Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и т. д. арестованы Революционным Комитетом. Керенский бежал. Предлагается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление».

В этот же день, около часа дня, открылось экстренное собрание Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Председательствовал Л. Сосновский.

В газетах об этом заседании сообщили так: «После ознакомления собрания с полученными телеграммами о произошедшем в Петрограде перевороте и непродолжительного обмена мнениями принят ряд постановлений, клонящихся к всемирной поддержке революционного Петрограда и охране завоеваний революции от контрреволюционных посягательств и утверждению в городе строгого порядка. Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственной властью в Екатеринбурге».

Так большевики Екатеринбурга совершили без единого выстрела Октябрьскую революцию.

7.

Память сердца

Мечта многих поколений людей претворилась в действительность. Открылась новая книга истории.

На страницах ее еще не раз встретятся имена Быковых — Виктора и Павла. На протяжении ряда лет они, активные рядовые партии большевиков, разрушали старое общество. Теперь они строили новое.

С головой погружается в хозяйственные дела технически образованный, с большим кругозором, опытом организаторской работы Виктор Быков. В 1919 году Виктор едет на Украину и работает председателем рудников Криворожья и Николая. Едва уходит от расправы белогвардейцев. В 1920 году в Екатеринбурге он возглавляет Уральскую горную комиссию, редактирует журналы «Промышленность Урала», «Забойщик», «Экономический путь», «Уральский рабочий».

Ему принадлежат книги: «Возмутители» — о восстании рединских углежогов, «Подполье», «Из жизни уральских организаций».

Умер он в Ленинграде в 1925 году. «Сошел в могилу один из самых популярных горных техников, основатель и почти бессменный руководитель журнала «Горный техник», — писали о нем в некрологе. Друзья постарались, чтобы память о нем не исчезла. Бывшая 3-я Мельковская, когда-то окраинная улица старого Екатерин-

бурга, на которой росли братья, ныне нарядная по-современному, зеленая, носит его имя.

После первых дней революции, когда было решительно сказано, что Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов является отныне единственной властью в Екатеринбурге, Павел Быков снова возглавил Совет.

Он был свидетелем справедливого пролетарского акта расстрела последнего царя.

В ночь перед сдачей колчаковцам Екатеринбург, 24 июля 1918 года, Павел отходил с последними отрядами коммунистов.

В июле 1919 года он в числе первых снова вернулся в освобожденный Екатеринбург и был назначен председателем губревкома.

Позже, на различных должностях, он работал в редакциях газет, в издательствах, в кино. В 1928 году Павел уехал в Ленинград и возглавлял студию «Ленфильм».

Умер он, как и старший брат, в Ленинграде в 1953 году.

Подвиг большевиков-коммунистов, совершивших революцию, не может быть забыт. Мы стараемся бережно сохранить в народной памяти имена всех героев Великой Отечественной войны. Ведется большая и благородная работа. Вот так должны быть сохранены в истории нашего народа, в памяти поколений имена тех, кто участвовал в классовых сражениях со старым миром и привел наш народ к победе социалистической революции. Такое восстановление славных имен большевиков ленинской гвардии стало возможным лишь в самые последние годы, когда исчезла тяжелая тень единственного человека, закрывавшая собой все другие имена.

Незаслуженно забытым и у нас на Урале оказалось имя Павла Быкова — первого председателя Екатеринбургских Советов. Не потому ли, что многие годы жизни он провел в Ленинграде? Им написано несколько книг, он был автором документальной книги «Последние дни Романовых». Имеются в рукописи его воспоминания, где много ярких подробностей того, как готовилась и совершалась революция на Урале. Смерть помешала ему дописать задуманную книгу. Эти воспоминания оказались не замеченными нашими партийными историками. Единственная публикация из них — воспоминания о встречах с Я. М. Свердловым («Урал», № 6, 1965 г.) — принадлежит автору этих строк.

Много лет у нас существует факультет журналистики в университете. Почему никто из работников этого факультета не подумал о розысках литературно-газетного наследия Павла Быкова — этого большевика-журналиста, сотрудника многих уральских изданий? Нам должны быть дороги все детали и подробности нашего прошлого. Вот почему яркая фигура Павла Михайловича Быкова, как и брата его, Виктора Михайловича Быкова, должна привлечь внимание всех, кто занимается прошлым.

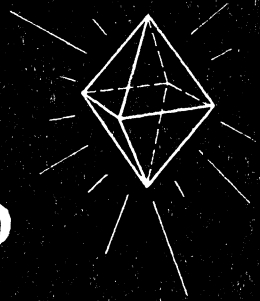
Настоящий же очерк — это лишь первая попытка познакомить уральских читателей с двумя бойцами революции.

К СЛАВНОМУ
ЮБИЛЕЮ

Виктор СТАРИКОВ

Золотой ОКТАЭДР

Октаэдром называют восьмигранник, тело, ограниченное восемью треугольниками. В такой форме сравнительно чаще кристаллизуется золото. Насколько оригинальна, красива форма октаэдра, настолько своеобразна, интересна и природа этого металла.

Биография золота

Говорят: не все то золото, что блестит. А приходилось вам видеть его?
— Конечно, — последует ответ. — Часы, кольца, браслеты...

Нет. Вещи, которые вы назвали, изготовлены не из золота, а из его сплава.

В чистом виде металл этот очень мягкий. Даже ногтем можно поцарапать его. Поэтому, чтобы изделия из золота носились дольше, им придают твердость, сплавляя с медью и с серебром.

Осмотрите внимательно часы или кольцо: на нем вы найдете очень маленькие вдавленные знаки. Это отпечаток государственного клейма — проба. Проба — биография золота.

Сплавы, из которых изготавливают золотые вещи, каждая страна определяет своим знаком. В Советском Союзе, как и во многих других государствах, введена метрическая система обозначения пробы, в которой за основу взята тысяча.

Установлены пробы 375, 500, 583, 750 и 958. Золото с обозначением «958» — самый высокопробный сплав. А 500 и 375 означают, что в сплавах половина и больше по весу серебра и меди.

Чистое золото с клеймом 1000 идет только для специальных целей.

Основы — разность весов

Когда человек научился добывать золото из руды?
Когда?

Ответ на этот и многие другие вопросы в какой-то мере дает появившееся в последние годы в печати сообщение «О самом древнем золотом руднике». Он находится в Египте, между Нилом и Красным морем. Известен людям еще со времен строительства великой пирамиды Гизы.

«В подземных галереях, — говорится в сообщении, — было душно, дымно, жарко. Золотосодержащую породу раскаляли огнем добела, обливали водой, и камни давали трещины. Тогда их откалывали мотыгами. В трещины и углубления, куда не мог забраться взрослый человек, дробить породу посылали маленьких детей.

Наполненные кварцем бабьи поступали на поверхность. Перемалывали породу на ручных мельницах с жерновами из порфира. Кварцевый порошок высыпался на овечьи шкуры и промывался водой. Вода уносила песок, а более тяжелые по весу крупинки золота оседали между шерстинками.

Ныне правительство Объединенной Арабской Республики приступило к восстановлению своих старых горных предприятий.

Рудник, которому более пяти тысяч лет, теперь вновь дает золото. Он оснащен современным оборудованием. Но примененный много веков назад способ извлечения золота, основанный на разности удельных весов, дожил до наших дней. По его принципу работают драги, отсадочные машины, шлюзы и другие агрегаты, приборы и механизмы.

От них пока не отказываются.

**Нашел?
Нет!**

В истории сохранился рассказ из жизни известного древнегреческого ученого Архимеда. В нем говорится о том, что правитель Сиракуз, царь Гиерон, заказал ювелиру сделать корону из чистого золота. Мастер выполнил поручение. Корона весила столько, сколько было отпущено драгоценного металла. Но у царя возникло подозрение, что ювелир утаил часть золота, заменив его серебром. Как же узнать, есть ли в короне примесь серебра и в каком количестве?

Решение этой задачи возложили на Архимеда.

Рассказывают, что ответ у ученого родился внезапно, когда он сидел в ванне. Вне себя от радости, Архимед выскочил на улицу, повторяя: «Эврика!» — «Нашел!». Он исходил из положения, что чем тяжелее тело, тем, при равном весе, меньше его объем, а об объеме можно судить по количеству вытесненной им воды. Отсюда можно определить количество металла, из которого сделана корона.

Нашел? Нет! Странно, но это общее положение к сплаву золота с серебром не годится. Объем сплава этих двух металлов не бывает равен сумме объемов исходных веществ.

Но можно все-таки решить и эту задачу. Академик Н. Меншуткин в книге «Курс общей химии» указывает, что в данном случае нужно приготовить сплавы золота с серебром в самых различных соотношениях и установить их удельные веса. По полученным результатам вычертить кривую, а затем, определив удельный вес короны, найти по кривой, сколько в ней золота и сколько серебра.

Через 700 лет

Золото есть тело совершенное, составленное из чистой блестящей, постоянной, окрашенной в красный цвет ртути и из чистого, постоянного, окрашенного в красный цвет сульфура (серы)», — так писал о природе этого металла живший 700 лет назад алхимик Роджер Бэкон.

Оценка золота только как денежной ценности, жажда обрращения вызывала к нему в средние века особенно большой интерес. Алхимики много потрудились, чтобы научиться получать драгоценный металл искусственно. И хотя постановкой опытов, сбором фактов и наблю-

дений они принесли большую пользу дальнейшему развитию химии, однако неверные исходные данные о природе вещества, ограниченность знаний не дали и не могли дать им желаемого результата.

**Золото, которое
будет поймано**

Среднее содержание золота в земле, — писал академик Ферсман, — примерно пять стомиллионных процента». Это не так мало. Но беда в том, что в основной своей массе оно чрезвычайно рассеяно, расплыено и в ряде случаев остается пока неуловимым. Оно обнаружено в ткани, в крови животных, в золе различных растений, в воде многих рек и морей.

В воде мирового океана концентрация золота исчисляется 4—10 миллиграммов на тонну воды, то есть запас золота, в переводе на массу воды океанов, составит 10 миллиардов тонн металла. Солидная цифра! Особенно ярко выглядит она, если учесть, что вся мировая добыча золота со времени открытия Колумбом Америки — с 1493 по 1929 год — определится в 625 400 тонн.

Однако, сколько было попыток найти способ выделить золото из морской воды, начать «эксплуатацию» океанов! И все напрасно!

Но вот в 1958 году в одной из газет появилась статья «Чудесные порошки». В ней шла речь о создании ионообменных смол. «Ученые подсчитали, что даже из морской воды, в которой золота растворено очень мало, пропустив через фильтр с насадкой из ионообменных смол миллион кубометров ее, можно получить четыре килограмма золота!»

Ю. РЯБОВ

ИМЕНАМИ УРАЛЬЦЕВ

Недавно в газетах сообщалось, что одной из новых улиц Москвы присвоено имя уральского писателя Павла Петровича Бажова. А на днях пришло известие из Ленинграда: на Выборгской стороне, около деревни Гражданки, появилась улица, которая тоже названа именем нашего земляка, известного русского геолога и общественного деятеля, первого президента Академии наук СССР Александра Петровича Карпинского.

ВАСИЛИЙ Туркин

Очерк

Ив. ЮХНОВ

Рисунки Ю. Григорьева

Огромный трактор «С-100» громыкает по схваченной морозцем дороге. В кабине коренастый человек в синем комбинезоне. Видавшая виды кепка сдвинута на затылок, густые черные брови сошлись у переносья.

Это Василий Туркин. Он только что вернулся из Москвы, с XXII съезда КПСС. Вчера в Кудымкаре Василию предложили легковую машину до Тукачево.

— В мастерской стоит наш трактор. На нем в леспромхоз и поеду, — сказал Василий. — Не гнать же сюда тракториста.

Мимо проплывают убранные поля, стога сена, перелески, расцвеченные гроздьями рябины. Родные места...

...В тридцатых годах по соседству с коми-пермяцкой деревушкой Виль-Батино начали строить лесную базу. Сюда и переехала семья Туркиных. Отец плотничал, а тринадцатилетний Вася возил бревна.

С утра до темной ночи колесил по лесным дорогам мужичок с ноготок, помогая отцу.

Но вот на базе появились невиданные машины — трактора. Натужно рыча, они тянули огромные сани, доверху наполненные лесом. Как-то один из трактористов пригласил:

— Айда, пацан, ко мне. Прокачу.

Василий мигом очутился в кабине. Тракторист разрешил ему даже подержаться за рычаги.

С того дня стальной конь завладел думами паренька. «Вот бы мне такого!» — все чаще размышлял он вслух. Отец, желавший передать сыну свое мастерство, отговаривал:

— Берись-ка лучше за топор. Не с твоей грамотой в механики.

Однако Василий написал заявление и отправился к директору.

— Что ж, поезжай, поучись, — ответил тот. — Парень ты шустрый.

Через полгода Василий успешно окончил курсы и стал работать помощником у опытного тракториста Савельева.

Пришла зима, а с нею горячая работа. Лес вывозили поездами по ледяным дорогам. Туркин оказался на редкость надежным помощником, а когда тракторист неожиданно занемог, стал работать самостоятельно. Так продолжалось больше месяца. И самое примечательное — он превзошел своего учителя.

Вернувшись, Савельев сказал начальнику лесопункта:

— Хватит такого парня в подручных держать. Зачисляйте его трактористом.

С азартом взялся Василий за дело. Слава о молодом мастере росла с каждым днем.

Когда началась война, Василий надел солдатскую шинель и стал артиллеристом. Не раз фашисты испытывали на себе его меткий огонь. В сорок третьем в одном из жарких боев Василий был тяжело ранен. В госпитале ему ампутировали правую ногу.

Лежа на койке, Туркин сокрушенно вздыхал:

— Выходит, отвоевался и отработался я. Был стахановец-тракторист, да весь вышел...

Вернувшись домой, Василий с месяц учился ходить на протезе. Падал, набивал синяки, однако не сдавался. А когда почувствовал, что твердо стоит на ногах, отправился в леспромхоз.

— Похоже, кое-кто на Туркине крест поставил, а? — сказал он директору.

— Что ты, Василий Михайлович, — смутился тот. — Мы всегда тебе рады.

— А если так, зачислите на работу.

— Сделай милость. Принимай столовую хоть сейчас.

Туркин нахмурился.

— Это почему же столовую?

— Ну, сам понимаешь, там тебе будет сподручней, — смущенно ответил директор и покосился на протез.

— Всю жизнь мечтал о столовой, — горько усмехнулся Василий и тут же решительно заявил: — Вот что, направляйте слесарем в мастерскую.

— Смотри, справишься ли? Подумай хо-рошенько.

— Подумал. Времени на это хватало.

Вскоре Туркина перевели на должность сменного механика. Дни и ночи проводил он за ремонтом тракторов и автомашин, но в глубине души испытывал какое-то чувство неудовлетворенности.

Однажды ночью, когда гараж опустел, Василий завел машину, с трудом взобрался на сиденье и включил скорость. Трактор дрогнул, рванулся и начал послушно выделывать замысловатые петли на тесной площадке. «Значит, могу, могу, черт возьми! — радостно шептал Василий. — погоди, дай срок...»

Через несколько дней подвернулся случай: одна из трактористок не выехала в лес. Между тем на верхнем складе давно ждал готовый состав.

— Разрешите, — обратился к начальнику лесопункта Туркин. — Я приведу.

Тот опешил.

— Ты шутишь?

— Какие тут шутки!

— Постой, ничего не понимаю...

— А что понимать, Петр Иванович?

Я уже тренировался. Трактор-то мой, каждый винтик знаком.

— Смотри, Вася, как бы беды не случилось...

— Не беспокойся. Будет полный порядок.

Туркин затанул потуже ремень, нахлобучил шапку-ушанку и пошел к трактору. Увлечшись осмотром машины, не заметил, как появились две девушки.

— К тебе на помощь, Василий Михайлович. Велено сопровождать.

— Добро.

И вот машина уверенно идет по укатанной трассе. Она послушна на подъемах и спусках, но повороты делает вяло и неохотно: Василию плохо подчиняется правая педаль.

Наконец трактор остановился у состава. В кабину заглянул грузчик.

— Вася, ты ли?

— Как видишь, — стараясь быть равнодушным, ответил тракторист.

Мгновенно собралась целая толпа. Послышались возгласы:

— С удачей, Вася!

— Вот тебе и инвалид!

Василий спустился на землю и медленно пошел вдоль вытянувшихся саней. Надо все тщательно проверить, исправить, если что не так.

Девушки уговаривают:

— Не тревожьтесь, Василий Михайлович. Мы досмотрим.

— Нет уж, девчата, оно спокойнее, когда сам.

Туркин заметил, что на одних санях дровина нагружена на бок. Подозвал грузчиков.

— Что это, ребята? Так не годится. Исправьте.

Раньше на осмотр у Туркина уходили минуты, теперь провозился чуть ли не час.

— Что ж, по коням, — шутливо говорит он спутницам, а сам прикидывает, как удобнее влезть на трактор. Стал одной ногой на щит, хотел ухватиться за скобу, но рука сорвалась. Благо, девушки оказались рядом, а то пришлось бы кубарем лететь в снег.

Лязгая гусеницами, трактор тянет тяжелый состав. В лицо дует обжигающий ветер.

но Василий не замечает его. Он сосредоточенно смотрит на дорогу, прислушивается к машине. Помощницы предупреждают об опасности. «Бойся!» — кричит то одна, то другая.

Начался крутой спуск. Тут, того и гляди, состав вылетит из колеи и врежется в снег. Тяжелые сани напирают на трактор. Туркин крепко держит ноги на педалях, подавшись всем телом вперед.

До нижнего склада остается полтора километра. Дальше — дорога ровная.

Поезд остановился у места разгрузки, и Василий сразу же оказался в объятиях товарищей.

— Вот как надо работать! Все вагончики целые!

— А мы, Вася, за тебя переживали, — признался потом диспетчер.

Так Туркин вернулся к любимой работе. Целые дни проводил он на трассе. Сначала, как все, брал по три-четыре вагона. Случалось, часами буксовал на подъемах, ломал сани, рассыпал лес. Однако со временем приходила сноровка. И все чаще в голову закрадывалась мысль: «Вот мы таскаем по четыре вагона. А если попробовать больше?»

Однажды на собрании зашел разговор об увеличении вывозки леса.

— Хорошо в теплом кабинете философию разводить. А на морозе, небось, язык присохнет, — послышался голос тракториста Соловьева.

Директор посмотрел на Туркина.

— А ты как думаешь, Василий Михайлович?

— Считаю, производительность можно повысить в полтора-два раза.

— Фью-ю! — присвистнул Соловьев. — Ты лучше покажи, а мы поглядим.

— Что ж, и покажу.

На другой день Туркин раньше всех появился в гараже.

— Ну, друг, не подведи, — говорил он, осматривая трактор. — Сегодня будем держать серьезный экзамен.

Пришла помощница Лида — рослая девушка в стеганке и ватных брюках. Залила в радиатор горячей воды, завела мотор и ловко устроилась на сиденье рядом с Василием.

...На верхнем складе уже стояли четыре вагона.

— Грузите еще шесть, — потребовал Туркин.

— Зачем?

— Возьму сразу десять.

Грузчики молча переглянулись и принялись за работу.

Состав растянулся почти на сто метров. Василий то и дело оглядывался назад. На ледяной колее трактор гудел ровно, но когда начинался снег или подъем, дрожал и натужно ревел.

Быстро темнело. Василий непрерывно работал рычагами. Лоб взмок от напряжения. Уже остались позади четыре спуска и столько же подъемов. Впереди — еще одна крутизна, самая опасная. Перед нею Туркин затормозил и крикнул:

— Лида-а, разъединяй!

Один за другим он втаскивал вагоны на гору. Там снова их сцепили и двинулись дальше.

На нижнем складе было безлюдно. Василий сообщил диспетчеру, что привел десять

вагонов. Тот молча схватил полушубок и бросился на эстакаду, а вернувшись, начал звонить начальнику лесопункта:

— Петр Иванович, небывалое дело! Десять вагонов! Своим глазам не поверил...

Вскоре пришел начальник.

— Крепко, Вася, сработал, молодец! — обрадованно потирал он руки. — Посмотрим, что теперь малюверы скажут...

Удача придала Туркину сил. Нередко по ночам не давала спать распухшая культа, но он появлялся в гараже точно в одно и то же время, разогревал трактор и отправлялся в рейс.

Как-то Василий сказал своей помощнице:

— Кулешов заходил. Просит поехать завтра на Неньский участок.

— А кто еще едет?

— Пока никто. Дороги там, сама знаешь, — рытвины да ухабы. Боятся люди.

— А нам рисковать? Они не могут, а мы должны?... — вспылила девушка, но, увидев укоризненный взгляд Василия, осеклась.

Ранним утром трактор бежал по дороге, преодолевая многочисленные подъемы. Туркин сидел за рулем и, хмуря брови, ворчал:

— Ну и дорожка!

Лида молчала.

На верхнем складе скопились десятки груженных саней.

— Лесу-то, лесу сколько! — восклицал Василий.

Промяли дорогу и стали выводить вагоны на трассу. Для начала решили взять состав из семи саней.

Трактор заурчал, рванулся, но не сдвинулся с места. Пришлось отцепить два вагона. Шли медленно, осторожно. Неожиданно на повороте раздался треск. У одного из вагонов обломилась стойка, и бревна с грохотом покатались на дорогу. Это произошло так быстро, что Василий не успел даже затормозить. Лида прыгнула в снег, помогла Василию выбраться из кабины.

Подогнали трактор и начали тросом оттащить бревна в сторону.

Через час двинулись снова. Хотя в составе осталось четыре вагона, на спусках они давили на трактор многотонной тяжестью. А впереди показался особенно крутой уклон. Василий остановил трактор, распорядился:

— Отцепляй, Лида.

— Что ты задумал, Василий Михайлович?

— А вот увидишь.

Подвели первые два вагона, сзади прицепили трактор и начали спускаться. Тяжелые сани, набирая скорость, понеслись вниз, увлекая за собой стальную громаду. Лиде казалось, еще миг — и они перевернутся вместе с трактором. Но Туркин спокойно управлял машиной.

Таким же образом спустили и другие вагоны. Остаток пути проехали благополучно.

В конторе Василий смущенно сказал начальнику лесопункта Кулешову:

— Только четыре вагона сумели вытащить, Петр Иванович.

— Что ж, это неплохо — норма с хвостиком, — ответил тот.

— Ну, знаешь, отвык я от такой нормы. А все дорога. Сам черт ногу ломает.

— Да, дорога нинудышная, — вздохнул Кулешов.

— Исправлять надо.

— Как? Где взять рабочих?

Василий задумался.

— Тогда вот что: давай цистерну на санях. Поливать буду сам.

— А ведь дело говоришь! — обрадовался Кулешов.

Так неугомонный тракторист также стал зачинателем еще одного большого доброго дела.

Однажды, готовя трактор к выходу, Василий загадочно посмотрел на помощницу.

— Рискнем, Лида, а?

— Уж договаривай, Василий Михайлович...

— Два рейса вытянем, как ты считаешь?

— Конечно, Василий Михайлович, уж если ты что задумал, тебя не отговоришь. Я-то знаю.

Теперь старенький трактор Туркина снова вал как угорелый. На складах выгружалось по 150 кубометров — три дневных нормы.

Итоги работы за квартал были радостны. Василию вручили премию — шевиотовый костюм, а Лиде — отрез на платье.

Пример Туркина расшевелил людей. Сначала его дружки — демобилизовавшиеся из армии высокий сухопарый Федор Савельев и коренастый, шумливый Андрей Дерябин — повели большегрузные поезда, а за ними потянулись и другие.

Днем и ночью на ледяных дорогах не стихал гул тракторов. Теперь каждый старался взять вагон побольше. Но первое место оставалось за Василием. Двести, а то и двести пятьдесят кубометров леса вывозил он за смену. Казалось, нет у него достойных соперников. Однако в соседнем леспромпхозе оказался такой — тракторист Иван Репин. Он даже через газету вызвал Туркина на соревнование и обязался за зиму вывезти 10 тысяч кубометров.

Туркин принял вызов.

Морозы стояли лютые, а Туркину было жарко. Работал он как одержимый. Случалось, по двое суток не слезал с машины.

Весной подсчитали результаты. Василий вывез за сезон 11 тысяч кубометров. Столько же вывез и Репин. Оба тракториста оказались достойными «противниками».

В 1957 году Василию Михайловичу Туркину было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а через год трудящиеся Коми-Пермяцкого национального округа избрали его депутатом Верховного Совета СССР. Забот прибавилось. Надо успевать везде — разбираться в просьбах и жалобах трудящихся, учиться, не отставать на производстве.

На высокую вышку поднялся тракторист Туркин, но остался по-прежнему скромным и трудолюбивым. Он всегда там, где труднее, где нужны его опыт и мастерство. Начали прокладывать в тайге новую лесовозную трассу — и Василий Михайлович пересаживается с трактора на бульдозер; застопорило на трелевке — он спешит туда.

У Василия Михайловича большая, дружная семья. Он растит себе хорошую смену.

Сторож погоды

Отец и дед Ипполита Ослякова в давние времена были старателями: с небольшой артелью рыли в окрестностях Березовского шахтенки. Там, в глубине, со свечкой нагребали золотоносный песок и отправляли наверх. Когда вечером их поднимали обратно в той же бадье — плетеном кузовке, шурились они на закатное солнышко и радовались: вот она, благодать земная! Городок Березовский, что стоит совсем рядом со Свердловском, и сейчас почти весь шахтерский. Таят еще кое-что в себе его недра. Петляют капризные золотоносные жилки, пока не ухватят их горняки.

Ипполит начал подрабатывать еще в войну, с тринадцати лет. Сначала наверху. Потом спустились в шахту. И как поставили ему в паспорт первый штамп о приеме на работу, так больше никаких других там и не было.

Вокруг копра шахты № 5, где он сейчас работает, густо проросли молодые березки. Когда идешь сквозь них, даже в пасмурный день кажется, что прячется здесь белое чистое солнце. А стоит Березовский среди темных и строгих сосновых боров.

У клетки перед спуском Ипполит встретился с забойщиком Шампоровым. Человек он пожилой, семейный и хозяйственный. Но вокруг него почему-то всегда звучит смех. Вот и сейчас, только успел подъемник выползти из-под земли, а он уже перекинулся шутками с новой сменой. Ипполита по пути задел:

— Смотри, планировочку нам сделай и пол постели. Чтоб все по-хозяйски.

— Петр Савельевич, будешь придирается — с сенокосом прогадаешь.

Кабина ухнула вниз, но Ипполит еще заметил, как захохотали оставшиеся. В прошлом году Шампоров специально брал отпуск, чтобы накосить сена для коровы. И сокрушался: правильно ли выбрал время, будет ли погода. Кто-то подсказал ему:

— У нас же свой метеоролог есть. Ипполит Осляков.

Встретились они вскоре в ламповой. Ипполит посоветовал:

— Три дня обожди, а потом в самый раз будет.

Шутки шутками, а к нему ведь и правда стали все чаще обращаться люди. Одному в отпуск идти, другой прогнозом погоды для рыбалки интересуются, третьего сад беспокоит. Даже про-

куратуре он понадобился: в показаниях фигурировал зонтик, и потребовалось установить, была ли в нем необходимость в то время. Осляков представил точное, в часах и минутах, расписание, когда в Березовском шел дождь.

А началось все, как вспомнишь, с пустяка. В 1947 году попал ему в руки старый школьный учебник. Там объяснялось, как наблюдать погоду. Вырвал эти два листочка, купил термометр и стал вести записи. Без перерыва. Из года в год. Смотрел на него отец, смотрел и говорит:

— В Свердловске, на Плешивой горе — не знаю, как она сейчас называется, — метеостанция есть. Сходил бы ты туда, что ли.

Но так ли просто все началось? А может, сказала врожденная шахтерская тоска по зеленой поверхности, ее ветрам, дождям и теплу?

В шахте дышится хорошо. Вентиляторы гонят свежий воздух. Зимой тепло. Летом прохладно. Вот только ветров в шахте нет. Разнообразных земных ветров. С помощью которых идет вечное кругообращение там, наверху: то пойдет дождь, то снег, то жаром дышит земля. Как понять разгадку всего этого?

Шахтер работает под землей. Что ему земная погода? Но когда поднимется наверх, по особому почувствует на лице нежность теплого летнего дождика. Каждым мускулом отзовется на крепость январского морозца. Содрогнется от июльской грозовой бури. Шахтер под землей тоскует по земной атмосфере...

* *

С трепетом подходил Ипполит к Управлению гидрометслужбы. Увидел за забором знакомые уже по книжкам флюгерки, осмелел. И столкнула же его судьба с инженером-синоптиком Леонидом Александровичем Федоровым! Ипполит уверен сейчас, что именно благодаря этому случаю метеорология стала серьезным делом всей его жизни.

Два человека, захваченные одной страстью, поняли друг друга. Проговорили тогда часа два. Ипполит показал взятые с собой тетрадки с записями. Федоров рассказал, как вести более сложные наблюдения. И тут же дал особый термометр. Ехал тогда Ипполит домой и осторожно прижимал его к себе: термометр для настоящего исследования, на нем градусы делятся на десятки!

Вскоре были у него и флюгер, и психометрическая будка. Правда, все списанное, но он их подремонтничал и стал работать.

Появилась цель: материалы его наблюдений стали печататься в специальных изданиях. И он увлекся по-настоящему. Записывать показания нужно четыре раза в сутки. В семь утра и в час дня. В семь вечера и в час ночи. Кроме того, постоянно наблюдал каждое явление в природе. Дождик закапал, буря пронеслась, лужное солнце на небе показалось, затмение луны случилось — все опишет.

Забыт драмкружок. Забыто рисование. Только книги еще собираются с прежней страстью. И, когда едет в Свердловск в Управление гидрометслужбы с отчетом, обязательно забежит в книжный магазин.

И то, что жизнь во многом была подчинена одному, нисколько не стало жертвой. Просто когда чувствуешь, что дело твое не только те-

бе интересно, но нужно людям, то отдаешь ему всего себя.

Шел ли в гости — уже рассчитывал, успеет или нет к сроку. Поднимался из шахты и первым делом спрашивал у дежурной, если шел дождь или снег:

— Когда это началось?

И она не удивлялась, а старалась поточнее припомнить. Знала, что ему надо.

Даже Юлю, жену, привлек. Как же иначе, ведь его данные учитываются в составлении прогнозов погоды наравне с другими станциями, где сидят профессиональные работники. Значит, они должны быть точными, и ни одного срока наблюдений пропускать нельзя.

А семья росла. Появились дети, и тесно было в старом домике отца. При горняцком стаже Ипполита и его заслугах на шахте квартиру в новых, благоустроенных домах дали бы в первую очередь. А он задумался: как почувствует себя станция среди высоких каменных стен? И решил строить домик на окраине города. Зато сейчас всем ветрам открыт его флюгер.

Огородик в несколько грядок почти весь занят. Прямо на земле лежат термометры, показывают температуру почвы. Торчат из земли в разных местах три снегомерные рейки. В самом центре врыт мерзлотомер. Рядом — маленький флюгер, а подальше — высоченный. В одном углу — дождемер, а в другом — осадкомер. Осляков уже два года принимает участие в разработке научно-исследовательской темы по изучению погрешностей осадкомерных приборов в зависимости от скорости ветра.

Три ступеньки ведут к метеорологической будке. Это уже новая. А в той, прежней, совсем развалившейся, живет теперь собачонка. Ведь пятнадцать лет прошло со времени первых наблюдений!

Награждали за это время его именными часами. На пиджаке, рядом со значком «Почетный горняк», — ромбик «Отличник гидрометслужбы СССР». А ему, может быть, всего дороже строки в информационном выпуске Управления гидрометслужбы: «Инструментальные метеорологические наблюдения, накопленные Осляковым, уже позволяют сделать предварительные выводы о климате города Березовского».

Да, прошли пятнадцать лет бессменной добровольной службы. В которой нет даже отпусков. Ипполит и не знает, что такое дом отдыха.

Правда, несколько лет назад пытался Москву посмотреть. В семье сейчас вспоминают об этом с улыбкой. Подготовился к поездке капитально. Договорился с соседкой девочкой-школьницей, что она будет у них ночевать и вместе с Юлей ходить записывать данные. В Москве его, как шахтера, больше всего заинтересовало, конечно, комфортабельное подземелье — метро. Садился на поезд, ехал до первой станции и выходил в город. Осматривал все, снова спускался на ту же станцию и ехал до следующей. Пока впереди оставались станции, на душе было спокойно. Потом он целый день ходил по городу. И целый день лил дождик. Московский дождик. А он думал: «Какая же у нас там погода?»

И немного обижался: «Живешь в Березов-

ском — каждый день знаешь, какая погода в Москве. А вот в Москве о Березовском ни за что не узнаешь».

И еще вдруг пришла мысль: «А ведь надо-ест им, пожалуй, целый месяц дежурить!»

Собрался и возвратился домой до срока. Хотя знал, что напрасно беспокоится, Юля не подведет.

* * *

Ипполит еще постоял на крыльце, подышал острым весенним воздухом. В доме было тихо. Сашок с Натальей давно спали. Он вернулся с третьей смены и с фонариком обошел свои приборы.

Утром ему, как обычно, нужно было везти телеграмму на почту: с 1962 года стал участвовать в составлении сводок погоды для сельского хозяйства. И вот с апреля по октябрь отправляет в агрометслужбу ежедневную телеграмму. До почты километра три. Выручает велосипед. Заполненный еще дома бланк подал не через окошечко, а как свой прошел через служебную дверь к телеграфисткам.

Они непрочь были опять пожаловаться, что обещанной по радио погоды не оказалось. Торопливо объяснил:

— Ничего удивительного. Сообщают для Свердловска, а у нас — свой микроклимат.

Отправив телеграмму, Ипполит заторопился домой. Нужно пойти в лес, замерить, что весна с остатками снега успела сделать. Замечал, что прохожие оглядываются на него с усмешкой: на дорогах грязь, солнышко печет, а человеку еще на лыжах прогуляться захотелось. Но он знал, что хотя и пронесет их на себе до самого леса, зато там с их помощью быстрее управится.

Наконец ступил на мокрый, совсем не пригодный для катания снег. Надо в разных местах сделать ни много ни мало пятьдесят замеров глубины снега. Да еще пять проб плотномером.

Через каждые десять шагов останавливался, смотрел на деления рейки, записывал. Знал, что без такой, немного механической, но очень систематической работы не понять многое в природе. И он уважает методичность метеорологии.

Когда шел из леса, у автобусной остановки встретил забойщика Анатолия Журавлева. Тот ехал на работу во вторую смену. У Ипполита из мешка за спиной, как ружье, торчала снегомерная рейка. Анатолий показал на нее:

— Ну, что сегодня убил?

Ипполит похлопал по сапогам.

— Ноги.

— И время? — посочувствовал Анатолий.

— Нет! — Ипполит расплылся вдруг в такой улыбке, что Журавлев безудержно заулыбался. И постояли так минуту, не зная, что сказать друг другу.

Ипполит в глубине души чувствовал: друзья понимают, что это его увлечение помогает ему быть все время жизнерадостным, как бы окрыленным. И при таких вот встречах жизнь им тоже начинает казаться гораздо интереснее.

Т. НЕВОЛИНА

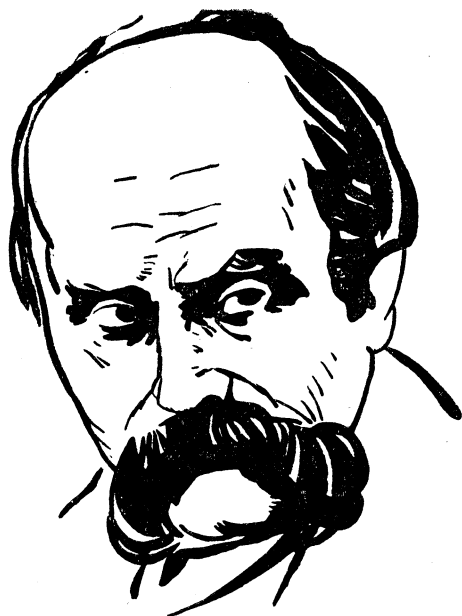

ГДЕ ТО НА УРАЛЕ

Леонид БОЛЬШАКОВ

Рисунки Ю. Григорьева

*Е. С. Шабловскому, человеку
высокого мужества и щедрого
сердца, посвящаю.*

Рассказ о литературном поиске

«Двое путников в разное время вышли из противоположных пунктов, наметив для себя различные направления. Когда и где, спрашивается, могли они встретиться, если...»

Впрочем, цифровые, да и всякие прочие условия в этой задаче ни к чему.

Не для того, чтобы измерять расстояния и подсчитывать время, отправлялся я из пункта Н., иначе говоря — из Оренбурга.

Не для этого выходил из своего Копейска, что под Челябинском, незнакомый мне архитектор Семенов.

Нас обоих увлек литературный поиск.

Нас позвала в путь одна и та же загадка.

Беды и загадки Орского архива

Уже не первый год изучаю я жизнь Тараса Шевченко в оренбургской его ссылке, иду по следам великого поэта и борца.

Подняты и пересмотрены сотни архивных дел — тысячи, даже десятки тысяч листов.

На заметку взяты мельчайшие факты — до имен детей оренбургского приятеля или фамилий купцов, которые торговали в Орской крепости.

Увы, «орский фонд» в богатейшем архиве Оренбургской области до обидного скуден! Именно в этом, кстати, и кроются причины недомолвок, недоразумений, пробелов в биографии Шевченко периода его орской солдатчины.

Сколько о ней, той поре, написано! А начнешь собирать все воедино, начнешь искать недосказанное — и всякий раз сокрушенно вздыхаешь: архив бы... архив...

Речь идет об архиве орского коменданта, орского уездного воинского начальника. Его ныне не существует. А ведь был. И богатейший! Сколько почерпнули бы мы из него и о ссыльных поляках, и о петрашевцах, здесь томившихся, и, конечно, о самом Шевченко...

Где же тот архив? Куда подевался?

...Накануне первой мировой войны — в мае 1914 года — в Петербурге проходил первый все-российский съезд губернских ученых архивных комиссий. Участвовал в нем и представитель оренбургских любителей старины А. В. Попов. Ему было о чем рассказать. Комиссия в Оренбурге действовала с 1887 года и успела сделать многое: в какой-то мере упорядочить архив канцелярии генерал-губернатора, собрать ценные документы и экспонаты, выпустить более тридцати сборников с протоколами заседаний, отчетами, а главное — исследованиями по истории, археологии и этнографии края.

Но была та комиссия бедной и даже нищей. Ни денежных ассигнований, ни штатных работников, ни помещений для хранения накопленного, ни сколько-нибудь узаконенных прав. И очень часто «действительным членам» и «членам-соревнователям» не оставалось ничего иного, как бессильно разводиться руками.

Горькие ноты прозвучали и в выступлении Попова на съезде в Петербурге.

— Особенно грустно,— рассказывал он,— была для нас гибель комендантского архива Орской крепости — более 200 пудов дел продано на наших глазах, потому что мы не имели никакого способа воздействовать на военное начальство. Между тем в этом архиве заключались дела о военной экспедиции, о выступлении Аральской флотилии, которая играла столь большую роль, помогая с воды, с Аральского моря, и с Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, нашим войскам; здесь были дела сосланных разных национальностей, между прочим, бумаги о французских пленниках, дела о поэте Шевченко и многие другие,— и все это погибло на наших глазах.

Двести пудов ценнейших дел продаются как ненужный хлам.. И это несмотря на то, что «непременным попечителем» архивной комиссии является губернатор, а «высочайшим покровителем» — представитель царской семьи!

А может, попечители да покровители и не желали иной участи архиву, который содержал в себе тягчайшие обвинения против самодержавия?

Так или иначе, преступление свершилось. Именно преступление. Дикую расправу над орскими документами по-другому и не назовешь.

...Среди двухсот пудов дел погибло, одна-ко, не все.

При загадочных обстоятельствах документы, касающиеся Тараса Шевченко, начали исчезать из Орского архива еще в восьмидесятые годы.

И до сих пор еще иногда повторяют версию о том, что в 1888 году многие бумаги сгорели во время случайного пожара. Однако утверждение это опровергается свидетельством жившего в Орске ссыльного студента Г. П. Даценко. Попап — не по своей воле — туда, где некогда томился его великий земляк, Даценко проявил особый и вполне закономерный интерес к документальным источникам шевченковских лет.

Впоследствии он написал статью «Несколько слов о Тарасе Шевченко», которая появилась во второй книге «Киевской старины» за 1893 год. Статья интересна прежде всего рассказом о встреченных документах.

«С 1886 года по 1889 г.— писал автор,— мне пришлось служить в военной службе в Орске в управлении уездного воинского начальника. При управлении оказался архив, в котором хранятся дела нескольких частей войск, бывших в 40-х и 50-х годах в крепости Орской и других ближайших степных укреплениях. Архив был в большом беспорядке, так что мне в 1888 году пришлось приводить его в порядок. Зная, что Тарас Григорьевич был первоначально на службе в Орске в батальоне № 5, я стал просматривать дела с целью отыскать что-нибудь, имеющее биографическое значение. Хотя меня предупреждали, что все уж, что только было, вынута из дел и отослано будто бы в Петербург по чьему-то требованию, но это меня несколько не остановило. Впрочем, действительно, я стал замечать, что некоторые бумаги, и по-видимому относящиеся к жизни поэта, вынуты из дел. Но мне все-таки попалось несколько бумаг, о которых я и намерен сообщить...»

Сообщение об этих «нескольких бумагах» носит весьма беглый характер. Неопытному исследователю документы «показались известны-

ми», и он даже не стал их переписывать. С одного листа снял копию, остальные же просто попытался «запомнить».

По словам Даценко, в архиве был рапорт батальонного командира о том, что прибывший в Орскую крепость Шевченко заявил претензию о невозвращении ему изъятого при аресте на Украине портфеля с бумагами и рисунками. Был, свидетельствовал он, ответ киевского губернатора о том, что портфель и вещи поэта отосланы в III Отделение. Нашелся, вспоминал автор заметок, «лист, на котором Тарас Григорьевич был приведен к присяге». Запомнилось добровольному архивисту — и оказалось взятым на заметку — распоряжение командира Отдельного корпуса от 27 апреля 1850 года о том, что перевод Шевченко в Новопетровское укрепление «оставляется» и он переводится из 4-го в 5-й линейный батальон, то есть снова в ту же Орскую, которую без того успел не только узнать, но и возненавидеть. Попадались на глаза Даценко «списки нижним чинам, отданным в военную службу за политические преступления».

Но... обнаруженное оставило его в разочаровании. Рассчитывал он, вероятно, на большее. «Других важных документальных сведений о пребывании Шевченко в войсках не попадалось мне, несмотря на то, что я чуть ли не по листам пересмотрел многие дела», — писал Даценко в конце статьи и снова с досадой подчеркивал, что ценные бумаги «вынуты раньше по чьему-то требованию из С.-Петербурга».

Мысль об утраченных документах заслоняет все. Только о них он и думает, только они и занимают. В сравнении с теми, неизвестными, теряют чуть ли не всякое значение бумаги сохранившиеся. Ему даже не приходит на ум, что найденное нужно сберечь, что о находках надо позаботиться, незамедлительно следует снять копии. Мало ли что может случиться, когда архив в беспорядке...

И ведь случилось! Случилось самое худшее — дела, которые Даценко держал в руках, исчезли, пропали!..

Туманный намек и... сомнительный вывод

Известный провинциальный журналист А. Матов, статьи которого в свое время привлекали внимание Горького и Короленко, оказался в Орске уже после Даценко. В 1895—1896 годах он на протяжении многих месяцев специально разыскивал материалы и свидетельства о пребывании здесь Тараса Шевченко. Статья его предшественника к тому времени была напечатана, журналист о ней знал, для него она в определенной степени являлась компасом. Однако... компас этот привел к пустому месту.

«Масса дел (о Шевченко — все) выкрадены...» — писал Матов в одном из январских номеров 1897 года в газете «Камско-Волжский край». — Кто похитил эти драгоценные дела — один бог то ведает. Правда, носят среди обывателей какие-то слухи, но трудно придавать им вероятие, так как похитителем называют одну интеллигентную личность, успешную будто бы; документы эти выгодно эксплуатировать...»

Значит, во-первых, Матов документов не нашел. Значит, во-вторых, он пытался что-то об их судьбе узнать. Но дальше смутных подозрений журналист ничего не высказал. Намек на «интеллигентную личность» слишком туманен... Не туманным оказался этот намек лишь для Л. Хинкулова — автора книги «Тарас Шевченко и его современники» (Киев, 1962 г.). По всем (?) данным (?), — писал он, пытаюсь проследить судьбу орских документов, — автор этого сообщения (т. е. Даценко) намекал на библиографа П. Л. Юдина».

Юдина? Из чего это следует? Чем современный исследователь мотивирует свой вывод?

Прочтем до конца: «...намекал на библиографа П. Л. Юдина, который на цитированную статью А. И. Матова откликнулся очень резкой по своему тону, раздражительной статьей, ссылаясь тут же на некоторые документы о Шевченко, ныне нам в оригиналах неизвестные».

Итак, Юдин рылся в Орском архиве, обнаружил документы, утаил и использовал их, а когда его обвинили, выказал публичное раздражение, в пылу которого еще более себя выдал.

Сколько это место из книги Л. Хинкулова ни читай, понять можно только так.

Но где факты? Где доказательства? А когда речь идет о преступлении, расследование необходимо.

Первый довод обвинителя (Хинкулова) — юдинская статья в «Русском архиве», в третьей его книге за 1898 год.

Вот она, передо мною...

Да, Матовым Юдин и впрямь недоволен, его выступлением действительно раздражен.

«Живя около года в Орске, г. Матов разобрал (по его словам) весь архив Орского уездного воинского начальника; но как и следовало ожидать, ничего не нашел там; ибо известно уже, что все дела о Шевченко сосредоточивались в штабах 23-й пехотной дивизии и корпуса, о чем г. Матов, конечно, не знал...»

«Никому не представлялось никакой выгоды экслуатировать дело о Шевченко именно Орского архива, когда гораздо интереснее дела о нем, хранившиеся в Оренбургском корпусном и центральном архивах, частью уже опубликованные...»

Подобных выдержек из статьи П. Л. Юдина можно привести гораздо больше.

Юдин обвиняет Матова и в том, что он «не потрудился прочитать что-либо ранее напечатанное о поэте», и в не знакомстве «с порядками письменных дел военных управлений», и в доверчивости к «сомнительным свидетельствам».

В общем, он возмущен искренне.

Означает ли это, что резкость и раздражение в адрес Матова вызваны завуалированным обвинением его, Юдина, в делах недостойных?

Ох, кажется воображения тут поболее, чем логики!

Я склонен рассуждать иначе, чем Л. Хинкулов.

Павел Львович Юдин, сотрудник «Русской старины» и ряда других изданий, не библиограф, но книголюб и человек деятельный, затратил много сил и времени для отыскания в Оренбургской губернии материалов о Шевченко. Он немало потрудился в архивах Оренбурга и извлек ряд интересных документов. Эти документы были им прочитаны и истолкованы в единственно верном, по его мнению, плане. И вот

оказывается, что новоявленный Матов отказывает ему, знатоку, в признании полноты проведенных им разысканий, смеет подчеркивать, что какие-то важнейшие архивные дела от него ускользнули! И он пытается зачеркнуть доводы Матова, беря под сомнение все — и его компетентность, и его серьезность, и даже использованную «новым биографом» статью Даценко. Такой подход чести не делает, но... случается даже в наше время. Всякий раз в таких случаях вместо доказательств приходит резкость.

Я перечитываю юдинскую статью и все более утверждаюсь в мысли: Юдин незнакомился с Орским архивом. Во всяком случае — до или вскоре после Даценко. В противном случае он не ставил бы вопросительные знаки, говоря, например, о «присяжном листе», о котором (ссылаясь на статью в «Киевской старине») не преминул написать и Матов. «Что касается присяжного листа, — доказывал мнимую несостоятельность этого документа Юдин, — то, во-первых, весьма сомнительно, чтобы политический ссыльный приводился к присяге; а, во-вторых, если бы таковой лист существовал, то, согласно воинских законоположений, его обязательно должны были переслать к корпусному командиру для представления шефу жандармов».

Но если бы такого листа не существовало, Даценко о нем и не упомянул. Юдин не стал над этим даже задумываться. «Не было!» — и дело с концом.

Л. Хинкулов достаточно категорически заявляет, что в своей статье Юдин ссылается на некоторые, затем исчезнувшие, документы о Шевченко. Вот она, та самая «выгодная эксплуатация»! Вот он, обвинительный довод № 1! Попользовался и припрятал, возможно продал, а может, и уничтожил!..

Однако этот довод оказывается более всего несостоятельным. Документы Юдиным приводятся на самом деле, и касаются они преимущественно пребывания поэта в Орской крепости. Но все эти документы — оренбургского происхождения. Не вызывает сомнения, что взяты они из дивизионного, корпусного штабов. «Исчезнуть» из Орска ни один из них не мог, так как там и не находился. Уместно напомнить, что оригиналы, по крайней мере некоторые, благополучно сохранились до наших дней и находятся там, где им и быть надлежит.

Нет, «интеллигентная личность», о которой слыхивал Матов, это не Юдин. Обвинение не подтверждается; налицо, как говорится, «юридический казус». А пропажа была!

Документы, увиденные и прочитанные в 1888 году Даценко, к 1895-му, то есть ко времени приезда в Орск Матова, из архива исчезли.

Бесследно?

...Следы нашлись мно-о-го лет спустя...

Встреча на журнальной странице

И вот я читаю: «Золотоискателями треста «Миассзолото» (Урал) недалеко от Орска обнаружены документы, которые относятся к периоду пребывания Т. Г. Шевченко в Орской крепости. Документы прекрасно сохранились...»

О чем речь? Золотоискатели — и вдруг историко-литературная находка?

«Среди документов имеется оригинал при- сяги, которую с принуждением дал Шевченко по требованию командира корпуса. Сохранилась вся переписка по делу об отказе Шевченко от присяги...»

«Присяжный лист»? Тот, который видел в Орском архиве Даченко и существование которого взял под сомнение Юдин? Тот, что был и исчез? Да, напечатано ясно: «оригинал присяги». Неужели он самый?

«Среди найденных документов имеется та- кой интересный документ, как сопроводительное письмо, направленное из министерства внут- ренних дел при пересылке Шевченко в Орскую крепость. В этом документе говорится: «Содер- жать Шевченко под строжайшим надзором и чтобы от него ни под каким видом не выходило возмутительных и пасквильных сочинений...»

Даченко об этом документе не упоминает. Но мог ли он все запомнить, если полагался только на свою память?

Однако какое имею я право на основании одного, возможно случайного, совпадения отождествлять виденное им с тем, что нашли золо- тонскатели?

И все-таки...

«Большой интерес представляет документ о том, что во время ареста Шевченко его буквально ограбила киевская охранка. У него отобрали альбом, кисти, зарисовки, одежду... Эти вещи так и исчезли в петербургской охране...»

Как тут не вспомнить пересказанный Да- ценко рапорт батальонного командира о шевчен- ковской претензии по поводу изъятия у него при аресте «портфеля и вещей»? Снова совпа- дение? Или...

Надо во что бы то ни стало, надо узнать все обстоятельства этой изумительной находки! Что говорится о ней еще в той же за- метке?

«Все эти найденные под Орском документы попали к руководителю треста «Миассзолото» т. Г. Чухриго и привезены редактором золото- промышленной газеты «Шахтерский натиск» т. Швецовым в Москву...»

С Урала, значит, шевченковские бумаги перевезли в столицу. А дальше?

Дальше их судьба сплелась с именем заме- чательного человека, негибаемого бойца из славной ленинской когорты.

Павел Петрович Постышев... Людям моего поколения он памятен, дорог, как один из тех, с кого мы брали пример, с кого «делали жизнь».

О нем ходили легенды. Как и подобает истинному коммунисту, он всегда был впереди — и в партизанских боях на Дальнем Востоке, и в битвах за уголь в Донбассе. Его не миновали пули, не щадили болезни, но не было силы, которая могла бы заставить Постышева свернуть с пути или хотя бы приостановиться.

А потом он исчез, как исчезали многие в тяжелые годы культа личности.

Заметка, что перед моими глазами, датиро- вана 1935-м. В ней он еще живой. Живой и деятельный.

«...9 июля Павел Петрович Постышев полу- чил от т. Швецова тринадцать (!) документов на двадцати одном (!!) листе, чтобы передать научно-исследовательскому институту имени Т. Г. Шевченко.

Тов. Постышев придает этой находке ис- ключительное значение. На место находки укра-

инское правительство высылает специальных работников для установления полной картины отыскания этих документов и выявления осталь- ных вещей, которые были найдены в шкатулке».

Последние строки заметки составляют корот- кое письмо: «Благодарю товарищей золото- искателей за исключительно ценную историческую находку — документы о великом украинском поэте Т. Г. Шевченко. П. Постышев».

Документы были вручены Постышеву Пав- лу Петровичу...

Заметка невелика, и ничего более в ней не сообщается. Но и без того седьмая книжка журнала «Червоный шлях» («Красный путь») за 1935 год рассказала о многом.

Журнал выходил в Харькове. В Харькове создавался упоминаемый в заметке Шевченков- ский институт. Информация могла быть полу- чена здесь. Стало быть, документы к тому вре- мени уже находились на украинской земле. Да Постышев и не мог не дать им верного адреса...

Официальных сообщений по этому поводу не было. Я буквально обшарил двухтомную библиографию написанного и напечатанного о Тарасе Шевченко, но нашел лишь еще одну за- метку, совсем крохотную. Она обнаружилась в том же журнале, за тот же год, только в книге девятой.

Если в седьмой — июльской — сообщалось, что украинское правительство высылает на ме- сто находки специальных своих представителей, то в девятой — сентябрьской — речь шла об их возвращении. Они побывали в Орске, где нашли

«ряд материалов, которые характеризуют быт николаевской крепости». Кроме того, экспедиция «записала серию легенд, связанных с пребыванием Шевченко».

О документах и обстоятельствах их обнаружения — ни слова. Будто не ради этого экспедицию снаряжали...

Почему к «шевченковскому кладу» так внезапно — и непостижимо странно — охладели?

Почему не стали расследовать загадку его возникновения и открытия?

Этих «почему» можно задать много. Не важнее ли убедиться, что документы в полной сохранности и, как говорится, в «научном обороте»?

Но что-то ни разу не читал я текста приписки, к которой был приведен рядовой Шевченко... Что-то нигде не приходилось встречать ссылок на ту находку тридцать пятого года... Чем это объяснить?

И отправились из Оренбурга первые письма. Письма по всему пути следования документов — от Миасса и Орска до Москвы, до Украины. Не простое любопытство — тревога за судьбу ценнейших бумаг нашептывала мне возможно более убедительные слова запросов в разные адреса.

...Я, конечно, не знал, что такие же письма запросы рассылал в те дни еще один человек — Михаил Семенов.

Архитектор из Копейска

Наше знакомство — и поныне заочное — состоялось гораздо позднее. Но расскажу о нем сразу, не откладывая.

Когда мы списались, я мог сообщить Семёнову о двадцати с лишним годах своей журналистской работы, о написанных книжках, об интересах литературоведческих. Он же... он вместо визитной карточки представил годы. Годы, прожитые трудно и... хорошо.

Судите, впрочем, сами.

Ему сейчас сорок пять. До окончания школы жизнь шла, как и у большинства сверстников. Достаточно ровным и гладким обещал быть путь дальнейший: институт, диплом, любимое дело... Все смешала война. Студент-архитектор («архитекторенок», как говорит он ныне) эвакуироваться с институтом отказался — остался защищать Москву. Потом — военное училище с сокращенным сроком обучения, по Ладозе — в осажденный Ленинград, и снова — в бой. Молодого офицера война провела через половину Европы, до самого Будапешта. Много было дерзких вылазок, операций. Всякий раз возвращался живой и невредимый. Но после одного глубокого рейда ушла на родину похоронная: «погиб смертью храбрых».

Он и сам думал, что погиб. А оказался в плену, в концлагере строгого режима. Это было хуже смерти. И, сидя за колючей проволокой, Семенов жалел об одном, о том, что остался жив.

Но — живые боролись! И при первой возможности он вместе с группой товарищей бежал.

Многое довелось пережить этому человеку: смертельно опасный путь из самого центра Германии, радость встречи с советской частью, шедшей на запад, горечь недоверия, когда его

лишили офицерских погон и партийного билета, пронесенного через все преграды, отказ восстать в архитектурном институте — все за то же: был в плену.

Но Семенов не сдавался, не падал духом — строил и боролся. К тому времени, когда ему вернули партбилет, у него была уже добрая слава строителя и архитектора, лауреата конкурсов на лучшие здания. А лет двенадцать тому назад пришло ответственное назначение — главным архитектором краснознаменного и орденного шахтерского Копейска.

С тех пор он бесменно там. Работает самозабвенно, увлеченно, с любовью к городу, к его людям.

Именно любовь, большая любовь к своему городу сделала его и энтузиастом-краеведом. Это он, страница за страницей, раскрыл биографию Ивана Ивановича Редикорцева — первооткрывателя каменного угля на Южном Урале — и подарил Копейску монумент — памятник замечательному русскому искателю-инженеру. Это он вернул своим землякам забытые и полузабытые имена тех, кто работал для славы России вместе с «отцом булатной стали» П. П. Аносовым.

Это он... он оказался моим «соперником» в новом шевченковском поиске.

...Мы выходили в разное время и из противоположных пунктов, наметив для себя к тому же направления различные. Но — встретились. Встретились, к обоюдному нашему удовлетворению.

Однако теперь я передаю слово Михаилу Семенову. Человек живой, остроумный, он в письме ко мне изложил ход своих поисков в духе и стиле детектива. Даже подзаголовками снабдил — по образцам этого жанра.

Итак, я на время отступаю в сторонку. Прошу, Михаил Григорьевич. Рассказывайте...

...«ЛОШАДЬ И ХРИЗАНТЕМЫ. Вы уже знаете, что по специальности я архитектор, а поэтому неравнодушен ко всему красивому. И вот представьте себе такую картину: около здания горсовета, купаясь в лучах солнца, цветут эти самые хризантемы, поодаль стоит серая лошадка; и вдруг, от нечего делать, она подходит к цветам и преспокойненько начинает их пожирать. Ну, знаете, тут никакие «архитектурные нервы» не выдержат! Огрел я лошадку тихонько по шее и стал дожидаться ее хозяина. Ждать долго не пришлось. Массивная дверь открылась, и из нее показался... нет-нет, не человек — ворох старых газет на человеческих ногах. Газеты улеглись на дно телеги, подняв столб пыли, и предо мною оказался возчик с довольной улыбкой на губах... Пришлось объяснить, что такое цветы и как их охранять. А между делом узрел, что газеты — местные, за тридцать пятый год. Неужели в макулатуру?.. Чтобы как-то сгладить конфликт, я пригласил заготовителя за угол, где находится моя контора, и быстро совершил обмен газет на какие-то старые, действительно ненужные бумаги. И у старых газет началась новая жизнь.

ИСТОРИЯ КОМСОМОЛА И... ШЕВЧЕНКО. Работала у нас бойкая дивчина-украинка, геодзист по профессии. Увлекалась самодеятельностью и прочими делами общественными. Ее-то и засадили за разбор газет, дав для целеустремленности тему: история комсомола. И вот од-

нажды вечером Нэля вихрем врывается в мой кабинет и... с большим трудом удается мне понять, что в местной нашей газете «Копейский рабочий» за 1 июня 1935 года ее поразило сообщение: некто Воронцов, работник золотых промыслов, передал управляющему трестом «Миассзолото» по фамилии Чухрито документы... Тараса Шевченко. «А вдруг они пропали?!» — «Проверьте...» — «А как это сделать?» Действительно, как? Но здесь вас ожидает глава следующая и...

БУМЕРАНГ АКАДЕМИЧЕСКИЙ. Послала наша Нэля вырезку из газеты в родной город Киев, спустя какое-то время уехала от нас далеко-далече, и вдруг звонок секретаря горкома партии: «Не знаете ли вы, Михаил Григорьевич, что-либо о документах Шевченко? Письмо тут с Украины прибыло, на наших архитекторов ссылаются...» Прочел письмо, и все стало ясно: украинские шевченковеды заинтересовались копейской заметкой, но... выяснение судьбы находки решили поручить работникам местным. Получился своеобразный «бумеранг». И я получил необычное партийное поручение.

КАПИТАН ИДЕТ ПО СЛЕДУ. На фронте я командовал взводом разведки, кое-что в делах затруднительных соображаю. Первый шаг был сделан в направлении... милиции. Там ответили, что ни Воронцовых, ни Чухрито в нашем городе нет. Стал искать архив треста «Миассзолото». Нашел. Но о Воронцове и Чухрито узнал лишь то, что они были репрессированы в 1937 или 1938 годах. Попросил разыскать кого-нибудь из тех, кто их знал и хоть что-нибудь слышал о «шевченковском кладе». И вдруг — о, радости! — милицейский работник отыскал пенсионера-бухгалтера, который не только знал интересующих меня людей, но даже держал у себя в сейфе найденные бумаги. Потом Чухрито передал их в местный музей. Музей? Не скажут ли что-то интересное там? Ответ был, однако, неутешительный: «Ищем сами, да безрезультатно...» Еще раз побеседовали с бухгалтером. Но узнали только биографические подробности: Воронцов в прошлом был дворянином, владельцем Непряхинских золотых промыслов, после революции работал штейгером в системе «Миассзолото», в тридцатых годах был арестован, находился в ссылке, вернулся в Непряхино, поселился у старушки, бывшей своей прислуги, и... тихо помер...

ПОХОД ПО СЛЕДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Разыскали старушку, что Воронцова приютила, а она, бедная, читать-писать никогда не умела, а память потеряла от древности лет. Одно только сообщить могла — что у «хозяина» ее «гумаг разных целый сундук был и все-то он чего-то писал и писал». И сколько ни бились — тупик. Тем временем пенсионер-бухгалтер вспомнил, как единожды слышал от Василия Эмильевича (это Воронцова так звали), что «бумаги Тараса Григорьевича» он выиграл в городе Екатеринбурге в карты у офицера. Вначале офицер хотел бумаги Воронцову продать, так как тот почему-то интересовался темой «Воронцов и Шевченко», но... карты изменили, и вместо продажи получился проигрыш. Интересовался, значит, темой? Любопытно... Тут же я запросил Ленинскую библиотеку и получил ответ: во время ссылки одним из ротных командиров у поэта был некий подпоручик Воронцов, который, по воспоминаниям его суп-

руги, долго жившей в Орске и именно там поделившейся воспоминаниями с журналистом Матовым, относился к Шевченко чуть ли не по-отцовски. Не был ли Василий Эмильевич потомком того подпоручика?

СЛЕДЫ ВЕДУТ В КИЕВ. В одном из писем, сейчас уже не помню от кого, я прочел, что, примерно в одно время с найденной мною, в местных газетах печаталась другая заметка о тех же документах. Удалось установить: действительно, в «Колхозной газете» за 2 июля 1935 года (то есть через месяц после сообщения «Копейского рабочего») была помещена информация «ЧелябТАСС», что документы, хранящиеся у Воронцова и отданные Чухрито в Миасский музей, директором этого музея Черных пересланы товарищу Постышеву. П. П. Постышев, как вы знаете, вскоре пал жертвой произвола... И розыск документов застопорился, я оказался в тупике.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. А документы — те самые, на двадцати одном листе — преспокойно лежали с довоенных времен в Шевченковском институте Академии наук Украины, только историю их позабыли. Об этом мне сообщил один

из сотрудников института Е. П. Кирилюк. Теперь там находится и толстый том моей двухлетней переписки. Искал, кажется, зря. Но «разочарованным» я себя не считаю,—всякий следопытский поиск дает обильную пищу для размышлений. Как собрату признаюсь: посвящать досуг делам такого рода — радость превеликая. Именно радости! Я испытал ее множество раз — столько, сколько отправлялся в поиск сам.

Стала она моей спутницей и вновь. С того самого дня, когда я впервые прочел заметку в давнишнем номере украинского журнала «Червоный шлях». С того часа, когда написал первые письма, продиктованные тревогой за судьбу бумаг. И разве теперь мне достаточно убедиться, что они целы, зарегистрированы и пронумерованы? А до конца ли восстановлена их история? Прочитаны ли они со всей полнотой?

...Архитектор из Копейска отправил переписку в архив. Я этого сделать не могу, не считаю себя вправе. Поиск не закончен. Ни его, ни мой. Надо искать дальше.

Итак: Воронцов и Шевченко...

Одна из версий Семенова увлекла меня более всего. Воронцов и — Шевченко... Соединение этих фамилий, этих судеб могло, казалось, весьма достоверно объяснить, каким образом важные для биографов шевченковские документы попали, притом на долгое время, в руки

безвестного «частного лица». Не литературоведа и не историка — золотоискателя, а в прошлом — золотопромышленника...

Что ж, будем искать подтверждения.

...В последние годы изданы две объемистые книги воспоминаний о Тарасе Шевченко. В них собраны наиболее интересные свидетельства современников нашего Кобзаря.

Листаю академический сборник «Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям современников»; он вышел в свет в Киеве, в 1958 году. И вот, на странице 165-й,— первое упоминание о Воронцове. Со слов поручика Фролова, который служил на Мангышлаке, некий Ф. Пискунов записал, что «во время пребывания Шевченко в Новопетровском укреплении он, несмотря на запрещение, иногда все-таки рисовал и, между прочим, нарисовал портреты с Фролова и подпоручика Воронцова, которого очень любил».

«Очень любил...» Для начала этого немало!

К сожалению, нигде далее о Воронцове не сказано ничего. Может, подробнее можно узнать о нем из более нового, московского, издания: «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников»?

В оглавлении сразу бросается в глаза фамилия одного из авторов: А. Матов. Тот самый, который искал шевченковские материалы в Орском архиве. Тот, что встречался в Орске с супругой Воронцова и беседовал с ней о Тарасе Григорьевиче.

А вот и изложение ее рассказа,— оно приведено составителями сборника почти полностью, так как некогда публиковалось в газете «Камско-Волжский край».

Тут названо имя Воронцова: Владимир Петрович; читателю становится известным, что во время строительства Новопетровского укрепления он заведовал «материальной частью», а позднее командовал ротой и являлся «ротным» рядового Шевченко.

«...Воронцов не был поклонником фухтелей и шпиритенов. Это был человек просвещенный, с хорошими порывами, артист в душе и, при всем том, мягкий и добрый начальник. Он великолепно рисовал акварелью и масляными красками... Разумеется, ссыльный солдат и командир-художник очень скоро узнали друг друга и сошлись, насколько было возможно «сойтись» начальнику с подчиненным при тогдашнем воинском режиме... Сам Воронцов под тем или другим предлогом нередко брал с собой Шевченко, и они уходили в степь, за крепостную стену. Здесь обыкновенно наскоро натягивалась грунтовка, появлялись кисти и краски, и два художника на полной свободе отдавались своей общей страсти...»

Вот какой характер носила эта дружба. Можно добавить, что Воронцов был еще и любителем поэзии, как вспоминала его супруга, «стихи Шевченко он впоследствии добросовестно заучивал наизусть и долго их помнил».

Что ж, подтверждения, выходит, есть... Но — стоп! Подтверждения чему? Тому, что у Шевченко и впрямь был знакомый по фамилии Воронцов? Тому, что у них оказались общие интересы и это способствовало укреплению дружеских отношений? Но имеем ли мы основания протягивать какую-то нить от Воронцова — подпоручика к Воронцову — золотоискателю, от знакомства в Новопетровском укреплении к документам, найденным на Южном Урале?

Давайте порассуждаем, и прежде всего о документах.

Допустим, что они и впрямь оказались в семье Воронцова. При той постановке архивного дела, да еще в таком медвежьем углу, как Орская крепость, это отнюдь не исключено. Тем более, ежели учесть, что Воронцов, переведенный сюда по службе и здесь оставшийся доживать век, имел знакомых в кругах военных. Но вот владетель документов умирает. К его вдове приходит весьма искушенный в поисках журналист. Он вызывает ее на воспоминания. Он по крупницам собирает факты, которые сохранила память женщины. Он записывает, переспрашивает, выпытывает. Может ли супруга покойного Воронцова не показать семейных реликвий, связанных с именем Шевченко, не вспомнить о них, если они по той или другой причине оказались у кого-то из наследников или даже утрачены? А Матов не услышал об этом ни слова, ни полслова. Не услышал по одной-единственной причине: собеседница не могла сообщить ничего.

Продолжим цепь рассуждений.

Человека занимает конкретный вопрос: Воронцов и Шевченко. Ему лестно иметь документы, подтверждающие причастность своего предка к судьбе выдающейся личности. Что же из этого вытекает? Да прежде всего то, что собранные (или разом полученные) бумаги должны хоть где-то содержать упоминание Воронцова — ну, хоть подпись, что ли. Но его фамилия могла войти в шевченковские документы новопетровского, но никак не орского периода жизни поэта. К первым четырем годам

ссылки Шевченко Владимир Петрович Воронцов отношения не имел. А как можно судить по журнальной заметке, только этот период в находке и представлен. Да, 1847—1850...

Однако от рассуждений уже можно переходить к фактам.

...— По вашему запросу прибыла единица хранения из Института украинской литературы имени Шевченко,— позвонили мне из Оренбургского областного архива.

О, значит, с перепиской копеецкого моего собрата я смогу познакомиться не в ироническом его изложении, а, так сказать, в подлинниках.

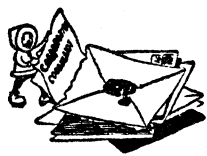
И почти в ту же минуту, когда раздался этот телефонный звонок, почтальон принес пакет. Тоже из Киева. Тоже из института. Опись документов о Т. Г. Шевченко... Документ, документ, документ — все тринадцать! Даже дух перехватило!..

Не знаю почему, но прежде всего я стал искать упоминания о Воронцове. Оттого, наверное, что мысли мои были заняты именно этой версией. Но среди множества фамилий — и начальников всех рангов, и даже сослуживцев — Воронцова не оказалось.

А документы интересные. Очень! И, кажется, до конца не прочитанные, не использованные. Будто сторонились исследователей. Невольно поверишь в детскую сказку о «заколдованных» кладках...

Ну, старые бумаги, рассказывайте теперь — о времени, о поэте!..

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

КАРАВАН С „МЯГКОЙ РУХЛЯДЬЮ“

История охоты на соболей уходит в далекое прошлое. По соболиному следу ходили предприимчивые сыны Великого Новгорода. Они проникли в Югорию и Обдирию еще в XIII веке не ради «серебра и злата», а ради добычи ценного меха.

«А как только просвистела под ле ушей закаменных пуля большой пищали,— писал наш земляк Петр Андреевич Словцов,— Сибирь Северная стала для России самородным зверинцем, кладовой «мягкой рухляди».

Жемчужиной Зауральского природного зверинца был соболь. С него началась и росла казна Московского государства. С «диких берегов Иртыша» был послан Ермаком «подарок» Ивану Грозному из 60 сороков отменных собелей.

Соболиный ясак с первых дней завоевания Сибири принял широкий размах. К 1629 году количество добываемых зверьков исчислялось в сто тысяч штук. К концу

первой половины XVII столетия соболиная казна достигала до шестисот тысяч рублей и составляла около одной трети тогдашнего доходного бюджета Московского государства. При недостатке металлических денег соболь играл роль золотого фонда. Он позволял государству сосредоточить в своих руках чрезвычайно выгодную торговлю и использовать соболиные меха в дипломатических целях. Только в одну Вену в 1594 году Борисом Годуновым было отправлено 40360 шкурок.

Сохранились очень интересные документы об отправке в 1735 году в Пекин второго государственного каравана с «мягкой рухлядью» на сумму 100 тысяч рублей. В нем собольих мехов числилось «489 сороков да еще 11 штук», то есть 19571 шкурка на сумму свыше двадцати пяти тысяч рублей. В среднем одна шкурка оценивалась в рубль 31 копейку.

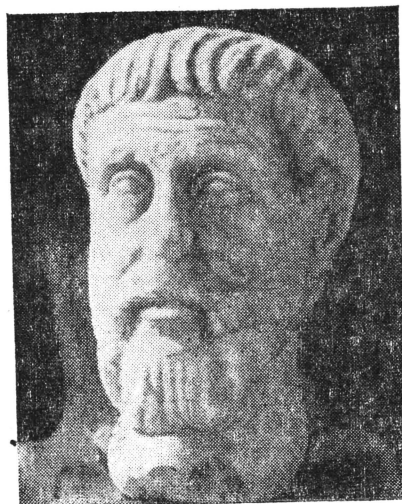
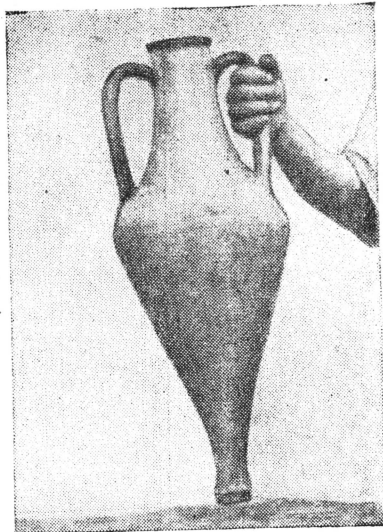
Белок «разного звания» в караван входило свыше четырехсот тысяч штук. Одна беличья шкурка стоила две копейки. Удивляет большое количество шкурок горностая — 173 422 и скромная сравнительно стоимость — семь копеек каждая. В «мягкой рухляди» каравана числилось около тридцати пяти тысяч штук лисиц тоже «разного звания»: черночерневых, красных и белодушек. Были шкурки песцов, рысей, выдр и бобров.

Для «презентов» китайскому богдыхану и другим знатным лицам была в караване особая партия собелей, взятая из Тобольской рентерии. Это здание, входящее в общий величественный ансамбль Тобольского Кремля, известно еще под названием Шведской палаты.

В Пекине все меха обменяли на золото, серебро, шелковые ткани и «курьезные» вещи для царского двора.

М. ПЕТРОВ

СЛЕДОПЫТ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

Керченский пролив. Он, словно ворота, связывает два моря — Черное и Азовское. Берега его издавна овеяны рассказами и легендами. Кто не слышал греческого мифа о прекрасной богине Луны Ио, превращенной супругой Зевса Герой в корову. Это она, преследуемая слепнем, переплыла встретившийся ей на пути пролив — Боспор Киммерийский. Здесь, на Таманском берегу, греки-колонисты построили когда-то покровителю моряков Ахиллу святилище, а на противоположной стороне выросло селение Порфмий, ставшее пунктом переправы в самом узком месте пролива. Во времена Геродота среди местных племен Прикубанья ходил рассказ о проделках прекрасной Афродиты, обманом завлекшей в пещеру гигантов, где их одного за другим убивал Геракл. За этот обман ее прозвали Афродитой-Апатурой, или Афродитой Обманчивой. В честь этой особо почитаемой в этих краях богини был построен город Апатур, а на землях Тавриды, вблизи Пантикапея, выросли дома города Мирмекия.

Давно исчезли с земли древние города Боспора — Апатур и Ахиллий, покрылись землею стены Порфмийа и Мирмекия. Но память о них осталась в трудах древних историков и географов, путь к ним ищут поколения следопытов-археологов.

***

В сентябре 1820 года брат Александра Сергеевича Пушкина получил из Керчи письмо. В нем Лев Сергеевич прочел о городе, построенном на земле, которая насыпана веками и скрывает много драгоценного. *«Какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий, но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно ведется».* Кто же был этот француз, о котором писал Л. С. Пушкин?

Более века назад в Керчи появился невысокий подвижный человек, занявший место начальника местной таможни. С альбомом в руках он исходил Керченский полуостров. Останавливаясь в изумлении у огромных циклопических кладок и склоняясь над остатками разрушенных стен, он старательно зарисовывал их. Стараниями Павла Дюбрюкса, энтузиаста керченской археологии, были составлены «Описание развалин и следов древних укреплений, некогда существовавших на Европейском берегу Боспора Киммерийского». Остатки разбитых блюд и сосудов, монеты и медали, куски черепиц и ручек от амфор загромождали тесные комнаты квартиры француза. Его коллекция явилась настоящим кладом для Керченского музея древностей, которому он подарил ее в 1826 году.

Дюбрюкс умер в глубокой бедности. Перед смертью он писал другу: *«У меня нет огня в комнате, случается часто, что по два, по три, по четыре дня сряду я не знаю другой пищи, кроме куска дурного хлеба».*

Многое из написанного начальником таможни попало в научные центры России и Европы, многое потеряно. Например, сведения о найденных им городах.

В двадцатых и тридцатых годах нынешнего века изучением северо-восточной части Крыма

и оконечности Таманского полуострова увлеклись советские археологи. Это были поистине неизведанные края, хотя они лежали в местах, давно обжитых и изученных.

Летом 1948 года на строительстве Керченской паромной переправы появился новый инженер. Невысокий пожилой путеец стал начальником технического отдела. Почетный железнодорожник скоро подружился со всеми рабочими, благодаря своей общительности, глубокому знанию дела и любви к истории. Инженер куда-то исчезал по воскресеньям и возвращался к вечеру с рюкзаком, заполненным странными предметами — не то кусками кирпича, не то разбитой посудой. Василий Васильевич Веселов складывал их дома на полку, а особенно интересные черепки, крытые черным лаком, показывал сотрудникам археологического музея. Те, в свою очередь, знакомили Веселова с «биографиями» напластований, в которых он обнаружил тот или иной предмет.

Василий Васильевич увлекся археологией. С каждым днем он приобретал опыт, вел записи, составлял планы и карты с обозначением мест, где находил посланцев прошлого. Читая древних авторов, Веселов узнал, что на месте, где должен был курсировать паром, когда-то на льду пролива билась с конницей кочевников конница Митридата. Отец истории Геродот рассказал ему о Киммерийских переправах, о путях древних мореплавателей, и Веселову стали грезиться стены забытого города Порфмия, в самом названии которого говорилось о переправе.

Возводя сооружения паромной переправы, оборудованные по последнему слову техники, инженер мечтал найти город, откуда уходили в плавание корабли, город, который не могли разыскать на протяжении 150 лет археологи.

В мае 1950 года Василий Васильевич с сыном Василием шагал вдоль береговой линии Керченского пролива. На продолговатом холме, между поселками Опасное и Жуковка, он обнаружил разрушенные каменные стены, вероятно, фундамент древнего укрепления. Во многих местах из фундамента местные жители уже выбрали большие куски известняка.

Стены древнего акрополя составляли в плане неправильный четырехугольник и занимали плато всего холма. Рядом с городищем журчали слабые родники, а на брустверах окопов, оставшихся от последней войны, среди разорванных гильз и осколков снарядов, лежали обломки разбитых сосудов, куски раздавленных амфор и кровельных черепиц. Отец с сыном нашли в земле пряслица, отлитые из свинца, обломок точильного бруска, рыболовное грузило и множество костей домашних животных. Расстояние между Мирмекием и Порфмием в 60 стадий, что засвидетельствовано некогда Страбонам, вполне соответствовало нынешним 10,68 километра. Веселов пришел к выводу, что найденное им поселение — Порфмий. Сообщение об этом открытии появилось в научной печати. А Василий Васильевич продолжал шаг за шагом проникать в тайны полуострова.

В одном из сел, в Глазовке, разговорившись с колхозницами, он узнал о славившемся в этих местах источнике. Кое-кто считал его воду исцеляющей. Из книг античных авторов Веселов помнил, что где-то здесь в древности стоял храм, посвященный богу-врачевателю Асклепию. Вероятно, и в то время здесь мог быть источник, и храм стоял над ним не случайно.

Василий Васильевич разобрал каменный завал, прикрывавший выход воды из земли, и обнаружил кладку колодца.

На горе Митридата следопыт нашел множество толстых, величиной с большой пирог, боспорских черепиц. На некоторых стояли надписи, рассказывающие о том, что кровельная черепица изготовлена в царской мастерской.

Древние оборонные валы и античные водопроводы, загадочные письма на мраморе и обломки статуй — ничто не ускользало от глаз Василия Васильевича. Шагая по крымским и кубанским степям, он открыл остатки сотен древних поселений, совершил поистине титанический труд, оформленный в десятках археологических карт и планов.

Имя его стало известным по всей стране. В день, когда старому путейцу исполнилось 70 лет, поздравление с юбилеем прозвучало в эфире по всесоюзному радио.

Каждый день в маленькую квартиру Веселова, увешанную планшетами с разноцветными осколками посуды, приходит почтальон. Пишут ученые, пишут школьники. Вот письмо от немецких археологов. Они просят прислать отписки опубликованных статей, а вот весточка из поселка Гаркуши, что на Кубани: «Ждем в поход этим летом. Напишите, всех ли собирать?»

Веселова особенно привлекает к себе Таманский полуостров. Здесь, в самой узкой части пролива на азиатской стороне когда-то лежало поселение Ахиллий. И хотя вокруг встречается очень мало черепков посуды античного времени, следопыт все-таки уверен, что где-то на косе Чушка должны находиться его остатки. Он считает, что Ахиллий исчез в V—XVIII веках нашей эры, во время извержения ближайших грязевых сопков.

Керченским Гермесом назвала Василия Васильевича Веселова писательница Мариетта Шагинян.

Но не только дела древнего мира увлекают его. Инженер-железнодорожник вынашивает план строительства канала между станцией Таманью и Ахтанизовским лиманом. Эта мечта овладела им с тех пор, как узнал Василий Васильевич от древних авторов о существовании большой протоки из Керченского пролива в Азовское море.

Идут годы. А Веселов не стареет. То он появляется в экспедиции, производящей разведку средневековых поселений, то его видят в зале Института археологии на научной конференции антиковедов. Интересный он человек, и интересно жить на земле, когда рядом есть такие увлеченные люди!

Б. СЛУЧАНКО

Рассказ

Вл. ТУБОЛЕВ

Рисунки А. Гуссиса

Я лежу на верхней полке вагончика, в котором мы живем на трассе газопровода, и пытаюсь уснуть. Это говорит о моем мужестве: в вагончике нас четверо, но, кроме меня, уснуть никто не пробует. Это безнадежная затея, потому что жара на улице плюс сорок, а здесь и все пятьдесят. До трех ночи жара не спадет. Я прекрасно это знаю, и все-таки...

Мы рассказывали друг другу обо всем, что когда-либо случалось с нашими родственниками, нашими знакомыми, и то, что никогда ни с кем не случалось. После того, как день просидишь за рычагами трубоукладчика, под изнуряюще-ослепительным солнцем, среди огнедышащих песков,— это единственное, на что ты еще способен.

Николай Марычев рассказал, как он вчера плавал в арыке наперегонки со змеями. Рекорд остался за ним. Андрей Зорин залез на трубоукладчик, схватился за рычаг, чтобы поднять стрелу, и рычаг оказался гюрзой. Мы не поверили, и он обиделся. Я рассказал... Ну, мне сразу поверили, потому что, как заметил Андрей Зорин,— довольно подлое, на мой взгляд замечание,— во мне столько же фантазии, сколько и на полке, на которой я лежу.

— Да...— сказал Иван Ласкин задумчиво, когда я кончил.— Разные бывают в жизни случаи, поверьте мне.

Он повернулся так, что полка застонала, и пустил в потолок клуб папиросного дыма.

ОТКУДА ТВОЯ ФАМИЛИЯ?

К столу библиотекаря подходит пожилой мужчина.

— Мне бы записаться.

— Пожалуйста. Как ваша фамилия?

— Минин.

— Национальность?

— Коми-пермяк.

Минин — фамилия чисто русская. Как она досталась коми-пермяку? Может быть, предки этого человека жили когда-то в Нижнем Новгороде, где Мининных было много?

Народы мира издавна давали имена примерно так, как теперь даются прозвища,— по личным

приметам человека. Ребенка, родившегося первым, называли «Первак», увидевшего свет в пути — «Дорога», человека с большой головой — «Луна».

Такое положение было и у коми-пермяков. При переписи Чердынского уезда 1579 года зарегистрированы, например, коми-пермяцкие имена: Тарко (тетерев), Кычан (щенок), Ширка (мышка), Сырчик (чижик), Рака (ворона).

С принятием христианства в быт начали входить церковные имена — Иван, Никита, Афоня, Миня. Но прежние, языческие, долго не исчезали. Они встреча-

ются в переписях 1623, 1647, 1678 годов.

Коми-пермяки не знали постоянных фамилий, которые переходили бы из поколения в поколение. Если у человека по имени Жонь (снегирь) рождался сын, и если сына называли Руч (лиса), то полное имя получалось такое: Жонь Руч (Лиса сын Снегиря). Это видно из древнейших письменных памятников. Так, в первой переписи Приуралья 1579 года жители обозначались именем и отчеством с окончанием на «ов», «ев», «ин». Фамилий люди тогда еще не имели. В деревнях кое-где и сейчас

— Вот работал я...— это, значит до газопровода — тоже шофером,— начал он.— И, если говорить откровенно, было это уж не в первый раз. Но я решил, что хватит Сидит, значит, он в моем грузовике, мастер... Рядом его жена. И вози их по всему городу... Я только что вернулся из рейса, устал, голодный, но им, видите ли, торшер нужен.

— Торшер — это что-нибудь такое... ехидное? — спрашивает Андрей трагическим шепотом (он всегда переходит на трагический шепот, когда собирается соврать сам или ожидает услышать захватывающее вранье).

— Кто его знает... — вздыхает Иван. — Я слышу: «торшер», «торшер», да кто ж его знает... Главное — пьян мой мастер, как верблюд. Ну ладно. Везу их в один магазин, во второй, в третий, десятый. Торшера, будь он проклят, то ли нет, то ли есть, да не такой, какой им нужен. И чувствую, что дохожу до той точки, когда человек готов на все. У мастера во дворе стоит собственная «Волга», а он на государственном грузовике прожигает государственное горючее. Не положить ли тебя, думаю, под колеса?

— И-их! — восторженно вскрикивает Николай, садясь на полке и блестя глазами. — Положил?

— Нет...

Рассказчик смолкает и долго смотрит на выходящие колечки дыма.

— М-да... Не такой я человек, чтобы класть других под колеса. Я только думаю иногда об этом. Вот. Я повозил его по магазинам и в полной сохранности доставил домой, да... Пригласили они меня на семейный ужин. Ну, я отвел в гараж машину, зашел. Распили бутылочку... Ох, ребята! — вскрикивает он неожиданно. — Ну скажу я вам, что за удовольствие выпить хорошего коньяку в хорошей семейной обстановке!.. Если

бы вы знали... Выпили мы, значит, подмахнул он путевку, и та-ак хорошо я в ту ночь выспался...

Иван поворачивался к нам спиной.

— Спокойной ночи, ребята.

Николай разочарованно моргает глазами. Андрей крякает и ожесточенно сплевывает.

— Что же ты... что же ты... — говорит он, заикаясь от обиды. — Подписал путевку... Что же, а? Выпил и подписал путевку... Зачем же рассказывать, а? Ну, хоть соврал бы нам, а?

Иван подымается на локте, потом свешивает голову вниз и задумчиво смотрит на Зорина.

— Ну что ты акаешь, дурья голова, — говорит он недовольно. — Зачем бы это я врал, скажи на милость? И почему бы это мне не выпить, если в путевке стояло: «Возил по магазинам пьяного мастера Дробышева. Пробег — триста километров». И внизу подпись: «Дробышев».

Ивана, отцом которого был Антон, зовут Антон-Иван.

В XVII веке отчества уже перешли в фамилии. Вот и появились: от имени Рака — фамилия Ракин, от имени Мош — фамилия Мошев (Рака — ворона, Мош — пчела).

Изучение истории фамилий может раскрыть многое: рассказать о лексике народа в древности, а следовательно о его жизни. Так, знакомясь с древними фамилиями, можно с уверенностью сказать, что до XV века предки народа коми знали счет: (Сизимов — от слова сизим, то есть семь); они употребляли такие орудия труда, как шило (Пыжьянов — Шиллов); держали свиней (Порсев) и т. д.

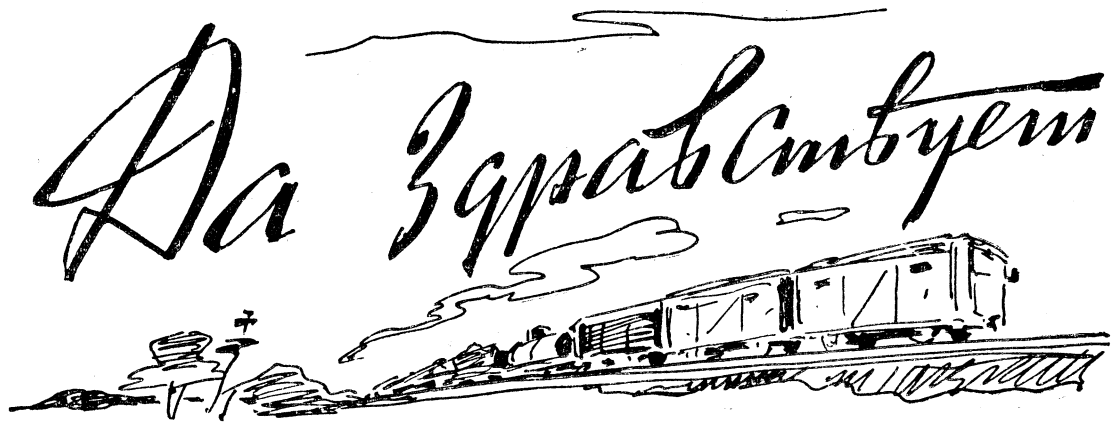
Есть еще немало фамилий, значение которых не раскрыто. На-

пример: Бачев, Чазов, Качин, Бурматов, Мичков. Они говорят, что в древности существовали имена, подобные этим фамилиям. В летописях упоминаются коми-пермяцкие воеводы Мичкин, Кача, Бурмат. В недавно записанной С. И. Исаевым песне говорится о воеводах Бадз и Чадз. Но ведь имена, как мы уже знаем, всегда что-то означали. Что же означали эти? Расшифровав их, мы, вероятно, узнали бы что-то новое о прошлом народа коми.

История фамилий может рассказать нам о возможной связи двух местностей в прошлом. Фамилия Бормотов встречается и у жителей Горького, и у жителей Кудымкарского района. Может, предки этих людей пересели-

лись некогда с берегов Волги? Так, оказывается, и было. Живя среди коми-пермяков, они заимствовали культуру, язык и с течением времени не стали отличаться от местных жителей. И только некоторые исторические данные да сходство фамилий говорят нам о переселении сюда русских. Возможно, и предки Мининых из деревни Долгоево Кочевского района родом также из Нижнего Новгорода. Однако утверждать пока этого нельзя. Ведь Миней было много, значит во многих местах появлялись фамилии Мининых. Не исключена возможность, что какой-либо коми-пермяк, приняв христианскую веру, получил имя Миня и положил начало фамилии.

В. СВЕТЛАКОВ

Рассказ

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки В. Бубенщикова

От эшелона, едущего на новостройку, я отстал на небольшой сибирской станции, когда до места назначения оставалась лишь ночь пути. «Виталька! Виталька!..» — внезапно услышал я знакомые голоса ребят из нашего вагона, бросился от газетного киоска к тронувшемуся составу и долго бежал по шпалам за последним вагоном, потом споткнулся и упал, и при этом в кровь разбил коленку. «Ви-таль-ка!..» — кричали ребята, размахивая руками. Я поднялся и зачем-то тоже помахал им вслед, рассмеялся, хотя ничего смешного не было в том, что человек остался на незнакомой станции без копейки в кармане.

С легким сердцем (солидные люди непременно сказали бы, что виною этому мои неполных двадцать лет) я возвратился на вокзал и до темноты прохаживался по платформе, ожидая скорый Москва — Владивосток.

Высокий красавец экспресс подплыл важно и нехотя, будто не желая останавливаться на такой невзрачной станции. Я поспешил к вагонам и в двух словах рассказал о своей беде веснушчатой молодой проводнице. Она не сомневалась, что я вру: это я понял по взгляду рыжих глаз.

— Много что-то вас отстаёт, — сказала она, загораживая собою тамбур и выразительно хлопывая по ладони желтым флажком.

Я поднялся, было, на ступеньку и получил удар флажком по голове.

— Рыжая, — сказал я.

— Телеграфный столб! — с веселой злостью отпарировала она.

— Конопатая, — спокойно сказал я.

Экспресс поплыл мимо платформы; проводница оглядела меня с головы до ног, отыскивая недостатки лица и фигуры, и, очевидно, не обнаружив ничего существенного, высунула язык; он показался мне таким же рыжим, как ее волосы и глаза. Красный огонек на последнем вагоне экспресса с издевкой подмигнул мне: ничего, мол, бывает и хуже.

Я посмотрел на расписание, висевшее у входа в вокзал, и присвистнул: следующий поезд был лишь утром; ночевать же на этой скучной, дремотной станции ничуть не улыбалось.

С запада показался товарняк и, замедляя ход, загромыхал мимо. Решение созрело быстро. Я вскочил на тормозную площадку грязного, испсанного мелом вагона, и скоро огоньки станционных служб остались позади.

Уже стемнело. Горы то совсем близко подступали к железнодорожному полотну, сбиваясь и наезжая друг на друга, то отступали, пугаясь чего-то. Вагон бросало из стороны в сторону, сцепления неистово грохотали, наверху, в темно-синем провале, вздрагивая, неслись за составом луна и звезды.

Укачивало, хотелось спать; я опустился на грязные доски тормозной площадки, прислонился головою к вздрагивающему борту и забылся.

Снилось мне что-то яркое, страшное,

что именно — я не понимал, и когда проснулся, то увидел, что в глаза мне направлен тугой луч карманного фонаря. Только теперь я почувствовал, что товарняк стоит. Луч фонаря переметнулся с лица на грудь, ощупал ноги. Из темноты выросла долговязая фигура в военной фуражке и с карабином за плечом.

— Вставай, приехали.

— Не беспокойтесь, мне дальше.

Охранник снял с плеча карабин.

— А ну, живо!

Я поднялся и спрыгнул с тормозной площадки на гравий. В ложбине светились огни.

— Скажите, воин, какую станцию я ошастливил своим посещением?

Огромная лапища легла на мое плечо.

— Иди без разговоров.

— Вам как приятнее идти: спереди или сзади?

— Сзади положено, — был ответ.

Миновали бесконечный коридор между товарняками и направились к свежесваренному товарному вагону, стоящему в тупике.

«Штаб ВОХР», — красовались аршинные буквы над дверями.

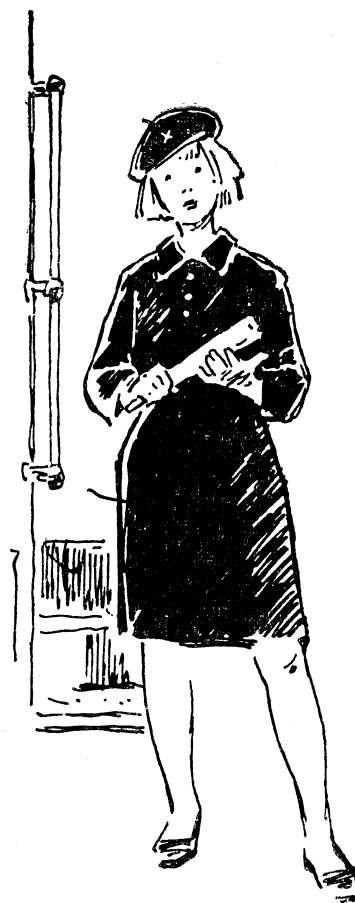
Охранник потрогал пояс, плотнее нагнул фуражку и ввел меня в вагон.

Внутренность штаба была оформлена строго, без излишеств, как и положено штабу. Вдоль стены стоял длинный стол, покрытый красным сукном, рядом — большая, в человеческий рост, карта Союза.

— Товарищ начальник! Задержан на тормозной площадке. Бежать не пытал-

ся, — чеканно-медным голосом доложил охранник.

Начальника, к которому были обращены слова, я заметил не сразу — настолько удачно он вписывался в обста-

новку штаба, являясь как бы частью ее. На вид он был года на три старше меня. Стоял он около карты с очень серьезным лицом. Превосходно отутюженные галифе с кантом, тщательно начищенные хромовые сапожки и ухарски сдвинутая на затылок фуражка с маленьким, кокетливо подрезанным козырьком. Я прыснул: грудь толстой офицерской гимнастерки была сплошь увешена пестрыми юбилейными значками. На фоне этой комичной вычурности, как ясные островки на пасмурном небе, смотрели на меня чистые карие добрые глаза начальника, которые он тщетно хотел сделать сердитыми.

— Можете идти,— сказал он ломким баском охраннику.

Верзила удалился; начальник сел за стол, красиво вскинув левую бровь; я без приглашения опустился на лавку.

— Документы,— потребовал он.

Я объяснил мое положение.

— Так-то я тебе и поверил,— сказал начальник, но по ясным глазам я понял, что он действительно поверил, только не терпится ему скорее показать, что передо мною не кто-нибудь, а командир воензированной охраны станции.

Захотелось посмеяться над ним (иногда появляется у меня такая слабость), и я начал издали:

— У вас такая сложная и ответственная работа...

— К чему это?— не понял он, подозрительно глядя на меня.

— Просто так,— парировал я.— Не часто приходится разговаривать с таким ответственным товарищем...

Простая душа! Глаза у него залоснились от самодовольства, и он скромно сказал:

— Да, работа ответственная.

Теперь было самое время сообщить, что на такую дремотную работу не каждая старуха согласится, но сказать этого я не мог: слишком наивно-радостное и легковверное самодовольство светилось в его глазах.

— Как тебя звать?— спросил я.

Его заметно задело, что я перешел на «ты», но он ответил:

— Иваном. А что?

— Все это лишнее, Ваня.

— Что «это»?

— Хороший ты малый, Ваня...

Мы как бы переменились ролями, но ненадолго: Иван выпрямился за столом, левая бровь опять красиво изогнулась.

— Поговорим по душам!

— Поговорим.

— Верю, что отстал, да и сомнения не было, как только увидел тебя. Этот вопрос, значит, выяснен... Другое меня интересует.— Он закурил и затянулся.— Что ты за человек? Серьезный или так, шалаяй-валяй?

В углу я заметил электроплитку и на ней чайник, прикрытый газетой.

— Мы с обеда не жрамши, Вань,— грустно заметил я.

Иван живо вскочил со стула.

— Не дело, брат. Сразу надо было сказать.

Он проворно заглянул в чайник, включил электроплитку и начал развертывать газетный сверток. Перед моим носом появились хлеб, пара тугих соленых огурцов, кусок сала.

— Чтобы все слопал. Понял? Мне два шага до дому.

— Спасибо, старина.

Я захрустел огурцами, и он похвастался:

— Все свое, не покупное — и огурцы, и сало. Борова сам выхаживал. Ну и здоров был!

Он мне вдруг показался старше по крайней мере лет на десять-пятнадцать, и я посмотрел на него. Нет, все тот же молодец, подтянутый и по-юношески стройный.

Я отодвинул от себя кружку и, разморенный чаем, откинулся на стуле.

— Есть здесь пруд или речка?

— Есть, только далековато... А что?

— Искупаться бы сейчас...

— Ты что, сдурел? Ночь на дворе, пеху не пели.

— Ты не любишь купаться ночью?

Иван пододвинул стул и сел рядом. Любопытство и осуждение одновременно светились в его чистых глазах.

— Странный ты какой-то. Прямо чудак! Ну скажи: нешто нормальный человек пойдет ночью купаться?

— Когда пасмурно, не очень интересно, но при луне!.. И река серебрится, и воздух, а вода, как парное молоко.

— Ты родом-то откуда? — спросил Иван.

— Москвич. Только я почти не живу там. Разъезжаю. То на стройку, то в экспедицию.

— Детдомовский, что ль?

— Что ты! У меня одних бабок и дедок — целый полк.

Иван задумался, выстукивая пальцами по столу, потом сказал вслух, будто о чем-то догадался: «Ага, ага!..» Это, очевидно, означало: «Я понял, что ты из себя представляешь, что ты за тип». И этот тип не очень нравился Ивану, потому что он нахмурился и сказал:

— Ветер у тебя, парень, в голове свистит! Помыкаешься так по белому свету, совсем от дома отобьешься. А это нехорошо.

— У тебя мысли моей бабушки Степаниды, — возразил я и, не желая ничего доказывать, крикнул: — Сейчас все едут, Ваня! Да здравствует дорога!..

— Чумной!..

Скрипнула дверь, в темном звездном провале замаячил знакомый мне верзила-охранник.

— Вроде порядок, начальник, воров нету, — сказал он и чему-то улыбнулся во все свое большое лицо.

Иван по-старушечьи строго поджал губы, бровь полезла вверх.

— Устава не знаете? Доложите как следует!

Верзила вышел и тут же вновь появился в штабе.

От милой и кроткой улыбки не осталось и следа.

— Товарищ начальник! — крикнул он. — Докладывает охранник Семенов. За время обхода товарного состава разрушителей не обнаружено.

— Можете идти, — сухо разрешил Иван.

Едва охранник вышел, я расхохотался.

— Это вы серьезно, братцы?!

Иван понял, о чем я говорю, и смех задел его.

— Дружба дружбой, а служба службой. Понял? Распускать подчиненных не след.

Я поверил: не властью играл — службу справлял.

— Но неужели необходимо вот так гавкать?

— Не гавкать, а докладывать по форме.

— А лучше — по-человечески. Пришел, сказал спокойно... Одногодки, небось? И куда ты его отправил? Со скуки один-то завоет!

— Ну, ты сиди, не указывай, — рассердился Иван.

— И самому, верно, скучно одному. Ну, признайся!

— Бывает, взгрустнешь. Такто ведь служба, не гулянка.

— Но зачем надуваться? Будь самим собой везде.

Он задумался, сощурился, — мысль моя показалась ему странной и непривычной.

— Говоришь много... Балабон!

Только теперь я почувствовал усталость: гудели ноги, поламывало спину. Но спать не хотелось.

Очевидно, весь разговор показался Ивану странным и непривычным, потому что он сказал:

— Много мы с тобой наговорили!

— Давай помолчим, коль надоел, — предложил я.

Но Ивану не хотелось молчать.

— В годах-то разница у нас небольшая, но непохожие мы: небо и земля... Возьми меня. Скажу не хвастаясь: уважают все, потому самостоятельный. Работу доверили ответственную. Прихожу

со службы — думаешь, гулянки в голове? Нет, брат. Опять делом занимаюсь.

— Каким? — вяло спросил я. Ивану, верно, было наплевать, интересен ли его рассказ собеседнику или нет.

— Избу свою ставлю. Сам, без помощи, — отвечал он.

— Небось и жениться надумал?

— К весне. — Иван слегка потупился, но тут же нахмурился: — А ты чего хочешь? О чем думаешь?

Чего я хочу? Я и сам не знаю. Очень многое, наверное. Хочу объездить весь мир, хочу, чтобы от работы трещали кости, хочу, чтобы было больше друзей...

— Скажи, фельдмаршал, ты уезжал когда-нибудь отсюда?

— От дома отбиваться не след, говорил уже. Каждый на своем месте хорош.

— А ты видел северное сияние?

— Нет. Сюда не доходит.

— Знаешь, что такое шепот звезд?

— Чего-о?

— Это когда дышишь, и пар с шипением замерзает в воздухе, и на землю падают мелкие звезды.

— Зачем говоришь — не пойму.

«Страшно, если не поймет, — подумал я. — Не верю, он должен понять!»

— Или жара. Страшная жара. На барханах я сам жарил яичницу. А однажды я видел озеро с красной и прозрачной, как сок красной смородины, водой. А посреди озера — три лебедя: два белых, как снег, один черный, с синим отливом. Их никто не трогал, потому что они были очень красивыми...

— Неужели все сам это видел?..

— А северное сияние — это когда все вокруг бесшумно горит, полыхает, и спросонку его можно принять за огромный пожар...

— Хватит брехать, — рассердился Иван. — Я тебе не верю.

Я подошел к карте.

— Смотри, это Якутия. А вот здесь, под Мирным, был я. Работал в экспедиции. Уехал туда сразу, как кончил школу. А вот это Кара-Кумы — Черные Пески. Здесь я летом с геологами искал нефть. Правда, искали они, я лишь таскал теодолит... А вот это голубое и зеленое — страна озер. — Я отыскал на карте Карелию. — Где-то вот здесь красное озеро с волшебными лебедями. Они мне каждую ночь снятся...

Я добился: у Ивана загорелись глаза!

— Неужели ты все это видел?

— А еще я видел настоящую жарптицу. Вся она светится, как маленькое солнце, даже глаза слепит.

Это я приврал, конечно: никакой жарптицы не встречал. Но я верю, что она есть, что рано или поздно она ослепит меня, как маленькое солнце.

Иван, скрипя сапогами, зашагал по комнате, не замечая, что задевает стулья. Он раскраснелся, возбужденный, расстегнул ворот гимнастерки.

— Ты говори, парень, говори. Я тебя очень слушать желаю, — попросил он, заметив, что я замолчал.

— Душно здесь. Пойдем на свежий воздух! — предложил я.

Мы вышли на крыльцо. Черная, бархатная ночь нависла над освещенной станцией. Со страшной высоты глядели

звезды. Гор не было видно; они угадывались по сплошной беззвездной черноте. Казалось, существует на свете только станция — вырванная у ночи резко очерченная световая площадка, а там, за железнодорожной насыпью, зияет лишь звездная пустота. Но так только казалось. И как бы нарушая это представление, на западе между сопок засветился воздух, обозначая иные дали, — то желтой грохочущей кометой пронесся скорый.

На станции шла обычная работа. Спотыкаясь на стыках, прибывали и отправлялись грузные товарные составы, сердито лязгали сцепления, там и сям в темных прогонах вспыхивали огни — ходили обходчики, погромыхая крышками букс. С шипением, с посвистом от станционной «кукушки» летели снопы искр и гасли в лощине, за станцией, и в воздухе пахло едкой, удушливой гарью.

— Слышь, браток, — сказал Иван, положив на мое плечо руку. — Я тебя дальше на скором отправлю, в купейном вагоне. Хочешь?

— А когда поезд будет? — спросил я. — Утром. А пока у меня поспишь.

Я посмотрел на то место, откуда совсем недавно вынырнула желтая комета. И, хотя место то скрывала крошечная тьма, мне вдруг показалось: воздух светится между сопок и неудержимо захотелось в дорогу.

— Оставайся, — опять попросил Иван.

Спать в такую волшебную ночь в душном дощатом ящике! Нет, не заснуть мне нынче...

В это время товарный состав, стоящий на соседнем пути, дернулся и поплыл мимо нас.

— Этот, кажется, мне по пути, — вслух сообразил я и крикнул, в секунду приняв решение и одним махом прыгнув с крыльца: — Будь здоров, Иван!

— Браток, куда же ты?.. — Он побежал за мною. — Утра бы подождал!

Но я уже вспрыгнул на подножку. Иван остановился на железнодорожной насыпи и поднял руку, приветствуя меня. Когда последний вагон состава поравнялся с ним, Иван побежал за товарняком, и я слышал, как он прокричал охраннику, стоящему на тормозной площадке:

— Слышь, друг! У тебя рядом паренек пристроился, так ты его не трогай, пусть едет!..

Первая воскресная школа в Усть-Катаве

Семьдесят лет назад в Усть-Катавской заводской больнице появилась молодая лекарская помощница Аделаида Карловна Буре. Миловидная, обаятельная девушка из Петербурга (там она училась на Высших женских курсах) быстро обратила на себя внимание местных жителей. Рабочие, их жены и дети запросто обращались к ней за медицинской помощью.

Через некоторое время Буре стала подбирать из числа взрослых желающих обучаться грамоте и начала хлопотать об открытии воскресной школы. Полиция настороженно отнеслась к этим шагам лекарской помощницы и пыталась чинить ей всяческие препятствия. Однако та не сдавалась. Воскресная школа все же была открыта.

Аделаида Карловна с жаром ушла в работу. Она впервые в Усть-Катаве использовала волшебный фонарь. В Уфе доставала интересные диапозитивы. Организовала драматический кружок.

Вскоре Буре вышла замуж за учителя заводской школы Емельянова Василия Наумовича. Емельянов стал ее надежным помощником в пропагандистской и просветительной работе.

Один из учеников Аделаиды Карловны, столяр Кулагин Иван Егорович, позднее говорил: «В школе обучалось 10—12 рабочих, подобравшись настоящие и смелые товарищи, и не случайно, что все они стали потом социал-демократами, большевиками. Буре была умной и очень осторожной. Мы потом раскусили ее, это была революционерка, которая из-за идеи работать с рабочими оставила петербургскую состоятельную семью и ринулась в «медвежий угол», в Усть-Катав, каковым был в те времена наш рабочий поселок. Я был самым старшим в школе, мне было тогда 35 лет, я носил бороду. Надо мной смеялись некоторые: зачем, мол, тебе учиться? Она очень душевно стихи Некрасова нам читала. Тогда мы стали понимать, что такое богачи, капиталисты и что такое рабочий класс. От нее мы многое узнали и стали, так сказать, людьми».

Учась в рабочей школе, мы так присмотрелись к самим себе, к своим ученикам школы, что иногда вечерние занятия превращали в политические, оставляя в стороне грамоту и арифметику. Такие занятия с большим интересом у нас проходили. Мы, конечно, договаривались, чтобы товарищи не проболтались о таких политических занятиях, чтобы не проиюхала полиция или жандарм. На такие вечерние занятия мы и приглашали особо надежных учеников».

В числе слушателей школы были рабочие Векшин Егор Тимофеевич, ставший активным участником забастовки рабочих вагоностроительного завода в 1903 году и высланный за «подстрекательство заводских рабочих к беспорядкам» на три года за пределы губернии; Гунсарев Николай Сергеевич, организовавший в 1903 году в Усть-Катаве группу РСДРП, бесстрашный революционер, возглавлявший в 1905 году комитет Рабочего Союза (Стачкома) и погибший в Сибири на царской каторге; Микерин Василий Прокопьевич, большевистский агитатор, пользовавшийся среди рабочих большим авторитетом; Гуляев Иван Кузьмин, активный революционер, устранившийся в цехе коллективные четки «Искры»; Самарин Иван Романович, Гунсарев Евдоким Фомич и другие.

Надежда Константиновна Крупская, вспоминая о своей ссылке в Уфу, писала: «Кроме самой Уфы, работа велась и по заводам. На Усть-Катавском заводе была фельдшерница социал-демократка, которая вела там работу среди рабочих, распространяла там нелегальную популярную литературу...»

Буре широко пропагандировала среди рабочих ленинскую газету «Искра», готовила для нее материалы из местной жизни. В номере 10-м «Искры», за 1901 год была напечатана корреспонденция из Усть-Катава. В ней разоблачался призыв администрации завода, снизившей расценки литейщикам. Эта корреспонденция была коллективным трудом «школьников» Буре и ее мужа Емельянова. Полученные несколько экземпляров

Аделаида Карловна БУРЕ

«Искры» зачитывались усть-катавскими рабочими, что называется, до дыр.

В своих воспоминаниях старые большевики Усть-Катава так отзывались о Буре: «Она была заядлой ленинкой. Ведь ни одного меньшевика не вышло из ее школы!»

В 1902 году в Усть-Катаве начались аресты рабочих. Школа прекратила свое существование, хотя, как отмечает И. Е. Кулагин, несколько занятий было проведено и в 1903 году.

В 1909 году умер от туберкулеза муж Аделаиды Карловны. На ее руках осталось шестеро детей. Вскоре она из Усть-Катава переехала в Уфу, а затем в Ташкент. Здесь в 1917 году Аделаида Карловна Буре скончалась.

И. ИСКРА

В НОМЕРЕ:

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА. Ан. Мотырев. К 45-летию выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола	1
АДМИРАЛЬСКИЙ ПИРОГ. Э. Нуриджанов. Очерк	5
ДОЗАТОР СОЛНЦА. Ю. Петров	9
НОВЫЕ СТИХИ. Михаил Найдич	10
НА ВЕРЕВКЕ ЗА САМОЛЕТОМ. И. Бак. Рассказ-быль	12
КЛЮЧ ИГРАЕТ В ПРЯТКИ. Г. Вахрушев, профессор	15
В КРАЮ АЛМАЗОВ. В. Каушанов. Фотоочерк	17
НА СЕМИ ВЕТРАХ. Алексей Мусатов. Повесть. Продолжение	19
В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ	32
ПЛЫЛА «КАМА» ПО АНГАРЕ. А. Никитин. Уральская марка	34
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	35
НЕОПРОВЕРЖИМО. Э. Ермакова	36
МИЛИЦЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. И. Цирлин	39
ШЛИ РЯДОМ БРАТЯ. Виктор Стариков. К славному юбилею. Очерк	42
ЗОЛОТОЙ ОКТАЭДР. Ю. Рябов	54
ВАСИЛИЙ ТУРКИН. Ив. Южнов. Очерк	56
СТОРОЖ ПОГОДЫ. Т. Неволина	60
ГДЕ-ТО НА УРАЛЕ. Л. Большаков. Рассказ о литературном поиске	62
КАРАВАН С «МЯГКОЙ РУХЛЯДЬЮ». М. Петров	69
СЛЕДОПЫТ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ. Б. Случанко	70
ТОРШЕР. Вл. Туболев. Рассказ	72
ОТКУДА ТВОЯ ФАМИЛИЯ? В. Светлаков	72
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДОРОГА! Е. Марысаев. Рассказ	74
ПЕРВАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА В УСТЬ-КАТАВЕ. И. Искра	79

Обложка В. Воловича.

Фронтиспис В. Васильева.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.

Технический редактор
Э. Максимова

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.

Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редактора, Д8-04-49, производ. отдел.

Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 13/IX 1965 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. 11,59 уч.-изд. л.
НС 19512. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 673.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

ШТРАФНОЙ УДАР.

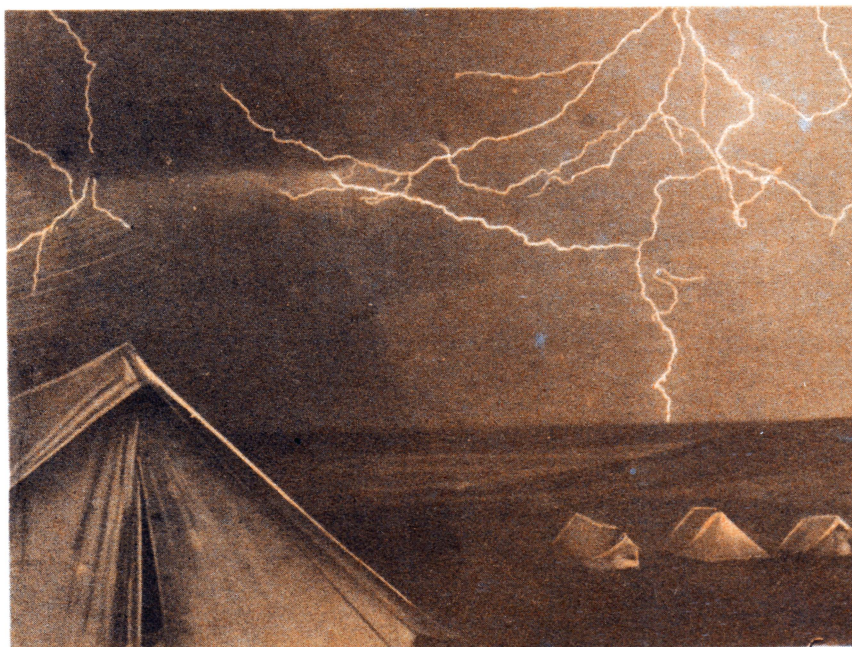
П. Кунин.

При карагандинском Дворце культуры горняков уже несколько лет работает фотосекция. Члены ее были участниками многих всесоюзных и международных выставок. Недавно они прислали свои фотографии в нашу редакцию. Некоторые из них мы публикуем.

КРЕПКИЙ ЧАЙ.

З. Фрейганг.

ГРОЗА.

Е. Филев.

30 коп.

курок 8-109

73413

Главный редактор В. ШУСТОВ
Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.